ЛСД – мой трудный ребёнок

Альберт Хофманн

SHOUT
SHARE
IT

- Альберт Хофманн
  - Предисловие
  - Глава 1. Как возник ЛСД
  - Глава 2. ЛСД в экспериментах над животными и биологических исследованиях
  - Глава 3. Химические модификации ЛСД
  - Глава 4. Использование ЛСД в психиатрии
  - Глава 5. От лекарства к наркотику
  - Глава 6. Мексиканские родственники ЛСД
  - Глава 7. Сияние Эрнста Юнгера
  - Глава 8. Встреча с Олдосом Хаксли
  - Глава 9. Переписка с поэтом и врачом Вальтером Фогтом
  - Глава 10. Разные посетители
  - Глава 11. ЛСД экспириенс и реальность

Альберт Хофманн
ЛСД – мой трудный ребёнок

Предисловие

Существуют переживания, о которых большинство из нас не решаются говорить, поскольку они не вписываются в повседневную реальность и бросают вызов рациональным объяснениям. Это не явления, происходящие вовне, а скорее события нашей внутренней жизни, которые обычно отбрасываются как игра воображения и стираются из памяти. Внезапно, привычный вид окружающего мира преобразуется странным, то ли восхитительным, то ли тревожащим образом: он является нам в новом свете, приобретая особое значение. Такое переживание может быть лёгким и быстротечным, как дуновение ветерка, или оно может оставить глубокий отпечаток в нашей памяти.

Одно из подобных откровений, которое я испытал в детстве, навсегда осталось удивительно живым в моей памяти. Это случилось майским утром – я забыл в каком году – но я всегда смогу точно указать то место, где это произошло, на лесной тропинке, на горе Мартинсберг, рядом со швейцарским городом Баден. Когда я прогуливался по свежему зелёному лесу, залитому утренним солнцем, неожиданно все вокруг предстало в необычном свете. Может, это было что-то, чего я не замечал раньше? Может, я внезапно открыл для себя весенний лес таким, каким он выглядел на самом деле? Он сиял необычайно красивым великолепием, честно говоря, как будто стараясь окружить меня своим величием. Я был переполнен неописуемым чувством радости, единства, и счастливой уверенности.

Не имею понятия, сколько я простоял там, очарованный. Но я помню тревожное беспокойство, которое почувствовал, когда сияние постепенно исчезло, и я побрёл дальше: как могло видение, которое было столь реальным и убедительным, столь непосредственным и глубоким – как могло оно закончиться так быстро? И как я мог сказать другим об этом, как того требовала переполнявшая меня радость, поскольку я знал, что нет слов, чтобы описать то, что я видел? Казалось странным, что я, ребёнок, видел нечто удивительное, такое, чего взрослые, очевидно, не воспринимали, поскольку я никогда не слышал, чтобы они упоминали об этом.

Все ещё, будучи ребёнком, я испытал ещё несколько подобных моментов эйфории во время моих прогулок по лесам и лугам. Именно эти переживания сформировали основные контуры моего видения мира и убедили меня в существовании чудесной, могучей и непостижимой реальности, скрытой от обыденного

зрения.

Я был часто озадачен в те дни, мне хотелось знать, смогу ли я, став взрослым, испытывать эти переживания, смогу ли я изобразить их в поэзии или живописи. Но, зная, что я не был рождён поэтом или художником, я решил, что буду хранить эти переживания в себе, такими значимыми, какими они были для меня.

Неожиданно, хотя едва ли случайно, гораздо позднее, в зрелом возрасте, установилась связь между моей профессией и теми визионерскими переживаниями детства.

Поскольку я хотел проникнуть в структуру и суть материи, я стал учёным химиком. С раннего детства, питая интерес к растительному миру, я решил специализироваться на исследованиях лекарственных растений. Двигаясь в русле этого рода деятельности, я познакомился с психоактивными веществами, вызывающими галлюцинации, которые в определённых условиях могут порождать провидческие состояния, подобные тем спонтанным переживаниям, только что описанным мною. Самым важным из этих галлюциногенных веществ стал ЛСД. Галлюциногены, как активные соединения со значительным научным интересом к ним, заняли место в медицинских исследованиях, биологии и психиатрии, а позже они, особенно ЛСД, получили также широкое распространение в субкультуре, связанной с наркотиками.

Изучая литературу, связанную с моей работой, я стал осознавать всеобщее огромное значение визионерского опыта. Он играет главную роль, не только в мистицизме и истории религий, но также в творческом процессе в искусстве, литературе и науке. Более недавние исследования показали, что многим людям визионерский опыт доступен в повседневной жизни, хотя большинству из нас не удаётся распознать его значение и ценность. Мистические переживания, вроде тех, что оставили след в моем детстве, по-видимому, не так уж и редки.

Сегодня широко распространено стремление к мистическим переживаниям, к визионерскому прорыву к более глубокой, более всесторонней реальности, чем та, что воспринимается нашим рациональным повседневным сознанием. Попытки преодолеть наше материалистическое видение мира совершаются в различных направлениях, не только приверженцами восточных религиозных течений, но и профессиональными психиатрами, которые перенимают подобный глубокий духовный опыт в качестве основного терапевтического принципа.

Я разделяю мнение многих моих современников о том, что духовный кризис, охвативший все сферы западного

индустриализованного общества, может быть излечен только изменением нашего видения мира. Нам следует перейти от материалистического, дуалистического убеждения, что человек и окружающая среда раздельны, к новому осознанию всеобъемлющей реальности, которая включает в себя воспринимающее «Я», реальности, в которой люди чувствуют своё единство с живой природой и мирозданием.

Все, что может способствовать такому фундаментальному изменению в нашем восприятии реальности, должно привлекать к себе пристальное внимание. На первом месте среди подобных подходов стоят различные методы медитации, и в религиозном и в светском контексте, которые ставят своей целью углубление осознания реальности при помощи мистического опыта. Другим важным, но все ещё противоречивым, путём к той же самой цели является использование свойства галюциногенных препаратов изменять сознание. ЛСД находит подобное применение в медицине, помогая пациентам в психоанализе и психотерапии воспринимать свои проблемы в их истинном смысле.

Намеренный вызов мистических переживаний, в частности, при помощи ЛСД и подобных галлюциногенов, по сравнению со спонтанным визионерским опытом, влечёт за собой опасности, которые нельзя недооценивать. Практикующие должны принимать во внимание некоторые эффекты этих веществ, а именно их способность влиять на наше сознание, на самую глубинную суть нас самих. История ЛСД на сегодняшний день достаточно демонстрирует катастрофические последствия, которые могут наступить, когда глубина его эффектов недооценивается и это вещество воспринимается как наркотик, который можно принимать ради удовольствия. Неправильное и неуместное использование сделало ЛСД моим трудным ребёнком.

Я хочу дать в этой книге полноценную картину ЛСД, его происхождения, его эффектов и его опасностей, чтобы предотвратить злоупотребление этим необычным средством. Я надеюсь в связи с этим подчеркнуть возможности использования ЛСД, которые соответствуют его характерному действию. Я считаю, что если бы люди научились использовать способность ЛСД вызывать видения более разумно, в подходящих условиях, в медицинской практике и в сочетании с медитацией, то в будущем этот трудный ребёнок мог бы стать вундеркиндом.

Глава 1. Как возник ЛСД

В области научных наблюдений удача даётся лишь тем, кто подготовлен

Луи Пастер

Раз за разом я слышал или читал, что ЛСД был открыт случайно. Это верно лишь отчасти. ЛСД явился на свет в рамках систематической программы исследований, а «случайность» произошла значительно позже: когда ЛСД было уже пять лет, мне довелось испытать его непредвиденное действие на себе самом, вернее на своём собственном разуме.

Глядя в прошлое на свою профессиональную карьеру и, пытаясь отследить важнейшие события и решения, которые в конечном итоге привели меня к синтезу ЛСД, я понимаю, что наиболее решительным шагом был мой выбор работы после окончания изучения химии. Если бы это решение было другим, это вещество, которое стало известно всему миру, могло бы никогда не появиться. Поэтому, чтобы рассказать историю происхождения ЛСД, я должен вкратце коснуться своей карьеры как химика, поскольку эти две линии событий неразрывно связаны.

Весной 1929-го, по окончании Цюрихского Университета, я стал сотрудником исследовательской химико-фармацевтической лаборатории компании Сандоз в Базеле, под руководством профессора Артура Штолля, основателя и директора фармацевтического отдела. Я выбрал эту должность, потому что она давала мне возможность работать с натуральными продуктами, тогда как два других предложения от химических фирм в Базеле означали работу в области синтетической химии.

Первые химические исследования

Моя докторская диссертация в Цюрихе под руководством профессора Пауля Каррера давала мне шанс реализовать свой интерес в химии растений и животных. Используя желудочно-кишечный сок виноградной улитки, я осуществил ферментное разложение хитина, строительного материала, из которого строятся панцирь, крылья и когти насекомых, ракообразных и других низших животных. Мне удалось установить химическое

строение хитина по одному из продуктов распада, содержащему азот сахару, полученному в результате этого разложения. Хитин оказался аналогом целлюлозы, строительного материала растений. Этот важный результат, достигнутый лишь после трёх месяцев исследований, вылился в докторскую диссертацию, защищённую мной «с отличием».

Когда я поступил на работу в Сандоз, штат сотрудников химико-фармацевтического отдела был весьма скромным. Четыре химика с докторской степенью работали над исследованиями, три над производством.

В лаборатории Штолля я нашёл то занятие, которое полностью гармонировало со мной, как с химиком и исследователем. Профессор Штолль поставил перед своими химико-фармацевтическими исследовательскими лабораториями цель выделить основные действующие вещества известных лекарственных растений и получить чистые образцы этих соединений. Это особенно важно для лекарственных растений, чьё действие сильно варьируется, что делает сложной точнуц дозировку. Однако, если активное вещество доступно в свободной форме, становится возможным производить стабильный фармацевтический препарат, точно дозируемый по весу. Имея это в виду, профессор Штолль выбрал для изучения вещества известных растений, таких как наперстянка (Digitalis), морской лук (Scilla maritima), и спорынья (Claviceps purpurea или Secale cornutum), которые, несмотря на свою нестабильность и неопределённость дозировок ограниченно применялись в медицине.

Мои первые годы в лаборатории Сандоз были практически полностью посвящены исследованию активных компонентов морского лука. Доктор Вальтер Крайс, один из самых ранних соратников профессора Штолля, подтолкнул меня к этим исследованиям. Наиболее важные компоненты морского лука уже существовали в чистом виде. Его действующие начала, как и вещества наперстянки шерстистой (Digitalis lanata), были с необычайным мастерством изолированы и очищены доктором Крайсом.

Действующее вещество морского лука принадлежит к группе сердечных гликозидов (гликозид = содержащее сахара вещество) и служит, как и гликозиды наперстянки, для лечения сердечной недостаточности. Сердечные гликозиды – весьма сильнодействующие вещества. Поскольку их терапевтические и токсические дозы столь мало отличаются, для них особенно важна точная дозировка, основанная на чистых веществах.

В начале моих исследований фирмой Сандоз был уже

разработан и применялся в терапевтической практике фармацевтический препарат, содержащий гликозиды морского лука, однако химическое строение его активных компонентов, за исключением их сахаросодержащей части, оставалось во многом неизвестным.

Моим вкладом в исследования морского лука, в которых я с энтузиазмом участвовал, было выявление химической структуры общего ядра его гликозидов, что показало с одной стороны их отличие от гликозидов наперстянки, а с другой стороны их близкую структурную взаимосвязь с токсическими веществами, выделенными из кожных желез жабы. В 1935 эти исследования были временно прекращены.

В поисках новой сферы изысканий, я попросил у профессора Штолля разрешения, продолжить исследования алкалоидов спорыньи, которые были начаты в 1917 и привели к выделению эрготамина в 1918. Эрготамин, открытый Штоллем, был первым алкалоидом спорыньи, полученным в химически чистой форме. Хотя эрготамин быстро занял важное место в терапевтической практике (под торговой маркой Гинерген) в качестве кровоостанавливающего средства в акушерстве и как лекарство от мигрени, после изоляции эрготамина и определения его эмпирической формулы химические исследования спорыньи в лабораториях Сандоз были приостановлены. В это время, в начале тридцатых, английские и американские лаборатории были заняты определением химического строения алкалоидов спорыньи. Они открыли новый, растворимый в воде алкалоид, который также можно было выделить из раствора, используемого для приготовления эрготамина. Я полагаю, что фирма Сандоз вовремя продолжила химические исследования алкалоидов спорыньи, иначе бы мы рисковали потерять свою ведущую роль в этой области медицинских разработок, которая уже тогда становилась столь важной.

Профессор Штолль одобрил мою просьбу, но с некоторым опасением: «Я должен предупредить вас о тех трудностях, с которыми вы встретитесь, работая над алкалоидами спорыньи. Это чрезвычайно чувствительные, легко распадающиеся вещества; они менее устойчивы, чем любые из тех, что вы встречали, исследуя сердечные гликозиды. Но вы можете попробовать».

Итак, колебания были отброшены, и я обнаружил себя вовлечённым в поле деятельности, которое стало главной темой в моей профессиональной карьере. Я никогда не забуду ту творческую радость, то страстное ожидание, которое я чувствовал, приступая к изучению алкалоидов спорыньи, которые были в то время относительно неизведанным полем для

исследований.

Спорынья

Может статься полезным, дать некоторою информацию о самой спорынье. (За подробной информацией о спорынье читателям следует обратиться к книгам Г. Баргера «Спорынья и эрготизм» (Gurney and Jackson, London, 1931) и А. Хофманна «Алкалоиды спорыньи» (F. Enke Verlag, Stuttgart, 1964). Первая из них – классический рассказ об истории спорыньи, тогда как последняя акцентируется на химических аспектах.) Она возникает из-за низшего грибка (Claviceps purpurea), который паразитирует на ржи и, в меньшей степени, на других зерновых и диких травах. Зёрна, заражённые этим грибком, преобразуются в загнутые рожки (склероции) от светло-коричневого до фиолетово-коричневого цвета, которые вырастают вместо нормальных зёрен. Ботанически спорынья описывается как склероций, форма, которую грибок принимает зимой. Спорынья, паразитирующая на ржи (Secale cornutum) – та разновидность, которая используется в медицине.

Спорынья имеет историю, более интересную, чем у любых других лекарств, в течение которой её роль и значение поменялись на противоположные: изначально её боялись как яда, но с течением времени она превратилась в кладовую ценных лекарственных веществ. Спорынья впервые появилась на сцене истории в начале Средневековья, как причина вспышек массовых отравлений, поражавших тысячи людей. Болезнь, чья связь со спорыньёй была долгое время неизвестна, проявлялась в двух характерных формах: гангренозной (ergotismus gangraenosus) и судорожной (ergotismus convulsivus). Народные названия эрготизма (от французского ergot – спорынья) – такие как «mal des ardents», «ignis sacer», «священный огонь» или «огонь Св. Антония», относятся к гангренозной форме заболевания. Святым-покровителем жертв эрготизма считался Св. Антоний, поэтому лечением этих пациентов занимался в основном Орден Св. Антония.

До недавнего времени, похожие на эпидемии вспышки отравлений спорыньёй регистрировались в большинстве европейских стран и некоторых районах России. С развитием сельского хозяйства и с приходом в семнадцатом веке понимания, что содержащий спорынью хлеб и являлся их причиной, частота и масштабы эпидемий эрготизма значительно уменьшились. Последняя крупная эпидемия случилась в некоторых районах юга

России в 1926-27 годах. (Массовые отравления в городке Понт-Сент-Эсприт на юге Франции в 1951 году, которое многие авторы приписывают содержащему спорынью хлебу, в действительности не имели ничего общего с эрготизмом. Это скорее произошло в результате отравления органическими соединениями ртути, которые применялись для дезинфекции зёрна.)

Первое упоминание о медицинском использовании спорыньи, а именно как средства для ускорения родов, встречается у франкфуртского целителя Адама Лонитцера (Lonicerus) в 1582 году. Хотя спорынья, как утверждает Лонитцер, использовалась повивальными бабками с давних времён, лишь в 1808 году это лекарство вошло в академическую медицину, благодаря труду американского врача Джона Стирнса, озаглавленному «Отчёт о Putvis Parturiens, средстве для ускорения родов». Использование спорыньи в родовспоможении не выдержало, однако, испытание временем. Практикующие довольно скоро осознали большую опасность для ребёнка, вызванную в основном неточностью дозировки, при превышении которой возникали спазмы матки. С тех пор, использование спорыньи в родовспоможении было ограничено остановкой послеродового кровотечения.

Лишь после внесения спорыньи в различные фармакопеи в первой половине девятнадцатого века были предприняты первые попытки, выделить её активные вещества. Однако на протяжении последующих ста лет никому из тех исследователей, что анализировали эту проблему, не удалось определить вещества, отвечающие за терапевтическое действие спорыньи. В 1907 англичане Г. Баргер и Ф.Х. Карр стали первыми, кто изолировал активный алкалоидосодержащий препарат, который они назвали эрготоксином, так как он производил больше токсических, чем терапевтических эффектов. (Этот препарат не был однородным, он был скорее смесью алкалоидов, как мне удалось показать спустя тридцать пять лет). Тем не менее, фармаколог Х.Х. Дэйл открыл, что эрготоксин, помимо маточного действия, обладает также антагонизмом к адреналину в автономной нервной системе, что могло привести к терапевтическому использованию алкалоидов спорыньи. Только с изоляцией эрготамина А. Штоллем (как упоминалось ранее) алкалоиды спорыньи нашли применение и стали широко использоваться в терапевтической практике.

Ранние 30-ые стали новой эрой в исследовании спорыньи, начиная с определения химического строения алкалоидов спорыньи, как упоминалось, английскими и американскими лабораториями. Путём химического расщепления сотрудникам нью-йоркского института Рокфеллера В.А. Джакобсу и Л.С. Крэйгу

удалось изолировать и описать ядро, общее для всех алкалоидов спорыньи. Они назвали его лизергиновой кислотой. Затем произошло важное открытие, как для химии, так и для медицины: изоляция алкалоида спорыньи, действующего на мускулатуру матки и как кровоостанавливающее средство. Об этом одновременно и практически независимо сообщили четыре источника, включая лабораторию Сандоз. Вещество, алкалоид относительно простого строения, был назван А. Штоллем и Е. Буркхардтом эргобазином (син. эргометрин, эргоновин). Путём химического разложения эргобазина В.А. Джакобс и Л.С. Крэйг получили в качестве продуктов распада лизергиновую кислоту и пропаноламин.

Я поставил себе главной целью синтез этого алкалоида путём химического связывания двух составляющих эргобазина, лизергиновой кислоты и пропаноламида (см. структурные формулы в приложении).

Лизергиновуя кислоту, необходимую для этой работы нужно было получить путём химического расщепления какого-либо другого алкалоида спорыньи. Поскольку только эрготамин был доступен в чистом виде, и уже вырабатывался килограммами в фармацевтическом производственном отделении, я выбрал этот алкалоид в качестве начального материала для своей работы. Я дал запрос на получение 0.5 грамма эрготамина людям, занимавшимся его производством. Когда я прислал бланк внутренней заявки профессору Штоллю на подпись, он появился в моей лаборатории и сделал мне выговор: «Если вы хотите работать с алкалоидами спорыньи, вам следует ознакомиться с методами микрохимии. Я не могу позволить вам потреблять для своих экспериментов такие большие количества моего дорогостоящего эрготамина».

Отдел, производящий спорынью, помимо того, что использовал швейцарскую спорынью для получения эрготамина, также имел дело с португальской спорыньёй, из которой получали некристаллический алкалоидосодержащий препарат, соответствующий упомянутому ранее эрготоксину, впервые изготовленному Баргером и Карром. Я решил использовать этот менее дорогой материал для приготовления лизергиновой кислоты. Алкалоид, полученный производственным отделом, приходилось очищать дальше, прежде чем он становился пригоден для расщепления до лизергиновой кислоты. Наблюдения, сделанные в процессе очистки, навели меня на мысль, что эрготоксин мог оказаться скорее смесью нескольких алкалоидов, нежели однородным алкалоидом. Я расскажу позже о далеко зашедших последствиях этих наблюдений.

Здесь я должен ненадолго отвлечься, чтобы описать условия работы и технологии, существовавшие в те дни. Эти заметки могут быть интересны современному поколению химиков-исследователей, которые знакомы со значительно лучшими условиями.

Мы были очень экономны. Личные лаборатории считались редкой расточительностью. На протяжении моих первых шести лет работы в Сандоз, я разделял лабораторию с двумя коллегами. Мы, трое химиков, плюс ассистент у каждого, работали в одном и том же помещении в трёх различных направлениях: Др. Крайсс над сердечными гликозидами; Др. Видеманн, который устроился в Сандоз примерно в то же время, что и я, над хлорофиллом – пигментом листьев; и, наконец, я над алкалоидами спорыньи. Лаборатория была оборудована двумя вытяжными шкафами (отсек снабжённый отдушиной), с малоэффективной вентиляцией при помощи газовой горелки. Когда мы попросили оборудовать эти шкафы вентиляторами, наш шеф отказался, мотивируя это тем, что вентиляция на газовых горелках удовлетворяла лабораторию Вильштеттера.

Во время последних лет Первой Мировой войны в Берлине и Мюнхене профессор Штолль был ассистентом всемирно известного химика и лауреата Нобелевской премии профессора Рихарда Вильштеттера, и вместе с ним вёл фундаментальные исследования хлорофилла и усвоения двуокиси углерода. Не было такой научной дискуссии с профессором Штоллем, где бы он ни упоминал своего обожаемого учителя профессора Вильштеттера и свою работу у него в лаборатории.

Методы работы, доступные для химиков-органиков в то время (начало тридцатых) по существу оставались теми же, что применялись при Юстусе фон Либиге сто лет назад. Наиболее важным достижением с тех пор было изобретение Б. Преглем микроанализа, который сделал возможным устанавливать строение соединений всего по нескольким миллиграммам образца, в то время как раньше были необходимы несколько сотых грамма. Ни одного из тех физико-химических методов, что находятся в распоряжении сегодняшней химии – методов, которые изменили образ её работы, сделав её более быстрой и эффективной, и создавших абсолютно новые возможности, прежде всего в сфере определения строения вещества – просто ещё не существовало в те дни.

Для исследования гликозидов морского лука и первых работ над спорыньёй, я все ещё пользовался старыми способами разделения и очистки времён Либига: частичной экстракцией, частичным осаждением, частичной кристаллизацией и им

подобными. Изобретение хроматографии на колонке, первый важный шаг к современным лабораторным методам, приобрёл для меня большое значение лишь в более поздних исследованиях. Для определения строения вещества, которое сегодня быстро и элегантно осуществляется с помощью методов спектроскопии (ультрафиолетовой, инфракрасной, рентгеновской) и рентгенокристаллографии, в первых фундаментальных исследованиях спорыньи нам приходилось полностью полагаться на старые лабораторные методы химического разложения и дериватизации.

Лизергиновая кислота и её производные

Лизергиновая кислота оказалась весьма нестойким веществом, и связывание её с основными радикалами вызывало трудности. В конце концов, я нашёл способ – метод, известный как синтез Курциуса – работавший для соединения лизергиновой кислоты с аминами. Этой методикой я получил большое число соединений лизергиновой кислоты. Соединяя лизергиновую кислоту с пропаноламином, я получил вещество идентичное натуральному алкалоиду спорыньи – эргобазину. Этим впервые был совершён лабораторный синтез алкалоида спорыньи. В этом был не только научный интерес в плане подтверждения химического строения эргобазина, но практическое значение, поскольку эргобазин, вещество с характерным маточным и кровоостанавливающим действием, присутствует в спорынье лишь в незначительных количествах. С помощью этого синтеза другие алкалоиды, присутствующие в больших количествах в спорынье, можно превращать в эргобазин, ценное средство, применяемое в акушерстве.

После первых успехов со спорыньёй, мои исследования продолжились в двух направлениях. Во-первых, я пытался улучшить фармакологические свойства эргобазина, изменяя его амино-спиртовой радикал. Мой коллега доктор И. Пейер и я разработали процесс экономичного производства пропаноламина и других аминоспиртов. В действительности, замещая пропаноламин, содержащийся в эргобазине другим аминоспиртом – бутаноламином, было получено активное вещество, даже превосходившее натуральный алкалоид по терапевтическим свойствам. Этот улучшенный эргобазин нашёл мировое применение в качестве надёжного стимулятора мускулатуры матки и кровоостанавливающего средства под торговой маркой «Метергин»; он и сегодня является передовым

лекарственным препаратом для этих показаний в акушерстве.

В дальнейшем я применил свою процедуру синтеза, чтобы получить новые соединения лизергиновой кислоты, не выделяющиеся маточной активностью, но от которых, основываясь на их химическом строении, можно было ожидать других интересных фармакологических эффектов. В 1938 я получил двадцать пятое вещество в этой серии производных лизергиновой кислоты: диэтиламид лизергиновой кислоты, в лабораторных записях сокращённо называвшийся ЛСД-25 (нем. Lyserg-saure-diaethylamid).

Я синтезировал это соединение, планируя получить стимулятор кровообращения и дыхания (аналептик). Диэтиламид лизергиновой кислоты мог иметь подобный стимулирующий эффект, поскольку он сходен по своей химической структуре с другим аналептиком, уже известным в то время, а именно с диэтиламидом никотиновой кислоты (Корамином). Во время тестирования ЛСД-25 в фармакологическом отделе Сандоз, чьим директором в то время был профессор Эрнст Ротлин, было установлено его сильное маточное действие. Оно исчислялось примерно как 70% от активности эргобазина. Доклад об исследованиях также отмечал, что подопытные животные становились беспокойными во время наркоза. Новое вещество, однако, не вызвало особого интереса у фармакологов и врачей; поэтому испытания были прекращены.

На протяжении следующих пяти лет ничего не было слышно об ЛСД-25. Тем временем, моя работа над спорыньёй продвигалась в других областях. При очищении эрготоксина, исходного материала для лизергиновой кислоты, у меня возникло, как я уже упоминал, впечатление, что этот алкалоидный препарат не был однороден, а скорее был смесью различных веществ. Это сомнение в однородности эрготоксина снова усилилось, когда при его гидрогенизации были получены два определённо различных продукта, тогда как однородный алкалоид эрготамин при тех же условиях давал только один продукт гидрогенизации (гидрогенизация = присоединение водорода). В дальнейшем, систематический анализ предполагаемой смеси эрготоксина привёл, в итоге, к разделению этого алкалоидосодержащего препарата на три однородных компонента. Один из этих трёх химически однородных алкалоидов эрготоксина оказался идентичен алкалоиду, выделенному незадолго до этого производственным отделом, который А. Штолль и Е. Буркхардт назвали эргокристином. Другие два алкалоида были новыми. Первый я назвал эргокорнином, а для второго, который был выделен последним, и

который долго оставался скрытым в исходном растворе, я выбрал имя эргокриптин (греч. криптос = скрытый). Позднее было найдено, что эргокриптин существует в двух изомерических формах, которые различались как альфа– и бета-эргокриптин.

Решение проблемы эрготоксина было не просто научно интересно, но также имело большое практическое значение. Из этого возникло ценное лекарство. Три гидрогенизированных алкалоида эрготоксина, которые я получил во время этих исследований, дигидроэргокристин, дигидроэргокриптин и дигидроэргокорнин, во время испытаний профессором Ротлином в фармакологическом отделе проявили полезные для медицины свойства. Из этих трёх веществ был разработан фармацевтический препарат Гидергин, медикамент, используемый для улучшения периферийного кровоснабжения и мозговой деятельности в старческом возрасте. Гидергин оказался эффективным средством для этих показаний. На сегодня это весьма важный фармацевтический продукт Сандоз.

Дигидроэрготамин, который я также получил в течение этих исследований, тоже нашёл применение в терапевтике как стабилизатор кровообращения и давления под именем Дигидергот.

В то время как сегодняшние важные исследовательские проекты осуществляются почти исключительно во взаимодействии, исследования алкалоидов спорыньи, описанные выше, были проведены мной одним. Даже дальнейшие ступени разработки коммерческих препаратов оставались в моих руках: приготовление больших партий образцов для клинических испытаний, и, наконец, совершенствование первых технологий массового производства Метергина, Гидергина и Дигитергота. Это даже включало аналитический контроль за подготовкой первых лекарственных форм этих трёх препаратов: ампул, жидких растворов, таблеток. Моей поддержкой в то время были ассистент, лаборант, а позднее второй лаборант и технический ассистент.

Открытие физических эффектов ЛСД

Решение проблемы эрготоксина привело к плодотворным результатам, описанным здесь лишь вкратце, и открыто путь к дальнейшим разработкам. Но я все ещё не мог забыть относительно неинтересный ЛСД-25. Странное предчувствие – ощущение, что это вещество может обладать свойствами, иными,

чем открытые в первых исследованиях – заставило меня, пять лет спустя после первого синтеза, ещё раз получить ЛСД-25, чтобы направить его образец в фармакологический отдел для дальнейшего тестирования. Это было весьма необычно; опытное вещество, как правило, всегда исключалось из программы исследований, если однажды было признано отсутствие фармакологического интереса в нем.

Тем не менее, весной 1943 я повторил синтез ЛСД-25. Как и при первом синтезе, это подразумевало получение всего нескольких сотых грамма этого соединения.

На последнем этапе синтеза, во время очищения и кристаллизации диэтиламида лизергиновой кислоты в форме тартрата (соль винной кислоты), моя работа была прервана из-за необычного ощущения. Следующее описание этого происшествия взято из отчёта, который я прислал тогда профессору Штоллю: В прошлую пятницу, 16 апреля 1943 года, я вынужден был прервать свою работу в лаборатории в середине дня и отправиться домой, поскольку испытывал заметное беспокойство в сочетании с лёгким головокружением. Дома я прилёг и погрузился в не лишённое приятности состояние, подобное опьянению, отличавшееся крайне возбуждённым воображением. В сноподобном состоянии, с закрытыми глазами (я находил дневной свет неприятно ярким), я воспринимал непрерывный поток фантастических картин, удивительных образов с интенсивной, калейдоскопической игрой цветов. После приблизительно двух часов это состояние постепенно исчезло. В целом, это был необыкновенный опыт – как в его внезапном начале, так и в его странном течении. Скорее всего, это было результатом некого токсического воздействия извне; я подозревал связь с веществом, над которым я работал в то время, тартратом диэтиламида лизергиновой кислоты. Но это привело к другому вопросу: каким образом я сумел поглотить это вещество? Зная о токсичности соединений спорыньи, я всегда поддерживал привычку тщательной аккуратности в работе. Возможно, немного раствора ЛСД попало мне на кончики пальцев во время кристаллизации, и следы этого вещества проникли сквозь кожу. Если ЛСД-25 действительно был причиной этого странного состояния, тогда он должен быть веществом необычайной силы действия. Существовал только один способ докопаться до истины. Я решил произвести эксперимент над собой.

Проявляя предельную осторожность, я начал планировать серию экспериментов с самым малым количеством, которое могло произвести какой-либо эффект, имея в виду активность алкалоидов спорыньи, известную в то время: а именно, 0.25 мг

(мг = миллиграмм = одна тысячная грамма) диэтиламида лизергиновой кислоты в форме тартрата. Ниже цитируется запись из моего лабораторного журнала от 19 апреля 1943 года.

> **Эксперимент над собой**
>
> 19.04.43 16:20: Принято орально 0.5 куб см. 1/2 промильного раствора тартрата диэтиламида = 0.25 мг тартрата. Разбавлен приблизительно 10 куб см. воды. Без вкуса.
>
> 17:00: Отмечается головокружение, чувство тревоги, визуальные искажения, симптомы паралича, желание смеяться.
>
> Добавление от 21.04:
>
> Отправился домой на велосипеде. 18:00 – прибл. 20:00 наиболее тяжёлый кризис. (См. специальный отчёт).

Здесь заметки в моем лабораторном журнале прерываются. Я мог писать последние слова лишь с большим усилием. Теперь мне стало ясно, что именно ЛСД был причиной удивительного происшествия в предыдущую пятницу, поскольку изменения в восприятии были теми же, что и раньше, только более сильными. Мне приходилось напрягаться, чтобы говорить связанно. Я попросил моего лабораторного ассистента, который был информирован об эксперименте, проводить меня домой. Мы отправились на велосипеде, так как автомобиля не было из-за ограничений военного времени. По дороге домой, моё состояние начало принимать угрожающие формы. Все в моем поле зрения дрожало и искажалось, как будто в кривом зеркале. У меня также было чувство, что мы не можем сдвинуться с места. Однако мой ассистент сказал мне позже, что мы ехали очень быстро. Наконец, мы приехали домой целые и невредимые, и я едва смог обратиться с просьбой к своему спутнику, чтобы он позвал нашего семейного врача и попросил молока у соседей.

Несмотря на моё бредовое, невразумительное состояние, у меня возникали короткие периоды ясного и эффективного мышления – я выбрал молоко в качестве общего противоядия при отравлениях.

Головокружение и ощущение, что я теряю сознание, стали к этому времени настолько сильными, что я не мог больше стоять, и мне пришлось лечь на диван. Окружающий меня мир теперь ещё более ужасающе преобразился. Все в комнате вращалось, и знакомые вещи и предметы мебели приобрели гротескную угрожающую форму. Все они были в непрерывном движении, как бы одержимые внутренним беспокойством. Женщина возле двери,

которую я с трудом узнал, принесла мне молока – на протяжении вечера я выпил два литра. Это больше не была фрау Р., а скорее злая, коварная ведьма в раскрашенной маске.

Ещё хуже, чем эти демонические трансформации внешнего мира, была перемена того, как я воспринимал себя самого, свою внутреннюю сущность. Любое усилие моей воли, любая попытка положить конец дезинтеграции внешнего мира и растворению моего «Я», казались тщетными. Кокой-то демон вселился в меня, завладел моим телом, разумом и душой. Я вскочил и закричал, пытаясь освободиться от него, но затем опустился и беспомощно лёг на диван. Вещество, с которым я хотел экспериментировать, покорило меня. Это был демон, который презрительно торжествовал над моей волей. Я был охвачен ужасающим страхом, сойти с ума. Я оказался в другом мире, в другом месте, в другом времени. Казалось, что моё тело осталось без чувств, безжизненное и чуждое. Умирал ли я? Было ли это переходом? Временами мне казалось, что я нахожусь вне тела, и тогда я ясно осознавал, как сторонний наблюдатель, всю полноту трагедии моего положения. Я даже не попрощался со своей семьёй (моя жена, с тремя нашими детьми отправилась в тот день навестить её родителей в Люцерне). Могли бы они понять, что я не экспериментировал безрассудно, безответственно, но с величайшей осторожностью, и что подобный результат ни коим образом не мог быть предвиден? Мой страх и отчаяние усилились, не только оттого, что молодая семья должна была потерять своего отца, но потому что я боялся оставить свою работу, свои химические исследования, которые столько для меня значили, неоконченными на половине плодотворного, многообещающего пути. Возникла и другая мысль, идея, полная горькой иронии: если я должен был преждевременно покинуть этот мир, то это произойдёт из-за диэтиламида лизергиновой кислоты, которому я же сам и дал рождение в этом мире.

К тому времени, когда приехал врач, пик моего безнадёжного состояния уже миновал. Мой лабораторный ассистент рассказал ему о моем эксперименте, поскольку я сам все ещё не мог составить связного предложения. Он покачал головой в недоумении, после моих попыток описать смертельную опасность, которая угрожала моему телу. Он не обнаружил никаких ненормальных симптомов, за исключением сильно расширенных зрачков. И пульс, и давление, и дыхание – все было нормальным. Он не видел причин выписывать какие-либо лекарства. Вместо этого он проводил меня к постели и остался присматривать за мной. Постепенно, я вернулся из таинственного, незнакомого мира в успокаивающую

повседневную реальность. Страх ослаб и уступил место счастью и признательности, вернулось нормальные восприятие и мысли, и я стал уверен в том, что опасность сумасшествия окончательно прошла.

Теперь, понемногу, я начал наслаждаться беспрецедентными цветами и игрой форм, которые продолжали существовать перед моими закрытыми глазами. Калейдоскоп фантастических образов, нахлынул на меня; чередующиеся, пёстрые, они расходились и сходились кругами и спиралями, взрывались фонтанами цвета, перемешивались и превращались друг в друга в непрерывном потоке. Я отчётливо замечал, как каждое слуховое ощущение, такое как звук дверной ручки или проезжающего автомобиля, трансформировалось в зрительное. Каждый звук порождал быстро меняющийся образ уникальной формы и цвета.

Поздно вечером моя жена вернулась из Люцерны. Кто-то сообщил ей по телефону, что я слёг с таинственным заболеванием. Она сразу же вернулась домой, оставив детей у своих родителей. К этому времени, я отошёл достаточно, чтобы рассказать ей, что случилось.

Обессилевший, я заснул и проснулся на следующее утро обновлённый, с ясной головой, хотя и несколько уставший физически. Во мне струилось ощущение благополучия и новой жизни. Когда, позднее, я вышел прогуляться в сад, где после весеннего дождя сияло солнце, все вокруг блестело и искрилось освежающим светом. Мир как будто заново создали. Все мои органы чувств вибрировали в состоянии наивысшей чувствительности, которое сохранялось весь день.

Этот эксперимент показал, что ЛСД-25 ведёт себя как психоактивное вещество с необычайными свойствами и силой. В моей памяти не существовало другого известного вещества, которое вызывало бы столь глубокие психические эффекты в таких сверхмалых дозах, которое порождало бы столь драматические изменения в сознании человека, в нашем восприятии внутреннего и внешнего мира.

Ещё более значительным было то, что я мог помнить события, происходившее под воздействием ЛСД во всех подробностях. Это означало только то, что запоминающая функция сознания не прерывалась даже на пике ЛСД экспириенса, несмотря на полный распад обычного видения мира. На протяжении всего эксперимента я всегда осознавал своё участие в нем, но, несмотря на понимание своей ситуации, я не мог, при всех усилиях своей воли, стряхнуть с себя мир ЛСД. Все воспринималось как совершенно реальное, как тревожащая реальность, тревожащая потому, что картина другого мира, мира знакомой повседневной

реальности по-прежнему полностью сохранялась в памяти, доступная для сравнения.

Другим неожиданным аспектом ЛСД была его возможность производить столь глубокое, мощное состояние опьянения без дальнейшего похмелья. Даже, наоборот, на следующий день после эксперимента с ЛСД я находился, как уже описывал, в прекрасном физическом и ментальном состоянии.

Я осознавал, что ЛСД, новое активное вещество с такими свойствами, должен найти применение в фармакологии, неврологии, и, особенно, в психиатрии, и что он должен привлечь внимание соответствующих специалистов. Но в то время я даже не подозревал, что новое вещество будет также использоваться вне медицины, как наркотик. Поскольку мой эксперимент над собой показал ЛСД в его ужасающем, дьявольском аспекте, я менее всего ожидал, что это вещество сможет когда-либо найти применение как некий наркотик, используемый ради удовольствия. Кроме того, мне не удалось распознать ярковыраженную связь между воздействием ЛСД и самопроизвольными визионерскими переживаниями, вплоть до последующих экспериментов, проводившихся с более низкими дозами и в другой обстановке.

На следующий день я написал профессору Штоллю вышеупомянутый отчёт о моем необычайном опыте с ЛСД-25 и послал копию директору фармакологического отдела профессору Ротлину.

Как я и ожидал, первой реакцией было скептическое удивление. Тотчас же раздался звонок из управления; профессор Штолль спросил: «Вы уверены, что не ошиблись при взвешивании? Упомянутая доза действительно правильная?» Профессор Ротлин позвонил и задал тот же вопрос. Я был уверен насчёт этого, поскольку выполнил взвешивание и дозировку своими собственными руками. Однако, их сомнения были несколько оправданы, так как до этого момента не было известно вещества, которое оказывало бы даже малейший психический эффект в меньших миллиграмма дозах. Существование вещества с подобной силой действия казалось почти невероятным.

Сам профессор Ротлин и двое его коллег были первыми, кто повторил мой эксперимент всего лишь с одной третьей той дозы, которую использовал я. Но даже на этом уровне, эффекты по-прежнему были весьма впечатляющими и совершенно нереальными. Все сомнения об утверждениях в моем отчёте были исключены.

Глава 2. ЛСД в экспериментах над животными и биологических исследованиях

После открытия его необычных психических эффектов, ЛСД-25, который пять лет назад был закрыт для дальнейших исследований после первых испытаний на животных, снова включили в серию опытных препаратов. Большинство основополагающих исследований на животных были проведены доктором Аурелио Черлетти из фармакологического отдела Сандоз, возглавляемого профессором Ротлином.

Прежде чем новое вещество допускается к исследованиям в систематизированных клинических экспериментах с участием людей, следует собрать обширные данные о его действии и побочных эффектах в фармакологических опытах на животных. Эти испытания должны проанализировать усвоение и распад данного вещества в организме, и, в первую очередь, его переносимость и относительную токсичность. Здесь будут рассмотрены только важнейшие отчёты об опытах над животными с ЛСД, понятные неспециалисту. Я бы вышел за рамки этой книги, если попытался бы упомянуть все результаты нескольких сотен фармакологических исследований, которые проводились во всем мире в связи с фундаментальной работой над ЛСД в лабораториях Сандоз.

Опыты над животными мало что рассказывают о психических изменениях, вызываемых ЛСД, потому что психические эффекты едва ли можно установить у низших животных; и даже у более высокоразвитых, о них можно судить лишь в определённой мере. Эффекты ЛСД воздействуют в первую очередь на сферу высшей психической и умственной деятельности. Отсюда становиться ясно, что специфических реакций на ЛСД следует ожидать только от высших животных. Тонкие психические реакции нельзя обнаружить у животного, поскольку, даже если они и происходят, животное не в состоянии их выразить. Следовательно, становятся заметными только относительно сильные нарушения, которые выражаются в изменённом поведении подопытных животных. Поэтому, даже для высших животных, таких как кошки, собаки и обезьяны, необходимы количества препарата, существенно большие, чем эффективная доза ЛСД для человека.

В то время как мыши под воздействием ЛСД показывают только двигательное беспокойство и изменения в манере

облизываться, у кошек мы видим, помимо вегететивных симптомов, таких как стоящая дыбом шерсть (пилоэрекция) и повышенное слюнотечение, симптомы, указывающие на наличие галлюцинаций. Животные беспокойно всматриваются в воздух, и, вместо того, чтобы ловить мышь, кошка оставляет её в покое, или даже останавливается перед ней в страхе. Можно также прийти к выводу, что поведение собак под воздействием ЛСД включает галлюцинации. Группа шимпанзе, находящихся в клетке, очень чувствительно реагирует на то, что один из стаи получает ЛСД. Даже если в отдельном животном не заметно никаких перемен, все в клетке начинают шуметь, поскольку шимпанзе под влиянием ЛСД больше не подчиняется чётко согласованному иерархическому порядку стаи.

Из оставшихся видов животных, на которых тестировался ЛСД, стоит упомянуть только аквариумных рыб и пауков. У рыб наблюдалась необычное положение тела на плаву, а у пауков ЛСД производил явные изменения в плетении паутины. При очень низких оптимальных дозах паутина была даже более пропорциональной и аккуратной, чем обычная: однако, при больших дозах паутина становилась неправильной и рудиментарной.

Насколько токсичен ЛСД?

Токсичность ЛСД определялась на нескольких видах животных. Нормой для измерения токсичности вещества является индекс ЛД50, то есть средняя летальная доза, от которой погибает 50% испытуемых животных. Как для ЛСД, так и в целом, он широко варьируется в зависимости от вида животного. ЛД50 для мышей составляет 50-60 мг/кг в/в (то есть, от 50 до 60 тысячных грамма ЛСД на килограмм веса животного при внутривенной инъекции раствора ЛСД). Для крыс ЛД50 снижается до 16.5 мг/кг, для кроликов до 0.3 мг/кг. Один слон, которому ввели 0.297 грамма ЛСД, умер через несколько минут. Вес этого животного определили как 5000 кг, что соответствует летальной дозе 0.06 мг/кг (0.06 тысячных грамма на килограмм веса тела). Поскольку это единичный случай, это значение не следует обобщать, но мы можем заключить, что самое большое земное животное показывает пропорциональную чувствительность к ЛСД, так как летальная доза для слона должна быть приблизительно в 1000 раз меньше, чем для мыши. Большинство животных погибает от летальной дозы ЛСД из-за

остановки дыхания.

Малые дозы, вызывающие смерть у подопытных животных, могут создать впечатление, что ЛСД очень токсичное вещество. Однако, если сравнить летальную дозу для животных с эффективной дозой для человека, которая составляет 0.0003-0.001 мг/кг (от 0.0003 до 0.001 тысячной грамма на килограмм веса тела), выясняется необычайно низкая токсичность ЛСД. Только 300—600-кратная передозировка ЛСД, если сравнивать с летальной дозой кроликов, или даже 50000-100000-кратная передозировка, в сравнении с токсичностью у мышей, могла бы вызвать смертельный исход у человека. Эти сравнения относительной токсичности, конечно же, понимаются только как приблизительные оценки порядков величин, так как определение терапевтического индекса (то есть отношение между эффективной и летальной дозой) имеет смысл только для данных видов животных. В случае человека подобная процедура невозможна, потому что летальная доза для человека не установлена. Насколько мне известно, до сих пор не зафиксировано ни одной смерти, которая была бы прямым последствием отравления ЛСД. Многочисленные случаи смертельных последствий, приписываемые употреблению ЛСД, действительно имели место, но все это были несчастные случаи, даже самоубийства, которые можно отнести на счёт дезориентирующего состояния, возникающего при интоксикации ЛСД. Опасность ЛСД лежит не в его токсичности, а, скорее, в непредсказуемости его психических эффектов.

Несколько лет назад в научной литературе, а также в массовых изданиях, появились сообщения, утверждающие, что ЛСД повреждает хромосомы и генетические данные. Эти эффекты, однако, наблюдались лишь в нескольких индивидуальных случаях. Тем не менее, последовавшие за этим всесторонние исследования большого, статистически значимого числа случаев, показали, что нет никакой связи между хромосомными аномалиями и употреблением ЛСД. То же самое относится к сообщениям о деформации плода у беременных, которые по некоторым утверждениям, возникали из-за ЛСД. В экспериментах над животными возможно, в принципе, спровоцировать деформацию плода крайне высокими дозами ЛСД, достаточно сильно превышающими дозы, используемыми для человека. Но в этих условиях даже безобидные вещества вызывают подобные повреждения. Исследование указанных индивидуальных случаев деформации плода у человека, опять-таки, не обнаруживает связи между ЛСД и подобными травмами. Если бы такая связь существовала, это уже давно привлекло бы к

себе внимание, поскольку на сегодня несколько миллионов человек когда-либо принимали ЛСД.

Фармакологические свойства ЛСД

ЛСД легко и полностью поглощается желудочно-кишечным трактом. Поэтому необязательно делать инъекции ЛСД, за исключением особых случаев. Опыты на мышах с радиоактивно помеченным ЛСД установили, что введённый внутривенно ЛСД очень быстро исчезает, оставляя небольшие следы, из кровеносной системы и распространяется по организму. Как ни странно, меньше всего он концентрируется в мозге. Здесь он сконцентрирован в определённых центрах среднего мозга, которые играют роль регуляторов эмоций. Эти открытия дают указания о локализации определённых физических функций в мозге.

Концентрация ЛСД в различных органах достигает максимальных значений через 10-15 минут после инъекции, затем плавно спадает. Тонкая кишка, где концентрация достигает максимума через два часа, составляет исключение. Выводится ЛСД большей частью (примерно до 80-ти процентов) через кишечник посредством печени и жёлчи. Только от 1 до 10 процентов продуктов переработки составляет неизмененный ЛСД; остаток состоит из различных продуктов распада.

Поскольку психические эффекты ЛСД продолжаются даже после того момента, когда его уже нельзя обнаружить в организме, мы должны заключить, что он не активен как таковой, а скорее он запускает определённый биохимический, нейрофизиологический и психический механизм, который вызывает состояние опьянения и продолжается уже в отсутствие действующего вещества.

ЛСД стимулирует центры симпатической нервной системы среднего мозга, что приводит к расширению зрачков, повышению температуры тела, и росту уровня сахара в крови. Как уже упоминалось, ЛСД вызывает сокращения матки.

Особенно интересным фармакологическим свойством ЛСД, открытым в Англии Дж.Х. Гэддамом, является его эффект блокады серотонина. Серотонин – это гормоноподобное вещество, присутствующее в различных органах теплокровных животных. Концентрируясь в среднем мозге, он играет важную роль в распространении импульсов определённых нервов и, следовательно, в биохимии психических функций. Психические

эффекты ЛСД некоторое время объясняли нарушениями нормального функционирования серотонина, которые вызывает ЛСД. Тем не менее, вскоре было показано, что даже некоторые производные ЛСД (соединения, в которых слегка изменено химическое строение ЛСД), не проявляющие галлюциногенных свойств, тормозят эффекты серотонина так же сильно, или даже сильнее, чем неизмененный ЛСД. Поэтому, тот факт, что ЛСД блокирует серотонин, не достаточен для объяснения его галлюциногенных свойств.

ЛСД также влияет на нейрофизиологические функции, связанные с допамином, который, как и серотонин, является гормоноподобным веществом, естественно встречающимся в организме. Большинство мозговых центров, восприимчивых к допамину, активизируются ЛСД, в то время как другие им подавляются.

Мы все ещё не знаем биохимического механизма, посредством которого ЛСД воздействует на психику. Однако, исследования взаимодействия ЛСД с мозговыми регуляторами, такими как серотонин и допамин, являются примерами того, как ЛСД может служить в качестве инструмента для исследований мозга, для изучения биохимических процессов, которые лежат в основе психических функций.

Глава 3. Химические модификации ЛСД

Когда в химико-фармакологических исследованиях открывается новое соединение, путём ли выделения из лекарственного растения или органов животных, или путём синтеза, как в случае с ЛСД, тогда химик пытается, изменяя его молекулярную структуру, получить новые соединения со сходным, или, возможно, даже улучшенным действием, или с другими ценными свойствами. Мы называем эти производные химическими модификациями активного вещества. Из, ориентировочно, 20000 новых веществ, получаемых ежегодно в химико-фармацевтических лабораториях мира, подавляющее большинство составляют продукты модификации нескольких соответствующих групп активных соединений. Открытие действительно нового типа активных соединений – нового в смысле химического строения и фармакологического действия – редкая удача.

Вскоре после открытия психических эффектов ЛСД, чтобы ускорить получения химических модификаций ЛСД и дальнейшие исследования в области алкалоидов спорыньи, ко мне были назначены двое сотрудников. Работу над химическим строением алкалоидов спорыньи пептидного типа, к которому принадлежат эрготамин и алкалоиды группы эрготоксина, продолжил доктор Теодор Петржилка. Работая с доктором Францем Трокслером, я получил большое число химических модификаций ЛСД, и мы попытались проникнуть дальше в суть строения лизергиновой кислоты, для которой американские исследователи уже предложили структурную формулу. В 1949 нам удалось исправить эту формулу и установить действительное строение этого общего ядра всех алкалоидов спорыньи, включая, конечно, ЛСД.

Исследования пептидных алкалоидов спорыньи привело к открытию полных структурных формул этих соединений, которые мы опубликовали в 1951. Их правильность была подтверждена полным синтезом эрготамина, который осуществили десять лет спустя двое молодых сотрудников, доктор Альберт Й. Фрей и доктор Ханс Отт. Другой сотрудник, доктор Пауль А. Стадлер, был большей частью ответственен за усовершенствование этого синтеза, сделав его пригодным для производства в промышленных масштабах. Синтетическое производство пептидных алкалоидов спорыньи, использующее лизергиновую

кислоту, получаемую из особых культур спорыньи, имеет большое экономическое значение. Эта процедура используется при производстве исходных материалов для таких лекарств, как Гидергин и Дигидергот.

Теперь вернёмся к химическим модификациям ЛСД. В сотрудничестве с доктором Трокслером мы создали множество производных ЛСД, но ни одно из них не проявило галлюциногенной активности, большей, чем ЛСД. В действительности, самые близкие производные оказались существенно менее активными в этом плане.

Существует четыре различных возможности пространственного расположения атомов в молекуле ЛСД. В научных терминах они различаются приставкой изо– и буквами D и L. Кроме ЛСД, который более точно обозначается как диэтиламид D-лизергиновой кислоты, я также получил и сходным образом испытал на себе три другие пространственные формы, а именно, диэтиламид D-изолизергиновой кислоты (изо-ЛСД), диэтиламид L-лизергиновой кислоты (L-ЛСД), и диэтиламид L-изолизергиновой кислоты (L-изо-ЛСД). Последний три формы ЛСД не проявили психических эффектов вплоть до дозы в 0.5 мг, что соответствует 20-кратной минимальной активной дозе ЛСД.

Вещество очень близко стоящее к ЛСД, моноэтиламд лизергиновой кислоты (LAE-23), в котором этиловая группа заменена атомом водорода, оказался в десять раз слабее по психоактивности, чем ЛСД. Галлюциногенный эффект этого вещества также качественно отличаются: он характеризуется снотворным компонентом. Подобный снотворный эффект ещё больше проявляется у амида лизергиновой кислоты (LA-111), в котором обе этильные группы замещены атомами водорода. Эффекты, которые я установил, экспериментирую над собой с LA-111 и LAE-23, были подтверждены последующими клиническими исследованиями.

Пятнадцать лет спустя мы встретились с амидом лизергиновой кислоты, который был получен синтетически для этих исследований, как со встречающимся в природе активным веществом мексиканского волшебного снадобья «ололиуки». В следующих главах я более подробно расскажу об этом неожиданном открытии.

Определённые результаты химических модификаций ЛСД оказались ценными для медицинских исследований; производные ЛСД были признаны слабо или вообще не галлюциногенными, но вместо этого проявляли другие эффекты ЛСД в большей степени. Таким эффектом ЛСД является его блокирующее действие по отношению к нейропередатчику серотонину (упомянутому ранее

в главе о фармакологических свойствах ЛСД). Так как серотонин играет определённую роль в возбуждении аллергических процессов и также в возникновении мигреней, для медицинских исследований имело большое значение специфическое вещество, блокирующее серотонин. Поэтому мы систематически искали производное ЛСД без галлюциногенных эффектов, но с возможно большей активностью как блокатора серотонина. Первым найденным веществом стал бромо-ЛСД, который стал известен в медико-биологических исследованиях под именем BOL-148. В процессе наших исследований антагонистов серотонина, доктор Трокслер получил в последствии ещё более сильные и более узконаправленные активные вещества. Наиболее активное из них попало на медицинский рынок в качестве лекарства от мигрени под торговой маркой «Десерил» или, в англоязычных странах, «Сансерт».

Глава 4. Использование ЛСД в психиатрии

Вскоре после того, как ЛСД был опробован на животных, в клинике Цюрихского Университета были проведены первые систематизированные исследования на человеке. Доктор медицинских наук Вернер А. Штолль (сын профессора Артура Штолля), который руководил этими исследованиями, опубликовал в 1947 свои результаты в «Швейцарском Архиве Неврологии и Психиатрии» под заголовком «Lysergsaure-diathylamid, ein Phantastikum aus der Mutterkorngruppe» (Диэтиламид лизергиновой кислоты – фантастикум из группы производных спорыньи).

Тесты включали в себя как здоровых субъектов, так и больных шизофренией. Дозировка была существенно меньше, чем в моем эксперименте с 0.25 мг тартрата ЛСД, всего лишь от 0.02 до 0.13 мг. Эмоциональное состояние во время действия ЛСД, преобладавшее в этих опытах, было эйфорическим, в то время как в моем эксперименте настроение характеризовалось мрачными побочными эффектами – результат передозировки и, конечно же, страха перед неопределённым исходом.

Эта фундаментальная публикация, которая содержала научное описание всех основных особенностей интоксикации ЛСД, давала для нового активного вещества определение «фантастикум». Тем не менее, вопрос терапевтического применения ЛСД оставался нерешённым. С другой стороны, этот отчёт подчеркнул необычайно высокую активность ЛСД, которая соответствует активности некоторых веществ, в малых количествах присутствующих в организме, и которые считаются ответственными за определённые психические расстройства. Другой темой, обсуждаемой в этой первой публикации, было возможное применение ЛСД как исследовательского инструмента в психиатрии, что следовало из его потрясающей психической активности.

Первые личные опыты психиатров

В этой статье В.А. Штолль также дал подробное описание своего личного опыта с ЛСД. Поскольку это был первый личный опыт, опубликованный психиатром, и так как он описывает

многие характерные особенности воздействия ЛСД, может быть интересным процитировать этот отчёт. Я горячо благодарен автору за любезное разрешение, опубликовать этот отрывок.

> В восемь часов я принял 60 мкг (0.06 миллиграмма) ЛСД. Через 30 минут появились первые симптомы: тяжесть в конечностях, лёгкие атактические симптомы (неловкость, потеря координации). Последовала стадия субъективно очень неприятного общего недомогания, вместе с падением кровяного давления, отмеченным наблюдателями.
>
> Затем возникла определённая эйфория, хотя, как показалось, более слабая, чем я испытывал в прошлых экспериментах. Усилилась атаксия (потеря координации), и я ходил «плавая» по комнате большими шагами.
>
> После этого погасили свет (эксперимент в темноте); возникло небывалое, невообразимо мощное ощущение, которое все время усиливалось. Оно отличалось невероятным изобилием оптических галлюцинаций, которые появлялись и исчезали с огромной скоростью, уступая место бесчисленным новым образам. Я видел изобилие кругов, вихрей, искр, фонтанов, крестов и спиралей в непрерывном, ускоряющемся течении.
>
> Образы проистекали как бы на меня, в основном из центра поля зрения, или же с левого нижнего края. Когда в середине появлялась картина, остальное поле зрения одновременно заполнялось огромным числом подобных видений. Все они были цветные: преобладали флуоресцирующий ярко-красный, жёлтый и зелёный.
>
> Мне никогда не удавалось продлить какую-либо картину. Когда наблюдатель эксперимента обратил внимание на мою большую фантазию и яркость красок моего изложения, я смог прореагировать лишь сочувственной улыбкой. В действительности, я знал, что не мог удержать, а тем более описать, хотя бы части этих картин. Мне приходилось напрягать себя, чтобы давать описание. Такие слова как «фейерверк» или «калейдоскоп» были жалкими и недостаточными. Я чувствовал, что должен все глубже и глубже погружаться в этот чудной и завораживающий мир, чтобы позволить этому богатейшему, невообразимому изобилию, воздействовать на меня.
>
> В начале, галлюцинации были элементарными: лучи,

пучки лучей, дожди, кольца, водовороты, витки, брызги, облака и т д. Затем появлялись более сложно устроенные видения: арки, ряды арок, море крыш, пустынные ландшафты, террасы, мерцающий огонь, звёздное небо невероятного великолепия. Первоначальные, более простые образы сохранялись посреди этих сложно устроенных галлюцинаций. В частности, я помню следующие образы:

Последовательность возвышающихся готических сводов, с гигантским помещением для хора; я не видел только нижней части.

Ландшафт с небоскрёбами, напоминающий изображения нью-йоркской гавани: башни домов выглядывающих друг из-за друга с бесчисленными рядами окон. Опять отсутствовал низ.

Структура из мачт и канатов, напомнившая мне репродукцию картины, которую я видел днём раньше (цирковой купол изнутри).

Вечернее небо невообразимого бледно-голубого цвета над тёмными крышами испанского города. Я ощущал своеобразное предчувствие, я был полон радости, решимости и готовности к приключениям. Разом все звезды вспыхнули, собрались вместе и превратились в плотный поток звёзд и искр, который устремился ко мне. Город и небо исчезли.

Я был в саду и видел бриллиантовые красные, жёлтые и зеленые огни, падающие сквозь тёмную решётку; неописуемо радостное переживание.

Важно, что все образы состояли из многочисленных повторений одного итого же элемента: множество искр, множество кругов, множество арок, множество окон, множество огней и т д. Я никогда не видел отдельных образов, но всегда копии одного и того же образа, бесконечно повторяющиеся.

Я чувствовал своё единство со всеми романтиками и мечтателями, думал о Э.Т.А. Хоффманне (Эрнст Теодор Амадей Хоффманн – известный немецкий писатель и композитор эпохи романтизма), кружился в вихрях поэзии Э. По (хотя я к этому времени и прочёл По, его описания казались мне преувеличенными). Часто мне казалось, что я нахожусь на вершине восприятия искусства; я наслаждался цветами алтаря Айзенхайма, и понимал, что такое эйфория и торжество видения искусства. Мне хотелось вновь и вновь говорить о

современном искусстве; я подумал об абстрактных картинах, которые, как казалось, все сразу стали понятными. Затем снова пришло ощущение их полной бездарности, как относительно форм, так и комбинаций цветов. В моё сознание врезались кричащие, дешёвые современные орнаменты на лампе и диванной подушке. Ход мыслей ускорился. Но у меня было ощущение, что наблюдатель эксперимента все ещё мог продолжать общаться со мной. Разумеется, умом я осознавал, что тороплю его. Вначале, описания быстро оказывались у меня под рукой. С нарастанием же бешеного темпа, я не мог уже доводить мысль до конца. Многие предложения я мог только начать.

Я попытался ограничить себя какими-то определёнными темами. Эта попытка оказалось неудачной. Мой ум все равно концентрировался, в определённом смысле, на противоположных образах: небоскрёбы вместо церкви, широкая пустыня вместо гор.

Я предполагал, что правильно оценивал текущее время, но не воспринимал это особенно серьёзно. Этот вопрос нисколько меня не интересовал.

Состояние моего ума было осознанно эйфорическим. Я получал удовольствие от своего состояния, был спокоен, и чувствовал живой интерес к эксперименту. Время от времени я открывал глаза. Слабый красный свет казался более таинственным, нежели раньше. Деловито писавший наблюдатель был каким-то далёким от меня. Часто у меня возникали любопытные телесные ощущения: мне казалось, что мои руки принадлежали какому-то отдалённому телу, точно не ясно, моему ли собственному или нет.

После прекращения первого эксперимента в темноте, я немного прогулялся по комнате, но неуверенно держался на ногах и снова почувствовал себя нехорошо. Мне стало холодно, и я поблагодарил наблюдателя, когда он накрыл меня одеялом. Я чувствовал себя непричёсанным, небритым и немытым. Комната казалась чужой и пространной. Затем я присел на корточках на высокий табурет; в этот момент мне подумалось, что я сидел там, как птица на насесте.

Наблюдатель сказал, что я выгляжу никудышно. Он казался удивительно приятным. У меня были маленькие, изящной формы руки. Когда я мыл их, то это происходило далеко от меня, где-то снизу и справа. Я

сомневался в крайне важном для меня вопросе, были ли эти руки моими собственными.

В ландшафте за окном, хорошо мне знакомом, многое изменилось. Теперь, помимо галлюцинаций, я мог видеть и реальность. Позднее это стало невозможным, хотя я и осознавал, что реальность была иной.

Бараки и гараж, стоящий слева перед ними, внезапно превратились в разнесённый на куски руинный пейзаж. Я видел разлом стены и торчащую арматуру, несомненно, навеянные воспоминаниями событий войны в этой местности.

На однообразном широком фоне я продолжал видеть фигуры, которые пытался зарисовать, но не смог продвинуться дальше грубых набросков. Я видел неимоверно пышные скульптурные орнаменты в постоянных превращениях, в непрерывном течении. Они напомнили мне о всевозможных чужих культурах, я узнавал мексиканские, индейские мотивы. Посреди решётки маленьких перекладинок и ответвлений возникли маленькие карикатурки, идолы, маски, странно вдруг перемешавшиеся с детскими рисунками людей. Темп убавился по сравнению с экспериментом в темноте.

Эйфория теперь исчезла. Я стал подавленным, особенно во время последовавшего второго эксперимента в темноте. Так же, как и во время первого эксперимента, галлюцинации ярких светящихся цветов сменялись с большой скоростью; на этот раз преобладали голубой, фиолетовый и темно-зелёный. Движение крупных образов было медленнее, плавнее, спокойнее, хотя и они были построены из мелких рассеянных «элементарных частиц», которые струились и кружились вихрями. В течение первого эксперимента в темноте, волнение часто проникало в меня; теперь оно шло прямо от меня в центр картины, где появился засасывающий рот. Я видел гроты с удивительными размывами и сталактитами, напомнившие мне детскую книгу «Im Wunderreiche des Bergkonigs» (В волшебном царстве короля гор). Возникла чёткая сеть из арок. По правую сторону, вдруг появился ряд навесных крыш; я вспомнил о вечерней поездке домой во время военной службы. Это подразумевало под собой именно поездку домой: больше не осталось ничего похожего на

отправление в путь или на любовь к приключениям. Я чувствовал себя защищённым, окутанным материнской заботой, я был спокоен. Галлюцинации больше не были захватывающими, но скорее мягкими и ослабшими. Немного позже я ощутил, что обладаю той же самой материнской силой. Я испытывал склонность, желание помочь, и вёл себя в дешёвой преувеличенной манере, когда дело касалось медицинской этики. Я осознал это и смог остановиться.

Но подавленное состояние ума сохранилось. Я снова и снова пытался увидеть светлые и радостные образы. Но бесполезно – всплывали только тёмные голубые и зеленые мотивы. Мне очень захотелось увидеть яркий огонь, как в первом эксперименте. И я действительно его увидел; однако, это были жертвенные огни на мрачной зубчатой стене крепости, стоявшей вдалеке, на осенней вересковой пустоши. Однажды мне удалось увидеть яркий восходящий сноп искр, но на середине подъёма он превратился в массу безмолвно движущихся пятен с павлиньего хвоста. На протяжении эксперимента я был очень поражён тем, что состояние моего ума и тип галлюцинаций находились в стойкой и неразрывной гармонии.

В течение второго эксперимента в темноте я обнаружил, что случайные шумы, а также шумы, целенаправленно создаваемые наблюдателем эксперимента, одновременно вызывали перемены в оптическом восприятии (синестезия). Точно так же, и надавливание на глаза создавало изменения визуальных ощущений.

К концу второго эксперимента в темноте я начал наблюдать сексуальные фантазии, которые были, однако, совершенно размытыми. Я никак не мог испытать сексуальное желание. Я хотел увидеть изображение женщины; появилась только грубая современная примитивистская скульптура. Она казалась абсолютно неэротичной, и её формы сразу же сменились дрожащими кругами и петлями.

После второго эксперимента в темноте я чувствовал себя онемевшим и физически нездоровым. Я покрылся потом и был истощён. Я был очень рад, что не пришлось идти в столовую, чтобы пообедать. Лаборант, который принёс нам еду, казался мне маленьким и далёким, таким же утончённым, как и наблюдатель эксперимента.

Около 3:00 дня я почувствовал себя лучше, и наблюдатель мог продолжить свою работу. С некоторым усилием мне удалось делать заметки самому. Я сел за стол, хотел почитать, но не мог сконцентрироваться. Один раз я показался самому себе как бы образом из сюрреалистической картины, конечности которого не были соединены с телом, а были скорее нарисованы где-то поблизости…

Я был в депрессии и с интересом думал о возможности самоубийства. С каким-то ужасом я понимал, что эти мысли мне весьма знакомы. Казалось странно самоочевидным, что подавленный человек совершает самоубийство…

На пути домой и вечером я был до краёв наполнен событиями утра и снова впал в эйфорию. Я испытывал неожиданные, поразительные вещи. Мне казалось, что целая эпоха моей жизни втиснулась в несколько часов. Я чувствовал искушение повторить эксперимент.

На следующий день я был безразличен в своём мышлении и действиях, мне было трудно концентрироваться, я чувствовал апатию… Небрежное, немного сноподобное состояние продолжилось и после полудня. Мне было очень сложно сколько-нибудь связанно рассуждать на простые темы. Я ощущал нарастающую общую усталость, растущее сознание того, что мне приходится возвращаться в повседневную реальность.

На второй день после эксперимента пришло состояние нерешительности… Слабая, но отчётливая депрессия ощущалась на протяжении следующей недели, ощущение, которое, конечно же, лишь косвенно могло относиться к ЛСД.

Психические эффекты

ЛСД Картина действия ЛСД, полученная в этих первых исследованиях не была новой для науки. Она во многом совпадала с широко известным описанием мескалина, алкалоида, который исследовался в самом начале века. Мескалин это психоактивное вещество мексиканского кактуса Lophophora williamsii (син. Anhalonium lewinii). Этот кактус ещё с

доколумбовых времён использовался американскими индейцами, и поныне он все ещё употребляется как священное снадобье в религиозных церемониях. В своей монографии «Фантастикумы» (издательство Georg Stilke, Berlin, 1924) Л. Левин подробно описал историю этого растения, которое ацтеки называли пейотль. В 1896 А. Хаффтером из кактуса был выделен алкалоид мескалин, а в 1919 Э. Спат установил его химическое строение и воспроизвёл его при помощи синтеза. Он стал первым галлюциногеном или фантастикумом (как называл этот тип действующих веществ Левин), который был получен как чистое вещество, доступное для изучения изменений чувственного восприятия, умственных иллюзий (галлюцинаций) и изменений в сознании, вызываемых химическим путём. В 20-х годах К. Берингер повёл обширные эксперименты с мескалином на животных и человеке и обстоятельно описал их в своей книге Der Meskalinrausch (Интоксикация мескалином) (издательство Julius Springer, Berlin, 1927). Так как эти исследования не нашли никакого медицинского применения мескалина, интерес к этому активному веществу ослаб.

С открытием ЛСД, исследования галлюциногенов получили новый толчок. Новшеством ЛСД по отношению к мескалину была его высокая активность, измерявшаяся другими порядками. Действующая доза мескалина, от 0.2 до 0.5 г, сравнима с 0.00002-0.0001 г ЛСД; другими словами, ЛСД примерно в 5000—10000 раз активнее мескалина.

ЛСД уникален среди психотропных веществ не только благодаря своей высокой активности в количественном смысле. Это вещество значимо также качественно: оно весьма специфично, поскольку его действие направлено конкретно на человеческую психику. Поэтому можно утверждать, что ЛСД затрагивает высшие контрольные центры психики и умственных функций.

Психические эффекты ЛСД, которые возникают от столь малого количества вещества, слишком многозначительны и многообразны, чтобы объясняться токсическими изменениями в функциях мозга. Если бы ЛСД действовал только токсически на мозг, то ЛСД экспириенс был бы всецело психопатологическим по смыслу, без какого-либо психологического или психиатрического значения. Напротив, похоже, что важную роль, как было показано экспериментально, играют изменения нервной проводимости и влияние на активность нервных связей (синапсов). Это может означать, что ЛСД оказывает влияние на предельно сложную систему взаимосвязей и синапсов между многими миллиардами клеток мозга, систему, от которой зависят высшие физические и

психические функции. Это может стать многообещающей областью исследований в поисках объяснения уникального действия ЛСД.

Природа действия ЛСД могла бы привести ко многим вариантам использования его в медицине и психиатрии, как уже показали основополагающие исследования В.А. Штолля. Исходя из этого, Сандоз сделала новое активное соединение доступным для исследовательских институтов и врачей в виде экспериментального препарата, которому дали имя Делизид (D-Lysergsaure-diathylamid), которое предложил я. Данная ниже аннотация, описывает его возможные применения и упоминает о необходимых предосторожностях.

Делизид (ЛСД 25)

Тартрат диэтиламида D-лизергиновой кислоты

Покрытые сахаром таблетки, содержат 0.025 мг (25мкг). Ампулы 1мл содержат 0.1 мг (100 мкг) для орального применения.

Раствор также можно вводить подкожно или внутривенно. Эффект такой же, как при пероральном приёме, но наступает более быстро.

СВОЙСТВА

При приёме самых малых доз Делизида (1/2-2 мкг/кг веса тела) возникают временные нарушения восприятия, галлюцинации, деперсонализация, переживания скрытых воспоминаний и слабые нейровегетативные симптомы. Эффект наступает после 30-90 минут и длиться в среднем от 5 до 12 часов. Однако непостоянные нарушения восприятия могут продолжаться, в отдельных случаях, несколько дней.

СПОСОБ ПРИМЕНЕНИЯ

Для орального приёма содержимое одной ампулы Делизида растворить в дистиллированной воде, 1% растворе винной кислоты, или в не содержащей галогенов водопроводной воде.

Усвоение в случае раствора происходит несколько быстрее, чем в случае таблеток.

Не открывавшиеся, хранящиеся в прохладном месте и оберегаемые от света ампулы, сохраняют действие в течение неограниченного срока. Открытые ампулы или разбавленные растворы остаются эффективными от 1 до 2 дней, при хранении в холодильнике.

ПОКАЗАНИЯ И ДОЗИРОВКА

а) Аналитическая психотерапия, для высвобождения вытесненного материала и создания психической релаксации, в частности при тревожных состояниях и неврозах навязчивых состояний.

Начальная доза 25 мкг (1/4 ампулы или 1 таблетка). Эта доза увеличивается на 25 мкг при каждом приёме до нахождения оптимальной дозы (обычно от 50 до 200 мкг). После каждого приёма лучше всего выдерживать недельный интервал.

b) Экспериментальное изучение природы психозов: принимая Делизид самостоятельно, психиатр получает возможность проникнуть в мир мыслей и ощущений душевнобольных. Делизид также может использоваться для получения модели психоза короткой длительности у нормальных субъектов, способствуя, таким образом, изучению патогенеза психических заболеваний.

У нормальных субъектов, дозы от 25 до 75 мкг в общем случае способны вызывать психоз с галлюцинациями (в среднем 1 мкг/кг веса). При определённых формах психозов и хроническом алкоголизме необходимы более высокие дозы (2-4 мкг/кг веса тела).

ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ

Делизид может усугублять патологические состояния психики. Особая осторожность необходима для субъектов с суицидальными наклонностями и в тех случаях, когда есть опасность развития психоза. Склонность к аффектам и тенденция совершать импульсивные поступки могут в некоторых случаях сохраняться несколько дней.

Делизид следует принимать только под строгим медицинским контролем. Наблюдение нельзя прекращать до того, как эффекты препарата полностью исчезнут.

АНТИДОТ

Психические эффекты Делизида можно быстро отменить внутримышечным введением 50 мг хлорпромазина.

Литература доступна по дополнительному запросу.

САНДОЗ ГМБХ, БАЗЕЛЬ, ШВЕЙЦАРИЯ

Использование ЛСД в аналитической психотерапии базируется в основном на следующих психических эффектах.

Под воздействием ЛСД привычное видение мира претерпевает глубокие изменения и дезинтеграцию. С этим связано ослабление или даже временное разрушение границ Я-Ты. Пациентам, увязшим в круговороте эгоцентричных проблем, можно, таким образом, помочь расслабить их фиксацию и изоляцию. Результатом может стать улучшение взаимопонимания с врачом и лучшая восприимчивость к психотерапевтическому воздействию. Повышенная внушаемость под воздействием ЛСД работает в том же направлении.

Другим важным качеством воздействия ЛСД, ценным для психотерапии, является склонность давно забытых или вытесненных переживаний снова возникать в сознании. Случаи

травм, поисками которых занимается психоанализ, могут становиться более податливыми для психотерапевтического лечения. Многочисленные случаи рассказывают о переживаниях событий самого раннего детства, которые живо воскрешались в памяти во время психоанализа с использованием ЛСД. Это подразумевает не обыкновенное воспоминание, а скорее истинное переживание заново; не reminiscence, а reviviscence, как сформулировал это французский психиатр Жан Делэ.

ЛСД не действует как настоящее лекарство; он скорее играет роль вспомогательного препарата в психоаналитическом и психотерапевтическом лечении и служит для того, чтобы проводить лечение более эффективно и сокращать его длительность. Он может выполнять эти функции двумя различными способами.

В одной методике, которая была разработана в европейских клиниках и получила название психолитической терапии, умеренно сильные дозы ЛСД принимаются несколькими последовательными курсами с регулярными интервалами. Вслед за этим пережитое под воздействием ЛСД прорабатывается при помощи обсуждения в группе и экспрессивной терапии путём рисования. Термин психолитическая терапия был создан Роналдом А. Сэндисоном, английским терапевтом юнговской ориентации и пионером клинических исследований ЛСД. Корень – лизис или – литический означает растворение напряжений и конфликтов в человеческой психике.

В другой методике, популярной в Соединённых Штатах, единственная, очень высокая доза ЛСД (0.3-0.6 мг) принимается после интенсивной психологической подготовки пациента. Этот метод, называемый психоделической терапией, пытается вызвать религиозно-мистические переживания при помощи шоковых эффектов ЛСД. Такой экспириенс может послужить в дальнейшем начальной точкой для перестройки и лечения личности пациента, совместно с психотерапевтическом лечением. Термин психоделический, который можно перевести как «проявляющий разум» или «расширяющий сознание», был предложен Хамфри Осмондом, пионером исследования ЛСД в США.

Несомненная польза ЛСД как вспомогательного препарата в психоанализе и психотерапии вытекает из его свойств, диаметрально противоположных эффектам медикаментов из класса транквилизаторов. В то время как транквилизаторы имеют тенденцию прятать проблемы и конфликты пациента, уменьшая их видимую тяжесть и значение: ЛСД, напротив, разоблачает и заставляет сильнее переживать их. Это более чёткое понимание проблем и конфликтов делает их, в свою очередь, более

поддающимися психотерапевтическому лечению.

Пригодность и успешность использования ЛСД в психоанализе и психотерапии все ещё являются предметом спора в кругу профессионалов. То же самое, однако, можно сказать и о других методах применяемых в психиатрии, таких как электрошок, инсулиновая терапия, психохирургия, методики гораздо более рискованные, чем использование ЛСД, который при подходящих условиях может считаться практически безопасным.

Поскольку забытые или вытесненные переживания под влиянием ЛСД могут весьма быстро стать осознанными, лечение может соответственно укорачиваться. Для некоторых психиатров, сокращение длительности терапии является, однако, недостатком. Они придерживаются мнения, что такое ускорение оставляет пациенту недостаточно времени для психотерапевтической проработки. Они полагают, что терапевтический эффект в этом случае длиться меньше времени, чем при постепенном лечении, включая медленный процесс осознания травматического события.

Психолитическая и, особенно, психоделическая терапия требуют тщательной подготовки пациента к ЛСД экспириенсу, чтобы избежать страха перед непривычным и незнакомым. Только после этого возможна положительная интерпретация переживания. Выбор пациента также важен, поскольку не все виды психических нарушений одинаково реагируют на эти методы лечения. Успешное применение ЛСД в психоанализе и психотерапии предполагает особые знания и опыт.

В этом отношении эксперимент психиатра с самим собой, как указал В.А. Штолль, может быть весьма полезным. Он даёт врачу личный опыт, чёткое понимание странного мира ЛСД, и предоставляет ему возможность правильно понимать эти феномены у своих пациентов, толковать их должным образом и использовать все их преимущества.

Нужно упомянуть в первую очередь следующих первопроходцев применения ЛСД как вспомогательного средства в психоанализе и психотерапии: А. К. Буш и У. К. Джонсон, С. Коэн и Б. Айзнер, Х. А. Абрамсон, Х. Осмонд, А. Хоффер в Соединённых Штатах; Р. А. Сэндисон в Англии; В. Фредеркинг и Х. Лойнер в Германии; и Г. Роубичек и С. Гроф в Чехословакии.

Второе показание для применения ЛСД, упомянутое Сандоз в аннотации Делизида, относится к применению в экспериментальных исследованиях по природе психозов. Оно происходит от того факта, что необычные состояния психики, вызываемые ЛСД у здоровых людей, подобны многим проявлениям некоторых психических нарушений. В первые дни

исследований ЛСД, часто утверждалось, что воздействие ЛСД соответствует некой «модели психоза». Эта идея была, однако, отвергнута, так как тщательные сравнительные исследования показали, что есть существенные различия между проявлениями психозов и ЛСД экспириенсом. Тем не менее, использую модель ЛСД, возможно исследовать отклонения от нормальной психики и состояния ума, и наблюдать биохимические и электрофизиологические изменения, связанные с ними. Возможно, нам удастся заглянуть, таким образом, в природу психозов. В соответствии с некоторыми теориями, различные умственные нарушения могут возникать из-за продуктов психотоксического обмена веществ, которые способны даже в минимальных количествах изменять функции клеток мозга. ЛСД представляет собой вещество, которое определённо не встречается в организме человека, но чьё существование и действие позволяют считать, что могут существовать продукты патологического обмена, которые даже в мельчайших количествах могут вызывать психические нарушения. Как результат этого, концепция биохимического происхождения некоторых психических нарушений получила все большую поддержку, и породила научные исследования в этой области.

Одним из медицинских применений ЛСД, затрагивающее основные этические вопросы, является его назначение умирающим. Эта практика возникла из наблюдений в американских клиниках, что особенно тяжёлые болезненные состояния пациентов, больных раком, которые больше не облегчаются обычными болеутоляющими препаратами, могут смягчаться или совсем устраняться при помощи ЛСД. Разумеется, это не означает болеутоляющего эффекта в истинном смысле. Уменьшение чувствительности к боли возникает, скорее, потому что пациенты под влиянием ЛСД настолько отделены от своего тела, что физическая боль больше не проникает в их сознание. Для того чтобы ЛСД мог быть эффективным в таких случаях, особенно важно, чтобы пациент был подготовлен и проинструктирован о природе этого экспириенса и изменениях, которые ожидают его. Во многих случаях оказалось полезным, чтобы представитель духовенства или психотерапевт направлял мысли пациента в религиозное русло. Многочисленные случаи рассказывают о пациентах, которые приобрели на смертном одре важные прозрения относительно жизни и смерти, освобождённые от боли, в ЛСД экстазе, смирившиеся со своей судьбой, они встретили свой земной конец спокойно и без страха.

Знания, полученные до настоящего времени, о применении ЛСД у смертельно больных, были подытожены и опубликованы С.

Грофом и Дж. Халифаксом в их книге «Человек перед лицом смерти» (E. P. Dutton, New York, 1977). Авторы, совместно с Э. Кастом, С. Коэном и В.А. Панке, были срели первых, кто изучал подобное применение ЛСД.

Последняя всеобъемлющая публикация об использовании ЛСД в психиатрии, «Области бессознательного: данные исследований ЛСД» (The Viking Press, New York, 1975), также написана С. Грофом, чешским психиатром, эмигрировавшим в Соединённые Штаты. Эта книга даёт новую оценку ЛСД экспириенса с точки зрения Фрейда и Юнга, а также экзистенциального анализа.

Глава 5. От лекарства к наркотику

В течение первых лет после его открытия, ЛСД принёс мне то же счастье и удовлетворение, что чувствовал бы любой химик-фармацевт, узнав, что вещество, которое он получил, стало ценным лекарственным препаратом. Ведь целью деятельности химика, работающего в фармацевтике, как раз и является получение новых лекарств; в этом и состоит смысл его работы.

Немедицинское применение ЛСД

Радость быть отцом ЛСД была омрачена после более чем десяти лет непрерывной научной работы и медицинского использования ЛСД; эта радость была смыта огромной волной увлечения наркотиками, которая начала распространяться в западном мире, главным образом в США, в конце 50-х. Было странным, насколько быстро ЛСД приспособился к своей роли в качестве наркотика, и со временем, как только появилась информация о нем, стал наркотиком номер один. Чем больше распространялось употребление ЛСД как наркотика, увеличивая число несчастных случаев, вызванных бездумным, без медицинского контроля, применением, тем больше ЛСД становился трудным ребёнком для меня и для компании Сандоз.

Было очевидно, что вещество со столь фантастическим действием на умственное восприятие и ощущение внутреннего и внешнего мира, вызовет интерес за пределами медицины, но я не ожидал, что ЛСД, с его непостижимыми, жуткими, потрясающими эффектами, столь неподходящий как средство для развлечения, найдёт всемирное применение в качестве наркотика. Я предполагал любопытство и интерес со стороны людей искусства – актёров, художников, писателей – но никак людей в целом. После научных публикаций в начале столетия о мескалине, который, как уже упоминалось, вызывает психические эффекты, подобные ЛСД, использование этого вещества оставалось в сфере медицины, а также, с целью экспериментов, в художественных и литературных кругах. Я ожидал того же и от ЛСД. И действительно, первые немедицинские эксперименты с собой при помощи ЛСД проводились писателями, художниками, музыкантами и другими интеллектуалами.

Употребление ЛСД вызывало удивительные эстетические переживания и давало способность проникать в суть творческого

процесса. Художники испытывали необычайные влияния на свою творческую работу. Один из видов искусства, использовавший это, стал известен как психоделическое искусство. Оно подразумевает творения, созданные под влияние ЛСД или других психоделиков, при этом они используются в качестве стимула или источника вдохновения. Образцом публикаций на эту тему является книга Роберта Е.Л. Мастерса и Джин Хьюстон «Психоделическое искусство» (Balance House, 1968). Работы в психоделическом искусстве не создаются во время действия препарата, а лишь в последствии, когда художник вдохновлён этими переживаниями. Во время действия препарата, творческая деятельность затруднена, если не вовсе невозможна. Поток образов слишком велик и растёт слишком быстро, чтобы запечатлеть его. Несметные видения парализуют деятельность. Таким образом, продукты творчества, созданные непосредственно во время действия ЛСД, в большинстве примитивны по характеру и заслуживают внимания не столько благодаря своим художественным качествам, сколько потому, что они являются своего рода картой психики, которая позволяет проникнуть в глубинную структуру сознания художника, активизированную и ставшую сознательной благодаря ЛСД. Это было показано позднее в широкомасштабных экспериментах мюнхенского психиатра Рихарда П. Хартманна, в которых приняли участие тридцать известных художников. Он опубликовал результаты в своей книге Malerei aus Bereichen des Unbewussten: Kunstler Experimentieren unter LSD (Живопись из области бессознательного: эксперименты художников с ЛСД), Verlag M. Du Mont Schauberg, Cologne, 1974).

Эксперименты с ЛСД дали также новый толчок к исследованиям сущности религиозных и мистических переживаний. Религиоведы и философы обсуждали вопрос о том, являются ли религиозные и мистические переживания, часто встречающиеся во время ЛСД сеансов подлинными, то есть сравнимыми со спонтанными религиозно-мистическими озарениями.

Это немедицинская, но все ещё серьёзная стадия исследований ЛСД, временами параллельная медицинским исследованиям, временами сопровождавшая их, все больше затмевалась в начале 60-х, в то время как употребление ЛСД как наркотика со скоростью эпидемии распространялось во всех классах общества, превратившись в настоящую манию в Соединённых Штатах. Быстрый рост употребления наркотиков, который начался в этой стране приблизительно двадцать лет назад, не был, однако, последствием открытия ЛСД, как заявляли

поверхностные наблюдатели. Скорее он имел глубокие социологические корни: материализм, отстранение от природы из-за индустриализации и растущей урбанизации, отсутствие удовлетворения от работы в механизированном мире, скука и бесцельность богатого пресыщенного общества, отсутствие религиозных, воспитательных и осмысленных философских основ жизни.

Существование ЛСД даже считалось его энтузиастами неким предопределённым совпадением – его должны были открыть именно в это время, чтобы помочь людям, страдающим от условий современности. Не удивительно, что впервые ЛСД распространился как наркотик в США, стране, где наиболее развита индустриализация, урбанизация и механизация, даже сельского хозяйства. Это те же самые факторы, что привели к возникновению и росту движения хиппи, которое распространялось одновременно с волной употребления ЛСД. Они неразрывно связаны. Было бы интересно проследить, в какой мере потребление психоделиков продвигало движение хиппи и наоборот.

Движение ЛСД от медицины и психиатрии к наркотику началось и ускорилось благодаря публикациям о сенсационных экспериментах с ЛСД, которые, хотя и проводились в психиатрических клиниках и университетах, но результаты которых опубликовывались во всех подробностях не в научных изданиях, а, скорее, в газетах и журналах. Репортёры становились подопытными кроликами. Сидни Катц, например, участвовал в эксперименте с ЛСД в больнице канадской провинции Саскачеван под наблюдением известных психиатров; тем не менее, он не опубликовал свои переживания в медицинском журнале. Вместо этого, он описал их в статье озаглавленной «Двенадцать часов в качестве сумасшедшего» в своём журнале Канадский Национальный Журнал МакЛин'з, красочно иллюстрированной полными фантазии деталями. Весьма популярный немецкий журнал Куик, в своём 12 выпуске от 21 марта 1954 года, опубликовал сенсационный отчёт художника Вильфрида Целлера, свидетеля «Дерзкого научного эксперимента» («Ein kuhnes wissenschaftliches Experiment»), который принял «несколько капель лизергиновой кислоты» в психиатрической клинике Венского Университета. Среди многочисленных публикаций подобного рода, которые способствовали пропаганде ЛСД среди непрофессионалов, стоит упомянуть ещё один пример: крупноформатная, иллюстрированная статья в журнале Лук за сентябрь 1959. Озаглавленная «Любопытная История Нового Гари Гранта», она сделала огромный вклад в распространение

употребления ЛСД. Грант, знаменитая кинозвезда получал ЛСД в респектабельной калифорнийской клинике во время сеансов психотерапии. Он сообщил корреспонденту журнала Лук, что всю жизнь искал внутреннего согласия, но ни йога, ни гипноз, ни мистицизм не помогли ему. Только лечение при помощи ЛСД сделало из него нового, окрепшего человека, и, после трёх распавшихся браков, он поверил, что вновь может любить и сделать женщину счастливой.

Эволюции ЛСД от лекарства к наркотику способствовала, прежде всего, деятельность доктора Тимоти Лири и доктора Ричарда Альперта из Гарвардского Университета. В следующих разделах я вернусь более подробно к доктору Лири и моим встречам с этим человеком, который стал всемирно известен как апостол ЛСД.

На рынке США также появились книги, в которых фантастические эффекты ЛСД описывались более подробно. Здесь надо упомянуть только о двух наиболее важных из них: «Исследование Внутреннего Пространства», написанная Джейн Данлэп (Harcourt Brace and World, New York, 1961) и «Моё Эго и Я», написанная Констанцией А. Ньюланд (N A.L. Signet Books, New York, 1963). Хотя в обоих случаях ЛСД использовался в рамках психиатрии, авторы адресовали свои книги, ставшие бестселлерами, широкой публике. В своей книге, названной «Интимный и совершенно честный отчёт одной женщины о смелом эксперименте с новейшим психиатрическим препаратом ЛСД 25» Констанция А. Ньюланд описала интимные подробности того, как она излечилась от фригидности. После подобных признаний можно легко представить, что многие люди захотят самостоятельно попробовать это чудесное лекарство. Ошибочное мнение, созданное подобными отчётами – что достаточно просто принять ЛСД, чтобы самому достигнуть таких чудотворных эффектов и изменений – вскоре привело к широкому распространению самостоятельных экспериментов с новым препаратом.

Появлялись также и объективные, информативные книги о ЛСД и его задачах, например, такие, как прекрасная работа психиатра доктора Сидни Коэна «Внешнее внутри» (Atheneum, New York, 1967), в которой ясно раскрывались опасности легкомысленного употребления ЛСД. Однако они были не в силах остановить ЛСД эпидемию.

Поскольку эксперименты с ЛСД зачастую проводились в неведении о его глубоких, потрясающих и непредсказуемых эффектах и без медицинского наблюдения, они часто плохо заканчивались. С ростом потребления ЛСД как наркотика, стали

учащаться «страшные путешествия» (horror trips) – эксперименты с ЛСД, которые приводили к состояниям потерянности и панике, часто становившиеся причинами несчастных случаев или даже преступлений.

Быстрый рост немедицинского потребления ЛСД в начале 60-х отчасти относится на счёт наркотических законодательств, существовавших тогда в большинстве стран, которые не включали в себя ЛСД. По этой причине люди, всегда употреблявшие наркотики, перешли с запрещённых наркотиков на легальный тогда ещё ЛСД. Кроме того, срок последнего патента Сандоз на изготовление ЛСД истёк в 1963, устранив последний барьер для нелегального изготовления этого препарата.

Рост наркотического использования ЛСД стал для нашей фирмы тяжёлой ношей. Национальные экспертные лаборатории и медицинские власти запрашивали у нас сведения о его химических и фармакологических свойствах, устойчивости и токсичности ЛСД, аналитических методах для его обнаружения в образцах конфискованных наркотиков, а также в человеческом теле, в крови и моче. Это повлекло за собой многотомную переписку, которая разрослась в связи с вопросами со всего мира о несчастных случаях, отравлениях, преступлениях, и так далее, причиной которых было злоупотребление ЛСД. Все это означало огромные, бесполезные трудности, к которым деловое управление Сандоз относилось с неодобрением. Так случилось, что однажды профессор Штолль, в то время исполнительный директор фирмы, упрекнул меня: «Уж лучше бы вы никогда не открывали ЛСД».

В то время я постоянно был охвачен сомнениями относительно того, что ценные фармакологические и психические свойства ЛСД могут быть перевешены его опасностями, а также вредом, причинённым его злоупотреблением. Должен ли ЛСД стать для человечества благом или проклятием? Я часто спрашивал себя об этом, когда думал о своём трудном ребёнке. Другие мои препараты Метергин, Дигидроэрготамин и Гидергин не вызывали у меня подобных сложностей и проблем. Они не были трудными детьми; благодаря отсутствию у них необычных свойств, которыми можно было злоупотреблять, они должным образом стали терапевтически ценными лекарствами.

Шумиха вокруг ЛСД достигла апогея во время с 1964 по 1966, не только благодаря восторженным откликам о чудесных эффектах ЛСД со стороны любителей наркотиков и хиппи, но и благодаря отчётам о несчастных случаях, психических срывах, преступлениях, убийствах и самоубийствах, произошедших под влиянием ЛСД. Царила настоящая ЛСД истерия.

Сандоз прекращает выпуск ЛСД В связи с этой ситуацией,

управление Сандоз было вынуждено сделать публичное заявление о проблемах с ЛСД и опубликовать отчёт о принятых в соответствии с этим мерах. Ниже приводиться письмо доктора А. Черлетти, бывшего в то время директором Фармацевтического Отдела Сандоз:

Решение относительно ЛСД 25 и других галлюциногенных веществ

Прошло более 25 лет с того момента, как в лабораториях САНДОЗ Альбертом Хофманном был открыт ЛСД. Несмотря на то, что фундаментальная важность этого открытия подтверждена влиянием, которое оно оказало на развитие современной психиатрической науки, следует признать, что оно взвалило на фирму САНДОЗ, владеющую правами на этот продукт, тяжёлое бремя ответственности.

Открытие нового вещества с выдающимися биологическими свойствами, помимо научной ценности, заключающейся в его синтезе, обычно является первым решающим шагом к созданию нового полезного лекарства. В случае же ЛСД, вскоре стало ясно, что, несмотря на выдающиеся свойства этого вещества, или, вернее, благодаря самой природе этих свойств, несмотря на то, что ЛСД был полностью защищён патентами САНДОЗ со времени его синтеза в 1938 году, обычные средства практических исследований не были достаточны.

С другой стороны, все свидетельства, полученные в научных лабораториях САНДОЗ во время начальных экспериментов на животных и человеке, указывали на важную роль, которую это вещество могло играть в качестве исследовательского инструмента в неврологии и психиатрии.

Поэтому было принято решение сделать ЛСД бесплатным для квалифицированных экспериментальных и клинических исследователей со всего мира. Эта широкая исследовательская программа снабжалась всей необходимой технической помощью и, во многих случаях, финансовой поддержкой.

Гигантское количество научных документов, опубликованных преимущественно в международных биохимических и медицинских изданиях, и систематизированных в «Библиографии САНДОЗ по ЛСД», а также в «Каталоге литературы по Делизиду»,

периодически выпускаемых САНДОЗ, даёт живые свидетельства того, что было достигнуто благодаря этой политике за приблизительно два десятилетия. Придерживаясь такого «nobile offlcium», в сочетании с высшими нормами медицинской этики со всеми самоограничениями и предосторожностями, стало возможным на протяжении многих лет избегать опасности злоупотребления (т е. использования некомпетентными и неквалифицированными людьми), которое всегда свойственно соединениям с необычным действием на ЦНС.

Несмотря на все предосторожности, время от времени, при различных обстоятельствах, совершенно от САНДОЗ не зависящих, возникали случаи злоупотребления ЛСД. Совсем недавно эта опасность усилилась, а в некоторых странах достигла масштаба серьёзной угрозы здоровью общества. Состояние дел достигло критической точки по следующим причинам: (1) Распространение по всему миру неверных представлений об ЛСД произошло из-за увеличившегося потока рекламы в виде сенсационных историй и заявлений, нацеленных на возникновение интереса у непрофессионалов; (2) В большинстве стран не существовало адекватных законов, контролирующих и регулирующих производство и распространение веществ подобных ЛСД; (3) Вопрос доступности ЛСД, ранее ограниченный технической базой, в корне изменился после начала массового производства лизергиновой кислоты методом ферментации. Поскольку срок последнего патента на ЛСД истёк в 1963, не удивительно, что все большее число торговцев чистыми химическими веществами предлагают ЛСД неизвестного происхождения его любителям, которые платят за него большие деньги.

Принимая во внимание все вышеупомянутые обстоятельства и поток запросов на ЛСД, который стал теперь неконтролируемым, фармацевтическое управление САНДОЗ приняло решение немедленно прекратить любое дальнейшее производство и распространение ЛСД. Такая же политика будет применяться и ко всем производным или аналогам ЛСД, обладающим галлюциногенными свойствами, а также к Псилоцибину, Псилоцину и их галлюциногенным производным.

На некоторое время Сандоз полностью прекратила распространение ЛСД и псилоцибина. Вслед за этим большинство стран установило жёсткое регулирование относительно владения, распространение и употребления галлюциногенов, чтобы врачи, психиатрические клиники, и научно-исследовательские институты, в случае, если им было дозволено соответствующими национальными здравоохранительными органами работать с этими веществами, могли бы снова получать ЛСД и псилоцибин. В США функции распространителя этих веществ среди исследовательских институтов, обладавших лицензией, взял на себя Национальный Институт Психического Здоровья (NIMH).

Тем не менее, все эти законодательные и формальные предосторожности немногим повлияли на потребление ЛСД как наркотика, но в то же время воспрепятствовали и продолжают препятствовать медицинскому и психиатрическому применению, и исследованиям с ЛСД в биологии и неврологии, так как многие учёные бояться сложностей, связанных с приобретением лицензии на использование ЛСД. Плохая репутация ЛСД – изображение его как «безумного наркотика» и «сатанинского изобретения» – составляет ещё одну причину, по которой многие врачи опасаются использовать ЛСД в своей психиатрической практике.

На протяжении последних лет шумиха вокруг ЛСД спала, и потребление его как наркотика тоже снизилось, насколько это можно заключить из ставших редкими сообщений о несчастных случаях и других печальных последствиях употребления ЛСД. Может оказаться, что снижение несчастных случаев, связано не просто со снижением потребления ЛСД. Возможно, что те, кто употребляет его для развлечения, со временем стали осознавать особенности эффектов и опасности ЛСД, и стали использовать его более осторожно. Несомненно, ЛСД, который некоторое время считался в западном мире и, особенно, В США, наркотиком номер один, уступил эту ведущую роль другим наркотикам, таким как гашиш, и таким вызывающим привыкание, и даже вредным для здоровья наркотикам, как героин и амфетамин. Последние упомянутые наркотики на сегодня представляют собой тревожную социальную проблему для здоровья общества.

Опасность немедицинских экспериментов с ЛСД

Несмотря на то, что использование ЛСД в психиатрии едва ли влечёт за собой какой-либо риск, употребление этого вещества за рамками медицинской практики, баз медицинского наблюдения, чревато различными опасностями. Эти опасности лежат, с одной

стороны, во внешних обстоятельствах, связанных с нелегальным употреблением наркотиков, а с другой стороны, в особенностях психических эффектов ЛСД.

Позиция защитников свободного, бесконтрольного употребления ЛСД и других галлюциногенов основана на двух утверждениях: (1) этот тип веществ не вызывает пристрастия и (2) до сих пор не доказана опасность для здоровья от умеренного потребления галлюциногенов. Оба из них верны. Настоящее привыкание, отличающееся тем, что при прекращении употребления наркотика возникают психические, а, зачастую, и тяжёлые физические нарушения, никогда не наблюдалось для ЛСД, даже в случаях, когда его принимали часто, на протяжении долгого времени. До сих пор не зафиксировано ни одной смерти или случаев инвалидности ставших следствием употребления ЛСД. Как уже рассматривалось подробнее в главе «ЛСД в экспериментах над животными и биологических исследованиях», ЛСД, в действительности, относительно нетоксичное вещество в сравнении с его необычайно высокой психической активностью.

Психотические реакции ЛСД, как и остальные галлюциногены, опасны совершенно в ином смысле. В то время как, психические и физические опасности наркотиков, вызывающих пристрастие: опиатов, амфетаминов и так далее, проявляются только при хроническом употреблении, возможная опасность ЛСД существует в каждом отдельном эксперименте. Это происходит потому, что сильное состояние дезориентации может возникнуть во время любого приёма ЛСД. Действительно, при внимательной подготовке к эксперименту и самого экспериментатора эти случаи во многом можно предотвратить, но никогда нельзя исключить их с уверенностью. Кризисные ЛСД состояния напоминают приступы психозов маниакального или депрессивного характера.

При маниакальном, гиперактивном состоянии, ощущение всесилия и неуязвимости может привести к серьёзным травмам. Подобные происшествия случались, когда люди, считавшие себя неуязвимыми под воздействие галлюциногенов, расхаживали мимо несущихся автомобилей или прыгали из окна, полагая, что могут летать. Тем не менее, эти, случившиеся из-за ЛСД происшествия, не так распространены, как можно подумать, основываясь на сенсационных преувеличенных слухах, распространяемых средствами массовой информации. Однако подобные сообщения могут служить серьёзным предупреждением.

С другой стороны, сообщение, обошедшее в 1966 весь мир, об убийстве, якобы совершенным под воздействием ЛСД, не может быть правдой. Подозреваемый, молодой житель Нью-Йорка,

обвиняемый в убийстве своей тёщи, рассказал при аресте, непосредственно после случившегося, что он ничего не знал о преступлении и что он путешествовал под ЛСД в течение трёх дней. Действие же ЛСД, даже при самых высоких дозах, длиться не более двенадцати часов, а повторный приём приводит к толерантности, то есть последующие дозы не действуют. Кроме того, действие ЛСД характерно тем, что человек точно помнит, что с ним происходило. По-видимому, подсудимый в этом деле рассчитывал на смягчающие обстоятельства в виде помутнения рассудка.

Опасность психоза особенно велика, если ЛСД даётся кому-либо без его ведома. Это наглядно показывает случай, который произошёл вскоре после открытия ЛСД, во время первых исследований с новым веществом в психиатрической клинике Цюрихского Университета, когда люди ещё не осознавали опасности таких шуток. Молодой врач, которому его коллеги забавы ради подсыпали ЛСД в кофе, захотел переплыть Цюрихское озеро зимой при -20С и его пришлось усмирять силой.

Существует и другая опасность, когда вызванная ЛСД дезориентация обладает скорее депрессивным, чем маниакальным характером. В течение такого ЛСД эксперимента пугающие видения, страх смерти или сумасшествия могут привести к угрожающим психическим срывам или даже к самоубийству. Тогда ЛСД путешествие становиться «ужасным путешествием» (horror trip).

Сенсацией стала смерть доктора Олсона, которому дали ЛСД без его ведома во время экспериментов с эти препаратом в американской армии, и который после этого покончил жизнь самоубийством, выпрыгнув из окна. Его семья не могла понять, что толкнуло этого спокойного, уравновешенного человека на такой поступок. И только через пятнадцать лет, когда были опубликованы секретные документы об этих экспериментах, они узнали об истинных причинах, после чего президент США публично извинился перед родственниками.

Предпосылки для положительного результата ЛСД эксперимента и низкой вероятности психического срыва находятся, с одной стороны, в самой личности, а с другой стороны, во внешней среде эксперимента. Внутренние, личные факторы называются настроем, или установкой (set), внешние – окружением, или обстановкой (setting).

Красота помещения или окружающей местности воспринимается в результате мощной стимуляции органов чувств при помощи ЛСД с необычайной силой, и такие приятные чувства оказывают существенное влияние на ход эксперимента.

Присутствующие люди, их внешность, черты – это тоже часть обстановки, которая предопределяет впечатления. Акустический фон важен в той же мере. Даже безобидные шумы могут превратиться в пытку, и, наоборот, приятная музыка может стать эйфорическим переживанием. При проведении ЛСД экспериментов в неприятной или шумной обстановке возникает большая опасность негативных последствий, включая психические срывы. Современный мир машин и приборов создаёт множество видов фоновых шумов, которые очень просто могут вызвать панику в состоянии повышенной чувствительности.

Таким же важным фактором ЛСД экпириенса, как внешняя среда, если не более важным, является психическое состояние экспериментатора, состояние его ума, его отношение к галлюциногенам, его ожидания, связанные с ними. Даже бессознательное чувство счастья или страха может оказать влияние. Ощущение счастья может усилиться до блаженства, а депрессия сгуститься до отчаяния. Поэтому, ЛСД – самое неподходящее средство, которое только можно представить, для лечения депрессивных состояний. Опасно принимать ЛСД в расстроенном, печальном состоянии, или в состоянии страха. В этом случае, весьма велика вероятность того, что эксперимент окончиться психическим срывом.

Среди людей с неустойчивой структурой личности, тяготеющих к психотическим реакциям, эксперименты с ЛСД должны быть совершенно исключены. В таком случае, шок от ЛСД, высвобождая скрытый психоз, может причинить стойкую психическую травму.

Психика самых юных тоже считается неустойчивой, в смысле её незрелости. В любом случае, шок от столь мощного потока новых и странных восприятий и ощущений, какой порождает ЛСД, ставит в опасность чувствительную психику развивающегося организма. В профессиональных кругах, и я тоже придерживаюсь этого мнения, отвергается даже медицинское применение ЛСД в рамках психоаналитического и психотерапевтического лечения для подростков младше восемнадцати лет. У подростков большей частью отсутствует спокойное, прочное отношение к реальности. Такое отношение необходимо, прежде чем драматический опыт новых измерений реальности сможет осмысленно включиться в видение мира. Вместо расширения и углубления восприятия реальности, такие переживания могут привести к неуверенности и чувству потерянности у подростка. Благодаря свежести чувственного восприятия, и пока ещё неограниченной способности воспринимать, самопроизвольные визионерские переживания случаются в молодом возрасте чаще, чем в

дальнейшей жизни. По этой причине психостимулирующие вещества не должны использоваться для подростков.

Даже у взрослого, здорового человека, даже при соблюдении всех упомянутых мер предосторожности и надлежащей подготовке, ЛСД эксперимент может не удастся и вызвать психотическую реакцию. Поэтому крайне желательно медицинское наблюдение, даже для немедицинских экспериментов с ЛСД. Это должно включать в себя обследование состояния здоровья до эксперимента. Хотя врачу и не требуется присутствовать во время сеанса, тем не менее, медицинская помощь должна быть все время доступна.

Острые ЛСД психозы можно быстро и надёжно прервать и удержать под контролем при помощи инъекции хлорпромазина или другого подобного седативного средства.

Присутствие знакомого человека, который мог бы в случае крайней необходимости позвать врача, тоже является существенной психологической страховкой. Несмотря на то, что действие ЛСД характеризуется, в основном, погружением в личный внутренний мир, иногда возникает глубокая потребность в общении, особенно во время депрессивных стадий.

ЛСД на чёрном рынке

Немедицинское употребление ЛСД таит в себе опасность другого характера, о которой не упоминалось до сих пор: неизвестное происхождение большинства ЛСД на чёрном рынке. Виды ЛСД, предлагаемые на чёрном рынке, ненадёжны, как в смысле качества, так и дозировки. Они редко содержат рекламируемое количество ЛСД; в большинстве случаев его в них меньше, зачастую и вовсе нет, а иногда даже слишком много. Во многих случаях вместо ЛСД продают другие наркотические, или даже ядовитые вещества. Эти наблюдения были получены в нашей лаборатории после анализа большого количества образцов ЛСД с чёрного рынка. Они совпадают с результатами национальных ведомств по контролю за наркотиками.

Ненадёжность силы действия разновидностей ЛСД на нелегальном рынке наркотиков может привести к опасной передозировке. Передозировка часто оказывалась причиной неудачных экспериментов с ЛСД, которые приводили к тяжёлым психическим и физическим расстройствам. Голословные утверждения о смертельных отравлениях ЛСД до сих пор не подтверждались. При детальной проверке этих случаев неизменно

находились другие причины.

Следующий случай, произошедший в 1970 году, часто упоминается как пример возможной опасности ЛСД с чёрного рынка. Мы получили от полиции для анализа порошок, который продавался как ЛСД. Он был изъят у молодого человека, который был госпитализирован в критическом состоянии и чей друг погиб результате употребления этого порошка. Анализ выявил, что этот порошок содержал не ЛСД, а весьма токсичный алкалоид стрихнин.

Причиной того, что разновидности ЛСД с чёрного рынка содержат меньшее, чем заявленное количество ЛСД, или вовсе его не содержат, является либо преднамеренная фальсификация, либо высокая неустойчивость этого вещества. ЛДС очень чувствителен к воздуху и свету. Он разрушается из-за окисления кислородом воздуха и превращается в неактивное вещество под воздействием света. Это следует учитывать во время синтеза и, особенно, во время приготовления устойчивых, долго хранящихся форм ЛСД. Неправда и то, что ЛСД легко приготовить, или то, что студент-химик в более-менее сносной лаборатории может его синтезировать. Методы синтеза ЛСД действительно были опубликованы и доступны каждому. Имея в руках эти подробные методики, химик может провести синтез, если он располагает чистой лизергиновой кислотой; однако, её распространение в настоящее время регулируется тем же жёстким законодательством, что и для ЛСД. Ввиду неустойчивости этого вещества, для выделения ЛСД из реакционного раствора в чистой кристаллической форме, с целью получения устойчивого препарата, требуется специальное оборудование и особый опыт, который непросто приобрести.

ЛСД остаётся абсолютно устойчивым только в полностью свободных от кислорода и защищённых от света ампулах. Такие ампулы, содержащие 100 мкг (0.1 мг) ЛСД-тартрата (виннокислой соли ЛСД) в 1 куб см водного раствора, выпускались фирмой Сандоз для биологических исследований и медицинского использования. ЛСД в таблетках изготавливается с добавками, которые предотвращают окисление, и, хотя в этой форме он не абсолютно устойчив, тем не менее, он сохраняется в течение длительного времени. Разновидности ЛСД, встречающиеся на чёрном рынке – ЛСД раствор, который наносят на кусочки сахара или на промокашку – разлагаются в течение недель или нескольких месяцев.

Для такого сильнодействующего вещества как ЛСД, правильная дозировка имеет первостепенное значение. Здесь хорошо подходит принцип Парацельса: доза определяет, как

будет действовать вещество, как лекарство, или, как яд. Дозировку препаратов с чёрного рынка невозможно контролировать, поскольку их силу действия никто не может гарантировать. Таким образом, одна из опасностей немедицинских экспериментов с ЛСД лежит в использовании препаратов неизвестного происхождения.

Случай доктора Лири

Доктор Тимоти Лири, который стал всемирно известен как апологет употребления наркотиков, необычайно сильно повлиял на распространение нелегального употребления ЛСД в Соединённых Штатах. Во время отпуска в Мексике в 1960, Лири попробовал легендарные «священные грибы», приобретённые по случаю у шамана. Во время действия грибов он вошёл в состояние религиозно-мистического экстаза, который он описывал как глубочайшее религиозное переживание своей жизни. С этого момента, доктор Лири, который в то время читал лекции по психологии в Гарвардском Университете (г. Кембридж, штат Массачусетс), полностью посвятил себя исследованию эффектов и возможностей применения психоделиков. Совместно с его коллегой доктором Ричардом Алпертом, он реализовал в университете различные научные проекты, в которых использовались ЛСД и псилоцибин, полученные нами к тому времени.

Применяя научную методологию, при помощи ЛСД и псилоцибина, они производили опыты по возвращению заключённых в общество, опыты с теологами и представителями духовенства, у которых при помощи психоделиков они вызывали религиозно-мистический экстаз, опыты по стимуляции творчества у художников и писателей. Даже такие люди как Олдос Хаксли, Артур Кёстлер и Аллен Гинзберг участвовали в этих исследованиях. Особое значение придавалось вопросу, до какой степени психическая подготовка и ожидания субъекта, а также внешняя среда эксперимента, способны влиять на характер психоделических состояний.

В январе 1963 доктор Лири прислал мне подробный отчёт об этих исследованиях, в которых он с энтузиазмом делился полученными положительными результатами и выражал свою уверенность в преимуществах и многообещающих возможностях такого использования этих активных веществ. В то же самое время, фирма Сандоз получила от Департамента Общественных

Связей Гарвардского Университета запрос на поставку 100 г ЛСД и 25 кг псилоцибина, подписанный доктором Тимоти Лири. Потребность в таком громадном количестве (указанные числа соответствуют 1 миллиону доз ЛСД и 2.5 миллионам доз псилоцибина) обосновывалась расширением исследований в области органов и тканей и экспериментов с животными. Мы поставляли эти вещества при условии наличия лицензии на импорт, получаемой от здравоохранительных органов США. Немного позже мы получили заявку на поставку указанных количеств ЛСД и псилоцибина, и, совместно с этим, чек на 10000$ в качестве залога, но без необходимой лицензии на импорт. Эту заявку подписал доктор Лири, но уже не как лектор Гарвардского Университета, а как президент недавно созданной им организации Международная Федерация Внутренней Свободы (IFIF). Вдобавок к этому, поскольку наш запрос тогдашнему декану Гарвардского Университета показал, что университетское начальство не утвердило продолжение научных проектов Лири и Алперта, мы отвергли это предложение и возвратили депозит.

Вскоре после этого, Лири и Алперт были исключены из преподавательского состава Гарвардского Университета, потому что их исследования, вначале проводившиеся в академическом русле, потеряли свой научный характер. Эти эксперименты превратились в ЛСД вечеринки.

ЛСД путешествие – ЛСД как билет на полную приключений поездку в новые миры психического и физического экспириенса – стало последним писком моды среди студентов, быстро распространившись из Гарварда на другие университеты. Доктрина Лири о том, что ЛСД не только служит для поиска божественного начала и открытия себя, но и является самым сильным из когда-либо найденных афродизиаков, несомненно, внесла решающий вклад в распространение употребления ЛСД среди молодого поколения. Позднее, в интервью ежемесячному журналу Плейбой, Лири заметил, что возможность усиливать сексуальные ощущения и достигать сексуального экстаза при помощи ЛСД была главной причиной ЛСД бума.

После изгнания из Гарвардского Университета, Лири полностью превратился из лектора по психологии, занимающегося научными изысканиями, в мессию психоделического движения. Он и его друзья из IFIF организовали центр психоделических исследований в живописных окрестностях мексиканского городка Сиуатанехо. Я получил персональное приглашение от доктора Лири принять участие в спланированном на высшем уровне семинаре по психоделикам, который должен был пройти там в августе 1963. Я хотел с удовольствием принять

это важное приглашение, тем более мне предлагали компенсацию дорожных расходов и бесплатное проживание, чтобы узнать на собственном опыте о методах, экспериментах и, в целом, об атмосфере этого центра психоделических исследований, о котором ходили противоречивые, и в какой-то степени удивительные, слухи. К сожалению, служебные обязанности не дали мне возможности слетать в тот раз в Мексику, чтобы получить личное впечатление об этом противоречивом проекте. Центр Психоделических Исследований в Сиуатанехо не просуществовал долго. Лири и его сторонники были высланы из страны мексиканским правительством. Лири же, который с этого времени стал не только мессией, но и великомучеником психоделического движения, вскоре получил поддержку от молодого нью-йоркского миллионера Уильяма Хичкока, владевшего недвижимостью, который выделил для Лири в качестве новой штаб-квартиры особняк в Миллбруке. Миллбрук стал домом для ещё одной организации, проповедовавшей психоделический, трансцендентальный подход к жизни, названной Фонд Касталия.

Во время путешествия по Индии в 1965 Лири обратился в индуизм. На следующий год он основал религиозную общину, носившую название Лига Духовных Открытий, сокращённо LSD (League for Spiritual Discovery).

Призыв Лири к молодёжи сформулирован в его знаменитом лозунге «Включайтесь, настраивайтесь, исчезайте!» (Turn on, tune in, drop out!), ставшим центральным догматом культуры хиппи. Последняя из этих заповедей, «исчезайте», была призывом к бегству от буржуазной жизни, к тому, чтобы повернуться спиной к обществу, бросить школу, институт, работу, и полностью посвятить себя истинной внутренней вселенной, изучению своей нервной системы, после того, как она открывалась при помощи ЛСД. Этот призыв больше всего выходил за психологические и религиозные рамки, и поэтому имел социальный и политический смысл. Понятно, почему Лири не только стал «enfant terrible» в университете и среди своих коллег по науке, психологов и психиатров, но и вызывал ярость у политических властей. За ним установили наблюдение и слежку, и, в конце концов, заключили в тюрьму. Серьёзные приговоры – десять лет заключения по обвинению судов Техаса и Калифорнии во владении ЛСД и марихуаной, и приговор (позже отменённый) «тридцать лет заключения за контрабанду марихуаны» – показывают, что наказания за эти нарушения законов были всего лишь предлогом: реальной же целью было спрятать за решётку подстрекателя и совратителя молодёжи, которого не удавалось преследовать иным

образом. Ночью с 13 на 14 сентября 1970 Лири удалось совершить побег из калифорнийской тюрьмы в Сан Луис Обиспо. Сделав крюк через Алжир, где он общался с Элдриджем Кливером, лидером движения Чёрные Пантеры, проживавшим там в изгнании, Лири прибыл в Швейцарию и там попросил политического убежища.

Встреча с Тимоти Лири

Доктор жил со своей женой Розмари, в курортном городке Villars-sur-Ollon на западе Швейцарии. При посредничестве доктора Мастронарди, адвоката доктора Лири, мы установили контакт. 3 сентября 1971 я встретился с доктором Лири в привокзальном кафе в Лозанне. Наше взаимное сердечное приветствие, было как бы символом нашей роковой взаимосвязи через ЛСД. Лири был среднего роста, стройный, неунывающий, его смуглое молодое лицо с ясными смеющимися глазами обрамлялось слегка вьющимися волосами с примесью седины. Это делало его похожим скорее чемпиона по теннису, чем на бывшего лектора Гарварда. Мы отправились на машине в Buchillons, где в ресторане A la Grande Foret, за блюдом из рыбы и стаканом белого вина наконец-то состоялся разговор между отцом ЛСД и апостолом ЛСД.

Я выразил сожаление, что исследования ЛСД и псилоцибина в Гарвардском Университете, столь многообещающе начинавшиеся, выродились до такой степени, что их продолжение в академической среде стало невозможным.

Самое серьёзное моё возражение доктору Лири касалось распространения употребления ЛСД среди подростков. Лири не пытался опровергнуть моё мнение относительно особенной опасности ЛСД для молодёжи. Тем не менее, он утверждал, что я неоправданно упрекал его в склонении малолетних к употреблению наркотиков, поскольку подростков в США, в плане информированности и жизненного опыта, можно было сравнивать с взрослыми европейцами. Зрелость, пресыщенность и интеллектуальный застой очень рано достигаются в Соединённых Штатах. Поэтому, он считал ЛСД экспириенс важным, полезным и развивающим даже для очень молодых людей.

Далее в этой беседе я коснулся того, что Лири искал широкой рекламы своих исследований ЛСД и псилоцибина, поскольку он приглашал репортёров из газет и журналов на свои эксперименты, а также привлекал радио и телевидение. Акцент в этом случае делался скорее на рекламу, чем на объективную

информацию. Лири отстаивал свою рекламную программу, потому что он ощущал свою историческую судьбоносную роль в том, чтобы сделать ЛСД известным всему миру. Ошеломляющие положительные эффекты такого распространения, особенно среди молодого поколения американцев, сделали бы некоторый вред – те несчастные случаи, произошедшие от неправильного использования ЛСД – незначительным по сравнению с пользой, своего рода маленькой жертвой.

Во время этого разговора я убедился, что Лири несправедливо огульно называли поборником употребления наркотиков. Он делал чёткое различие между психоделическими средствами – ЛСД, псилоцибином, мескалином, гашишем – в чьих благотворных эффектах он был убеждён, и наркотиками, вызывающими пристрастие: морфином, героином и т д., от употребления которых он неоднократно предостерегал.

От этой личной встречи у меня сложилось впечатление о докторе Лири, как об очаровательном человеке, убеждённом в своих целях, который отстаивал своё мнение с юмором, но бескомпромиссно; о человеке, который действительно витал в облаках оптимизма и веры в чудесную силу психоделиков, и, который, все же, был склонён недооценивать, или даже вообще не замечать практические сложности, неприятные моменты и опасности. Лири, как выразительно показал его дальнейший жизненный путь, также проявлял легкомыслие по отношению к опасностям и нападкам, касавшимся его самого.

Во время его пребывания в Швейцарии, я случайно встретился с Лири ещё раз, в феврале 1972 в Базеле, во время своего визита к Майклу Хоровицу, хранителю библиотеки имени Фитца Хью Ладлоу в Сан-Франциско, библиотеки, специализированной на литературе по лекарственным средствам. Мы отправились в мой дом недалеко от Бурга, где продолжили наш разговор, начатый в прошлом сентябре. Лири казался беспокойным и отстранённым, возможно из-за временного нездоровья, и наша дискуссия была в этот раз менее плодотворной. Это была моя последняя встреча с доктором Лири.

Он покинул Швейцарию в конце этого года, после развода со своей женой Розмари, в сопровождении своей новой подруги Джоанны Харкорт-Смит. После краткого пребывания в Австрии, где Лири принял участие в создании документального фильма о героине, Лири и его подруга отправились в Афганистан. В аэропорту Кабула он был задержан агентами американских спецслужб и был отправлен обратно в калифорнийскую тюрьму Сан Луис Обиспо.

После того, как ничего не было слышно о Лири на

протяжении долгого времени, его имя снова появилось в газетах летом 1975 в связи с сообщением о помиловании и досрочном выходе их тюрьмы. Но его не выпускали до начала 1976. Я узнал от его друзей, что теперь он был занят психологическими проблемами космических путешествий и исследованиями взаимоотношений между нервной системой человека и межзвёздным пространством – то есть, проблемами, изучение которых не должно принести ему дельнейших сложностей со стороны власти и правительства.

Путешествия во вселенной души

Именно так озаглавил исламовед доктор Рудольф Гелпке свой отчёт об экспериментах с ЛСД и псилоцибином, который появился в издании Антайос в январе 1962, и это заглавие можно использовать для следующих описаний опытов с ЛСД. ЛСД путешествия и космические полёты похожи во многих отношениях. Оба мероприятия предполагают очень тщательную подготовку, подразумевая как меры предосторожности, так и цели, чтобы снизить до минимума опасности и получить по возможности наиболее ценные результаты. Как космонавты не могут оставаться в космосе, так и ЛСД экспериментаторы не могут остаться в трансцендентных сферах, им нужно вернуться на землю, в мир повседневности, где вновь приобретённый опыт подвергнется оценке.

Следующие отчёты были выбраны, чтобы показать насколько разным может быть ЛСД экспириенс. Конкретные побуждения, подтолкнувшие к эксперименту, имели решающее значение при их подборке. Эта подборка без исключения содержит только отчёты тех людей, которые не просто попробовали ЛСД из любопытства или как утончённый наркотик ради удовольствия, но тех, кто экспериментировал с ним в поисках расширения возможностей восприятия внутреннего и внешнего мира; тех, кто пытался с помощью этого химического ключа открыть новые «двери восприятия» (Уильям Блейк); или же, применяя сравнение Рудольфа Гелпке, тех, кто использовал ЛСД, чтобы преодолеть силу тяжести пространства и времени привычного восприятия мира, для того, чтобы таким образом прибыть к новой точке зрения и пониманию во «вселенной души».

Первые две цитаты взяты из ранее упомянутого отчёта Рудольфа Гелпке.

Танец духов ветра (0.075 мг ЛСД 23 июня 1961, 13:00)

После того, как я принял эту дозу, которая считается средней, я оживлённо беседовал со своими коллегами примерно до 14:00. После этого, я отправился в одиночестве в книжный магазин Вертмюллер, где препарат определённо начал действовать. Я заметил, что темы книг, в которых я спокойно копался в глубине магазина, совершенно мне безразличны, в то время как случайные детали обстановки внезапно сильно выделялись, и казались «многозначительными»… Теперь, спустя десять минут я встретился со знакомой супружеской четой, и мне пришлось вступить с ним в разговор, который, признаюсь, никак не был для меня приятным, хотя и не был особенно мучительным. Я следил за беседой (даже за собой) «как бы издалека». Вещи, о которых мы говорили (речь шла о персидских рассказах, которые я переводил) «принадлежали к другому миру»: миру, в котором я все ещё мог выражать себя (я совсем ещё недавно жил в нем и ещё помнил «правила игры»), но с которым у меня не осталось эмоциональной связи. Мой интерес к нему пропал – я просто делал вид, что этого не замечаю.

После того, как мне удалось освободиться, я прошёл дальше по городу по направлению к рынку. У меня не было «видений», я видел и слышал все так же, как и обычно, но, тем не менее, все изменилось неописуемым образом; «невидимые стеклянные стены» были повсюду. С каждым шагом, который я делал, я все больше и больше становился похожим на автомат. Меня особенно поразило, что я, как казалось, потерял контроль над мышцами лица – я был уверен, что моё лицо окаменело, стало совершенно невыразительным, пустым, вялым, похожим на маску. Единственное, что заставляло меня идти и продолжать двигаться, это то, что я помнил, что шёл и двигался «раньше». Но чем дальше я вспоминал, тем больше я сомневался. Я помню, мои собственные руки мешали мне: я опускал их в карманы, оставлял их болтаться, соединял их за спиной… как какие-то обременительные предметы, которые мы таскаем с собой, но никто не знает, куда их спрятать. У меня была такая же реакция на все моё тело. Я больше не знал, почему оно было там, и куда мне следовало идти. Смысл таких решений был утерян. Их можно было лишь с

трудом воссоздать, косвенно, через воспоминания о прошлом. Я приложил определённое усилие, чтобы пройти короткое расстояние от рынка до дома, до которого я добрался примерно в 15:10.

Я ни в коем случае не испытывал чувства опьянения. То, что я ощущал, было скорее постепенным умственным угасанием. Мне совершенно не было страшно; но я представляю, что при развитии некоторых психических заболеваний – естественно растянутом в большом промежутке времени – происходит весьма похожий процесс: пока воспоминания о прошлом существовании в мире людей ещё остаются, пациент который от него отстранился все ещё в состоянии (до какого-то момента) найти дорогу назад: однако, позднее, когда воспоминания угасли и навсегда исчезли, он полностью теряет эту возможность.

Вскоре после того, как я вошёл в свою комнату, «стеклянное оцепенение» отступило. Я присел, глядя в окно, и сразу же пришёл в восторг: окно было широко распахнуто, прозрачные занавески из тонкой ткани, напротив, были опущены, и теперь лёгкий ветерок снаружи играл с этой вуалью и силуэтами горшков с цветами на подоконнике и их веточками, которые солнечный свет очерчивал на занавесках, колыхающихся на ветру. Это зрелище полностью очаровало меня. Я «погрузился» в него, я видел только это мягкое непрестанное волнение и покачивание теней растений посреди солнца и ветра. Я знал, чем «это» было, но я искал название этому, формулу, «волшебное слово» известное мне, и оно у меня было: Totentanz, танец мёртвых… Это то, что ветер и свет показывали мне на экране из тонкой ткани. Было ли страшно? Боялся ли я? Наверное – сначала. Но затем, восхитительное веселье проникло в меня, и я слышал музыку безмолвия, и даже моя душа танцевала с вернувшимися тенями под насвистывание ветра. Да, я понял: это занавес, и этот занавес сам по себе является тайной, тем «изначальным», что всегда сокрыто. Зачем разрывать его? Тот, кто делает это, лишь разрывает себя самого. Потому что там «за пределами», «за занавесом» находится «пустота».

Полип из бездны (0.150 мг ЛСД 15 апреля 1961, 9:15)

Эффекты начались уже спустя приблизительно 30

минут с сильного внутреннего волнения, дрожащих рук, холодной кожи, металлического привкуса на небе.

10:00 Обстановка комнаты превратилась в фосфорицирующие волны, бегущие от пяток даже сквозь моё тело. Кожа, особенно пальцы ног, заряжены электричеством; все ещё постоянно растущее возбуждение мешает ясному мышлению…

10:20 У меня не хватает слов, чтобы описать моё теперешнее состояние. Как будто кто-то «другой», совершенно чужой овладевает мной частица за частицей. Очень трудно писать («сдерживаемый» или «несдерживаемый»? – не знаю!).

Этот зловещий процесс прогрессирующего самоотчуждения вызвал во мне чувство бессилия, желание беспомощно сдаться. Около 10:30 сквозь закрытые глаза я увидел бесчисленные пересекающиеся линии на красном фоне. Тяжёлое как свинец небо давило на все; я чувствовал, как моё «Я» сжимается, и я ощущал себя маленьким карликом… Незадолго до 13:00 я избавился от все более гнетущей атмосферы компании в студии, где мы только мешали друг другу полностью раскрыться воздействию ЛСД. Я уселся на полу в маленькой, пустой комнате, спиной к стене и смотрел через единственное окно над узким фасадом напротив меня на серо-белое небо в облаках. Оно, как и вся обстановка в целом, казалось в этот момент безнадёжно нормальным. Я был удручён, и сам казался себе настолько отвратительным и ненавистным, что я не осмелился бы взглянуть (и, действительно, весь этот день отчаянно этого избегал) в зеркало или в лицо другому человеку. Мне очень хотелось, чтобы этот дурман скорее закончился, но моё тело все ещё было в его власти. Я представил, что ощущаю, под его давящей тяжестью, как мои конечности обвиты сотнями щупальцев полипа – да, я действительно воспринимал все это в мистическом ритме; электрические прикосновения, как бы настоящего, хотя и невидимого, злобного существа, к которому я обращался громким голосом, чертыхаясь и вызывая его на открытый поединок. «Это всего лишь проекция зла внутри тебя самого», уверял меня другой голос. «Это чудовище, рождённое в твоей душе!» Это понимание возникло как сверкнувший клинок. Оно прошло сквозь меня со спасительной отчётливостью. Щупальца полипа

отвалились от меня, как отрезанные, и до этого пасмурное, мрачное серо-белое небо в раскрытом окне заискрилось, как залитая солнцем поверхность воды. Пока я смотрел на него, словно околдованный, оно превратилось (для меня!) в настоящую воду: на меня хлынул подземный источник, прорвавшийся мгновенно оттуда, и теперь устремившийся ко мне, желая стать штормом, озером, океаном из миллионов миллионов каплей – и на всех, на каждой из этих капель, танцевал свет… Когда комната, окно и небо вернулись в моё сознание (было 13:25), действие вещества ещё не закончилось, но его арьергард, прошедший мимо меня в последующие два часа, очень напоминал радугу, которая возникает после бури. Как отчуждение от окружающей среды и отчуждение от собственного тела, пережитые в обоих предыдущих опытах, описанных Гелпке, так и ощущение чужеродного существа, демона, который овладевает телом – являются характерными чертами воздействия ЛСД, которые, несмотря на многообразие и непостоянство переживаний, встречаются в большинстве отчётов об экспериментах. Я уже описывал одержимость ЛСД демоном в качестве жуткого переживания из моего первого запланированного эксперимента с собой. Тогда тревога и страх овладели мной чрезвычайно сильно, потому что я ни в коей мере не подозревал, что этот демон отпустит свою жертву.

Приключения, описанные в следующем отчёте, написанным художником, принадлежат к совершенно другому типу ЛСД экспириенса. Этот художник пришёл ко мне, чтобы узнать моё мнение о том, как следует понимать и толковать пережитое под ЛСД. Он боялся, что полная перемена в его собственной жизни, ставшая следствием его эксперимента с ЛСД, могла основываться на пустой иллюзии. Моё объяснение – что ЛСД, как вещество биохимического действия, только подталкивает к видениям, но не создаёт их, и, что эти видения скорее рождены в его душе – дало ему уверенность в осмысленности перемен в его жизни.

ЛСД экспириенс художника

…Потом мы с Евой отправились в уединённую горную долину. Там, на природе я подумал, что с Евой это будет особенно замечательно. Ева была молодой и привлекательной. На двадцать лет старше её, я уже находился на середине жизненного пути. Несмотря на плачевные последствия, с которыми я сталкивался

раньше в результате любовных похождений, несмотря на боль и разочарование, которые я приносил тем, кто любил меня и верил мне, меня с непреодолимой силой тянуло к этому приключению, к Еве, к её молодости. Я был околдован этой девушкой. Наш роман только начинался, но я чувствовал силу соблазна сильнее, чем когда-либо прежде. Я непреодолимо хотел впасть в это сладострастное опьянение вместе с Евой. Она была самой жизнью, самой молодостью. И пусть потом я попаду в лапы к Дьяволу! Я уже давно покончил с Богом и Дьяволом. Они были для меня всего лишь человеческими изобретениями, используемыми безбожным, безжалостным большинством, чтобы подавлять и эксплуатировать доверчивое и наивное меньшинство. Я хотел не иметь ничего общего с этой лживой общественной моралью. Наслаждаться, я хотел любыми средствами наслаждаться, а «после нас хоть потоп». «Что мне жена, что мне дети – пусть попрошайничают, если им нечего есть». Я также воспринимал брак как социальную ложь. Брак моих родителей и браки моих знакомых достаточно подтверждали это для меня. Пары оставались вместе, потому что это более удобно; они привыкли к этому, и «если бы не дети…» Под предлогом брака каждый эмоционально мучил другого до язвы желудка, или же каждый шёл своей дорогой. Все во мне протестовало против идеи любить одну и ту же женщину всю жизнь. Откровенно говоря, я считал это отвратительным и противоестественным. Таковы были мои принципы перед этим зловещим летним вечером на горном озере.

В семь вечера мы оба приняли по умеренной дозе ЛСД, около 0.1 миллиграмма. Потом мы прошлись вдоль озера и присели на скамейку. Мы бросали в воду камешки и смотрели на расходящиеся круги. Мы чувствовали слабое внутреннее беспокойство. Около восьми мы вернулись в холл отеля и заказали чай и сэндвичи. Некоторые из гостей все ещё сидели там, рассказывали анекдоты и громко смеялись. Они подмигивали нам. Их глаза странно блестели. Мы чувствовали себя странно и отрешённо и боялись, что они что-то заметят в нас. На улице становилось темно. Мы с неохотой решили пойти в свой номер. К дальнему коттеджу вдоль чёрного озера вела неосвещённая улица. Когда я зажёг фонарик, гранитная лестница, которая

вела от прибрежной дороги к дому, словно воспламенилась ступенька за ступенькой. Ева вся испуганно вздрогнула. «Как зловеще» пронеслось у меня в голове, и внезапный ужас проник в мои конечности, я знал: будет очень плохо. Вдалеке, в деревне, часы пробили девять.

Когда мы, испуганные, очутились в комнате, Ева рухнула на постель и посмотрела на меня широкими глазами. Было просто невозможно думать о любви. Я присел на краю постели и взял Еву за руки. Потом пришёл страх. Мы впали в глубокий неописуемый ужас, которого никто из нас не понимал.

«Посмотри мне в глаза, посмотри на меня», умолял я Еву, но её изумлённый взгляд был направлен в сторону от меня, а затем она в страхе громко вскрикнула и вздрогнула всем телом. Выхода не было. За окном была лишь тёмная ночь и чёрное бездонное озеро. В общем доме все огни погасли; люди, наверное, ушли спать. Что бы они сказали, если бы видели нас сейчас? Возможно, они позвали бы полицию, и тогда все стало бы ещё хуже. Скандал по поводу наркотиков – невыносимо мучительная мысль.

Мы не могли больше сдвинуться с места. Мы сидели в окружении четырех деревянных стен; между досок дьявольски темнели щели. Становилось все невыносимее. Вдруг дверь открылась, и вошло «нечто ужасное». Ева громко вскликнула и спряталась под покрывало. Снова крик. Под покрывалом было ещё страшнее. «Смотри мне прямо в глаза!» взывал я к ней, но она вращала глазами взад и вперёд, как безумная. Я понял: она сходит с ума. В отчаянии я схватил её за волосы, чтобы она больше не смогла отвернуться от меня. Я видел жуткий страх в её глазах. Все вокруг нас было враждебным и пугающим, как будто все хотело в следующий миг напасть на нас. Ты должен защитить Еву, ты должен продержать её до утра, тогда действие кончится, сказал я себе. Однако затем я снова погрузился в невыразимый ужас. Больше не было ни времени, ни рассудка; казалось это состояние будет длиться вечно.

Предметы в комнате ожили, как на карикатурах; они презрительно усмехались со всех сторон. Я заметил Евины туфли с черно-жёлтыми полосками, которые я считал такими возбуждающими; они стали двумя

огромными злыми осами, ползавшими на полу. Водопроводные трубы в душевой превратились в драконью голову, глаза которой – два крана – злобно смотрели на меня. Мне пришло на ум моё имя Георг, и я сразу почувствовал себя рыцарем Георгом, который должен сражаться за Еву.

Крик Евы вырвал меня из этих мыслей. Вся в поту и дрожащая, она прижалась ко мне. «Я хочу пить», простонала она. С большим усилием, не выпуская Евиной руки, мне удалось достать ей стакан воды. Но вода, казавшаяся вязкой и тягучей, была отравлена, и мы не смогли утолить ей своей жажды. Две настольных лампы сияли странным свечением, как адские огни. Часы пробили двенадцать.

Это ад, подумал я. Нет никакого Дьявола и демонов, но, тем не менее, они ощущались в нас, заполнив собой комнату, они мучили нас невообразимым ужасом. Воображение, или нет? Галлюцинации, проекции? – этот вопрос не имел значения лицом к лицу с реальностью страха, внедрившегося в наши тела и заставлявшего их дрожать: существовал только страх. Вспомнившиеся некоторые эпизоды из книги Хаксли «Двери восприятия» принесли мне короткое успокоение. Я взглянул на Еву, на это плачущее, испуганное, измученное существо, и ощутил сильное сострадание и жалость. Она стала мне чужой; я едва узнавал её теперь. Она носила на шее тонкую цепочку с медальоном Девы Марии. Это был подарок её младшего брата. Я обратил внимание на благотворное, успокаивающее излучение, связанное с чистой любовью, которое исходило от этого ожерелья. Но вслед за этим снова ворвался страх, как бы желая окончательно нас уничтожить. Мне понадобились вся моя сила, чтобы сдержать Еву. Я слышал, как за дверью таинственно тикал электрический счётчик, как будто хотел в следующий миг сообщить мне нечто важное, злое и опустошительное. Презрение, насмешки и злоба снова зашуршали изо всех углов и щелей. И вот посреди этой агонии, я услышал вдалеке звон коровьего колокольчика, как дивную, заманчивую музыку. Однако он вскоре умолк, и снова сразу же воцарился страх и ужас. Как тонущий надеется на спасительную доску, так и я желал, чтобы коровы вновь очутились возле дома. Но все оставалось безмолвным, и только счётчик трещал, гудел и жужжал вокруг нас словно невидимое зловредное

насекомое.

Наконец стало рассветать. К большому облегчению я заметил, как возник свет в щелях ставен. Теперь, я мог предоставить Еву самой себе; она успокоилась. Обессилевшая, она закрыла глаза и уснула. Поражённый, в глубокой печали, я присел на краю кровати. Ушли моя гордость и самоуверенность; все, что осталось от меня – небольшая горсть страдания. Я посмотрел на себя в зеркало и вздрогнул: я стал на десять лет старше за эту ночь. Подавленный, я уставился на свет от настольной лампы с жутким абажуром из переплетённого пластмассового шнура. Мгновенно свет стал ярче и начал мерцать и искриться на пластиковом шнуре; он сиял как бриллианты и самоцветы всех оттенков, и меня переполнило ошеломляющее чувство счастья. Все сразу, и лампа, и комната, и Ева, исчезли, и я обнаружил себя посреди удивительного, сказочного ландшафта. Он был похож на внутренности огромной готической церкви, с бесконечными колоннами и готическими арками. Они были сделаны не из камня, а скорее из хрусталя. Голубоватые, желтоватые, молочные и ясно-прозрачные хрустальные колонны окружали меня как деревья в лесу. Их вершины, и арки терялись в головокружительной высоте. Перед моим внутренним взором появился яркий свет, и чудесный мягкий голос заговорил со мной из этого света. Я не слышал его своими ушами, а скорее воспринимал его, как ясные мысли, возникающие внутри.

Я понял, что в ужасе прошедшей ночи я воспринимал моё собственное личное состояние: эгоизм. Моя самость отделяла меня от человечества и привела к внутренней изоляции. Я любил только себя, не своего ближнего; только удовольствие, которое давали мне другие. Мир существовал только для удовлетворения моей жадности. Я стал жестоким, холодным и циничным. Ад показал мне это: эгоизм и отсутствие любви. Поэтому все и казалось мне чужеродным, презрительным и пугающим. Вместе со слезами, меня озарило знание, что истинная любовь означает отказ от эгоизма, и что не желания, а, скорее, самоотверженная любовь строит мост к сердцу другого человека. Волны невыразимого счастья катились по моему телу. Я испытывал божественное милосердие. Но как могло быть, что оно проистекало на меня именно из этого дешёвого абажура? Внутренний

голос ответил: Бог есть во всем.

Пережитое у горного озера дало мне уверенность, что за пределами преходящего материального мира существует неумирающая духовная реальность, которая и есть наш истинный дом. Теперь я на пути домой.

Для Евы все осталось лишь дурным сном. Вскоре после этого мы расстались.

Следующие заметки «ЛСД история» написаны двадцатипятилетним рекламным агентом Джоном Кэшманом (Fawcett Publications, Greenwich, Conn., 1966). Они включены в подборку отчётов об ЛСД, так же как и предыдущий пример, потому что описывают некое развитие, характерное для многих ЛСД экспириенсов – от жутких видений до предельной эйфории, своего рода цикл смерть-возрождение.

Радостная песнь бытия

Мой первый опыт с ЛСД произошёл в доме моего близкого друга, который стал моим гидом. Окружающая обстановка была достаточно знакомой и расслабляющей. Я принял две ампулы ЛСД (200 микрограмм) разведённых в стакане дистиллированной воды. Экспириенс продолжался почти что одиннадцать часов, с 8 часов вечера в субботу почти до 7 утра. Мне не с чем это сравнить, но я уверен, что ни один святой никогда не видел более восхитительных, наполненных радостной красотой видений, или воспринимал более блаженное состояние трансцендентальности. Средства, которыми я располагаю, чтобы передать эти чудеса – слишком убогие и неподходящие для этой задачи. Приходиться довольствоваться неумелым наброском там, где оправдана лишь работа великого мастера, творящего всей палитрой красок. Я должен извиниться за свою ограниченность в этой жалкой попытке свести наиболее значительное событие моей жизни к простым словам. Моя надменная ухмылка над неумелыми косноязычными попытками других описать мне их божественные видения превратилась в понимающую улыбку заговорщика – то, что пережито обоими не требует слов.

Первой моей мыслью после того, как я выпил ЛСД, было то, что он совершенно не действует. Мне сказали, что через тридцать минут начинается первое ощущение – покалывание в коже. Никакого покалывания не было. Я заметил об этом вслух, на что мне сказали, чтобы я расслабился и ждал. Поскольку заняться было не чем, я

уставился на горевшую шкалу настройки настольного радиоприёмника и клевал носом под незнакомую джазовую мелодию. Думаю, что прошло несколько минут, прежде чем я осознал, что свечение, как в калейдоскопе, меняло свой цвет в зависимости от высоты звуков музыки; оно было светло-красное и жёлтое в верхнем регистре и пурпурным в низком. Я засмеялся. Я не имел понятия, когда это началось. Я просто знал, что это случилось. Я закрыл глаза, но цветные ноты были и там. Я был поражён удивительной яркостью красок. Я попытался заговорить и описать то, что я видел: вибрирующие светящиеся цвета. Почему-то это казалось неважным. Когда я открыл глаза, цветные лучи заполнили комнату, накладываясь друг на друга в ритме музыки. Внезапно я осознал, что эти цвета и были музыкой. В этом открытии не было ничего удивительного. Ценности, столь заботливо хранимые, становились безразличными. Я хотел заговорить о цветной музыке, но не смог. Я мог только произносить односложные слова, в то время как многосложные образы метались в моей голове со скоростью света.

Перспектива комнаты менялась, то, принимая форму вибрирующего ромба, то, растягиваясь в овал, словно кто-то накачивал в комнату воздух, расширяя её до предела. Мне было трудно фокусироваться на предметах. Они расплавлялись в размытую массу чего-то или уплывали в пространство, весьма любопытно медленно перемещаясь сами по себе. Я попытался узнать время на моих часах, но не смог сфокусироваться на руке. Я подумал спросить о времени, но эта мысль прошла. Я был слишком занят видимым и слышимым. Звуки стимулировали, а образы восхищали. Я был в трансе. Не имею понятия, сколько это продлилось. Знаю только, что следующим было яйцо.

Яйцо, большое, пульсирующее, светящееся зелёным, было там до того, как я его заметил. Я чувствовал, что оно там присутствовало. Оно было подвешено примерно на полпути от того места, где я сидел, до дальней стены. Я был заинтригован красотой этого яйца. И в то же время, я боялся, что оно упадёт на пол и разобьётся. Мне не хотелось, чтобы яйцо разбилось. Казалось чрезвычайно важным, чтобы оно не разбилось. Но, несмотря на то, что я думал об этом, оно медленно растворилось, и за ним оказался большой пёстрый

цветок, не похожий ни на один из цветков, когда-либо виденных мной. Его невероятно тонкие лепестки раскрылись, распространив по комнате во всех направлениях неописуемые цвета. Я чувствовал цвета и слышал, как они переливались по моему телу, тёплые и прохладные, похожие на свирели и колокольчики.

Первое дурное предчувствие пришло позже, когда я увидел, как центр цветка медленно поглощает его лепестки, чёрный, светящийся центр, как будто состоявший из тысяч муравьёв. Он поглощал лепестки мучительно медленно. Я хотел закричать, чтобы он прекратил или поторопился. Я страдал от плавного исчезновения прекрасных лепестков, словно съедаемых коварной болезнью. Затем, с проблеском интуиции, я к своему ужасу осознал, что эта чернота в действительности пожирала меня. Я был цветком, и это чужеродное крадущееся нечто поглощало меня.

Я закричал или застонал, точно не помню. Я был переполнен страхом и отвращением. Я услышал, как мой гид сказал: «Спокойно. Просто следуй этому. Не борись. Следуй». Я попробовал, но ужасная чернота вызвала такое отвращение, что я закричал: «Я не могу! Ради бога, помогите! Помогите!» Голос был ровным и успокаивающим: «Пусть это придёт. Все в порядке. Не волнуйся. Следуй этому. Не борись».

Я чувствовал, что превращаюсь в жуткое приведение, что моё тело растворяется в волнах черноты, мой разум лишился эго, жизни и даже смерти. В одно кристальное мгновение я осознал, что я бессмертен. Я задал себе вопрос: «Я умер?» Но ответ не имел смысла. Смысл был бессмысленным. Вдруг возник белый свет и мерцающая красота единства. Повсюду был свет, белый свет неописуемой чистоты. Я умер и был рождён, и торжество было чисто и свято. Мои лёгкие взорвались радостной песнью бытия. Было единство и жизнь, и совершенная любовь, заполнившая моё существо, была безгранична. Моё сознание было чётким и полным. Я видел Бога и дьявола и всех святых, и я знал истину. Я чувствовал себя плавающим в космосе, парящим над всеми ограничениями, освобождённым, чтобы плыть в блаженном сиянии божественных видений.

Я хотел кричать и петь о чудесной новой жизни, о сути и форме, о радостной красоте и полном безумия экстазе восхищения. Я знал и понимал все, что можно

знать и понимать. Я был бессмертен, я знал за пределами знания, я был способен любить всей своей любовью. Каждая частица моего тела и души видела и чувствовала Бога. Мир был теплотой и добротой. Не было ни времени, ни места, ни меня. Была лишь космическая гармония. Все было в этом белом свете. Всеми фибрами своего бытия я знал, что это так.

Я держался за это озарение с полной отрешённостью. Когда это переживание пошло на убыль, я изо всех сил цеплялся за него и упорно боролся против вторжения реальности времени и места. Реальность нашего ограниченного существования больше не имела значения для меня. Я увидел истинную реальность, и для меня не существовало больше другой. Когда я медленно возвращался в тиранию часов, планов и мелочной злобы, я пытался рассказать о своём путешествии, своём озарении, ужасах, красоте, обо всем этом. Я бормотал как идиот. Мои мысли кружились с фантастической скоростью, но слова не поспевали за ними. Мой гид улыбнулся и сказал, что понимает меня.

Эта коллекция отчётов о «путешествиях во вселенной души», хотя и охватывает столь непохожие экпириенсы, все же не способна показать полную картину широкого спектра всех возможных реакций на ЛСД, которые простираются от наиболее возвышенных духовных, религиозных и мистических переживаний до грубых психосоматических нарушений. Были описаны ЛСД сеансы, в которых стимуляция фантазии и визионерские переживания, вроде описанных в отчётах, собранных здесь, совершенно отсутствуют, и экспериментатор на протяжении всего опыта находится в состоянии ужасного физического и умственного дискомфорта, или даже чувствует себя серьёзно больным.

Сообщения об изменении сексуальных ощущений под влиянием ЛСД также противоречивы. Поскольку стимуляция всех органов чувств является существенной особенностью воздействия ЛСД, размах ощущений во время полового контакта может претерпеть невообразимое расширение. Однако были описаны случаи, в которых ЛСД приводил вместо ожидаемого эротического рая, к чистилищу, или даже к аду страшного угасания всяких ощущений, к безжизненному вакууму.

Такое разнообразие и противоречивость реакций на препарат присуще только ЛСД и родственным галлюциногенам. Объяснение этому лежит в сложности и различиях сознания и

подсознания людей, в которые ЛСД может проникать и вызывать их к жизни как воспринимаемую реальность.

Глава 6. Мексиканские родственники ЛСД

Священный гриб теонанакатль

В конце 1956 моё внимание привлекла газетная заметка. Американские учёные обнаружили грибы, используемые некоторыми индейскими племенами на юге Мексики, которые они поедали во время религиозных церемоний для получения опьянения, сопровождающегося галлюцинациями.

Поскольку, помимо мескалинового кактуса, опять-таки, родом из Мексики, в то время не было известно ни одного другого вещества, которое, как и ЛСД, вызывало бы галлюцинации, мне захотелось связаться с этими исследователями, чтобы узнать подробнее об этих галлюциногенных грибах. Но в короткой газетной статье не было ни имён, ни адресов, поэтому получить дальнейшую информацию было невозможно. Тем не менее, с тех пор я помнил об этих загадочных грибах, химическое исследование которых было весьма заманчивой проблемой.

Как выяснилось позже, ЛСД был причиной того, что в начале следующего года эти грибы и без моей помощи нашли дорогу в мою лабораторию.

При посредничестве доктора Ива Дюно, в то время директора парижского филиала Сандоз, в управление фармацевтических исследований в Базеле пришёл запрос от профессора Роже Хайма, директора Лаборатории Криптогамии при Национальном Музее Естественной Истории в Париже, спрашивавшего, заинтересованы ли мы в проведении исследований мексиканских галлюциногенных грибов. С огромной радостью я объявил о своей готовности начать работу в своём отделе, в лаборатории исследования натуральных продуктов. Это стало бы моим вкладом в увлекательные исследования мексиканских священных грибов, которые уже далеко продвинулись в плане этномикологии и ботаники.

В течение долгого времени существование этих грибов оставалось загадкой. История их открытия заново представлена из первых рук в замечательном двухтомном труде по этномикологии «Грибы, Россия и История» (Pantheon Books, New York, 1957), его авторами, американскими исследователями Валентиной Павловной Уоссон и её мужем Р. Гордоном Уоссоном,

сыгравшим решающую роль в их открытии. Следующие описания удивительной истории этих грибов взяты из книги Уоссона.

Первые письменные свидетельства об использовании этих грибов во время праздников, религиозных церемоний и магических целительских практик, встречаются у испанских летописцев и естествоиспытателей шестнадцатого века, которые прибыли в Мексику вскоре, после её завоевания Эрнаном Кортесом. Наиболее важным из этих свидетелей является монах ордена Св. Франциска Бернардино де Саагун, который упоминает волшебные грибы и описывает их действие и использование в нескольких местах своего знаменитого исторического труда «Общая История Событий Новой Испании», написанного с 1529 по 1590. Так, например, он описывает, как торговцы празднуют возвращение домой из успешного торгового путешествия: В самом начале празднества они ели грибы, когда, как они говорили, наступал час игры на флейте. До этого они не принимали пищу; они пили только шоколад на протяжении ночи. И они ели грибы с мёдом. Когда грибы начинали действовать, они танцевали, они плакали… Некоторые видели, что умрут на войне. Некоторые видели, что их сожрут дикие звери… Некоторые видели, что станут богатыми и знатными. Некоторые видели, что купят рабов и станут рабовладельцами. Некоторые видели, что совершат прелюбодеяние, и им отрубят голову; что они обречены на смерть… Некоторые видели, что утонут. Некоторые видели, что обретут покой со смертью. Некоторые видели, что свалятся с крыши дома, упав навстречу своей смерти… Все это они видели… А после того как действие грибов кончалось, они беседовали друг с другом, говорили о своих видениях. В книге того же времени монах ордена Св Доминика Диего Дуран сообщает, что опьяняющие грибы ели на большом празднике по поводу восхождения на трон в 1502 Монтесумы II, знаменитого императора ацтеков. Отрывок из хроники семнадцатого века, написанной Доном Хасинто де ля Серна, относится к употреблению этих грибов в религиозных целях:

> Случилось так, что (в деревню) пришёл индеец… звали его Хуан Чичитон… и принёс он рыжего цвета грибы, которые собрал в горах, и с ними совершил он великое идолопоклонство… В доме, где все собрались по поводу праздника святого… играл тепонастли (ударный инструмент ацтеков) и пение продолжалось всю ночь. После того, как ночь почти миновала, Хуан Чичитон, который был жрецом этого торжественного ритуала, всем присутствовавшим на фиесте раздал грибы, чтобы

они их ели, и после такого Причастия, дал им выпить «пульке»… и все они лишились рассудка, и стыдно было видеть это. На языке ацтеков науатль эти грибы называются теонанакатль, что можно перевести как «священный гриб». (Здесь автор допускает неточность, в действительности теонанакатль означает «плоть богов»)

Есть сведения, что церемониальное употребление этих грибов уходит далеко доколумбовые времена. Так называемые каменные грибы найдены в Сальвадоре, Гватемале и прилегающих горных районах Мексики. Они представляют собой каменные скульптуры в форме гриба, на ножке которых высечено лицо, или образ божества, или демон-животное. Большинство из них высотой около 30 см. Самые старые экземпляры датируются археологами более 500 годами до нашей эры.

Р. Г. Уоссон весьма убедительно доказывает, что существует связь между этими каменными грибами и теонанакатлем. Если это так, то это означает, что использованию волшебных грибов в целительстве и религиозных церемониях уже больше двух тысяч лет.

Для христианских миссионеров опьяняющее и вызывающее видения и галлюцинации действие этих грибов казалось делом рук Дьявола. И они пытались, всеми доступными средствами, искоренить их употребление. Но это удалось им лишь отчасти, поскольку индейцы вплоть до наших дней продолжали тайно использовать теонанакатль, который они считали священным.

Очень странно, но сообщения старых хроник об употреблении волшебных грибов оставались незамеченными на протяжении последующих столетий, возможно потому, что они считались выдумкой тех суеверных времён.

Все следы существования «волшебных грибов» оказались под угрозой вечного исчезновения, когда в 1915 известный американский ботаник доктор У. Е. Саффорд в обращении к Ботаническому Обществу в Вашингтоне и в своих научных публикациях выдвинул тезис, что никаких волшебных грибов никогда не существовало: испанские летописцы приняли мескалиновый кактус за гриб! Это утверждение Саффорда, хотя оно и было неверным, способствовало привлечению внимания учёных со всего мира к загадке таинственных грибов.

Мексиканский врач доктор Блас Пабло Реко стал первым, кто открыто не согласился с объяснением Саффорда и кто обнаружил свидетельства тому, что грибы все ещё используются в наше время в медицинских и религиозных церемониях в отдалённых горных районах Мексики. Только в 1938 году антрополог Роберт

Дж. Вайтланер и доктор Ричард Эванс Шултс, ботаник из Гарвардского Университета, действительно нашли в этой местности грибы, которые употреблялись в церемониальных целях; и только в 1938 группа молодых американских антропологов под руководством Джина Бассета Джонсона, впервые смогла присутствовать на тайной ночной церемонии с использованием грибов. Это произошло в Уаутла де Хименес, столице племени масатеков в штате Оахака. Но эти исследователи были лишь наблюдателями, им не разрешили принимать грибы. Джонсон описал это событие в одном шведском журнале (Этнологические Исследования №9, 1938).

Потом исследования волшебных грибов прервались. Началась Вторая Мировая Война. Шултсу, по приказу американского правительства, пришлось заняться производством каучука в районе Амазонки, а Джонсон был убит во время высадки союзнических войск в Северной Африке.

Американские учёные, супруги Валентина Павловна Уоссон и её муж Р. Г. Уоссон, продолжили эти исследования в сфере этнографии. Р. Г. Уоссон был банкиром, вице-президентом нью-йоркской Дж. П. Морган Компани. Его жена, которая умерла в 1958, была детским врачом. Супруги Уоссон начали свою работу в масатекской деревне Уаутла де Хименес, где пятнадцать лет назад Дж. Б. Джонсон с коллегами обнаружили существующий поныне древний индейский культ гриба. Они получили особенно ценную информацию от Юнис В. Пайк, американской миссионерки, работавшей там на протяжении многих лет. Благодаря её знанию языка индейцев и её связями с местным населением, Пайк владела никому другому не доступной информацией об использовании волшебных грибов. Во время неоднократного длительного пребывания в Уаутла и её окрестностях супруги Уоссон смогли подробно изучить теперешнее использование грибов и сравнить его с описаниями старых хроник. Это показало, что вера в «священные грибы» все ещё была широко распространена в этой местности. Однако индейцы держали свои верования в тайне от чужаков. Поэтому, понадобились большая тактичность и искусство, чтобы заработать доверие местного населения и получить возможность заглянуть в их тайны.

В современной форме грибного культа старые религиозные представления и обычаи смешались с понятиями христианства и христианской терминологией. Так, о грибах часто говорят как о крови Христа, поскольку они растут там, куда кровь Христа упала на землю. Согласно другому представлению, грибы вырастают, где капля слюны изо рта Христа смочила землю, и поэтому Иисус

Христос сам говорит посредством этих грибов.

Грибная церемония придерживается формы консультации. Ищущий совета или больной, или его семья за скромную плату обращаются с вопросом к «знающему мужчине» или «знающей женщине», к асабио или асабии, или же иначе, к курандеро или курандере. Курандеро можно перевести как шаман-целитель, поскольку его действия подобны как действиям врача, так и священника, которых редко можно встретить в этих отдалённых краях. На языке племени масатек знахарь называется «котакине», что означает «тот, кто знает». Он ест грибы во время церемонии, которая всегда происходит ночью. Другие присутствующие на церемонии также могут получить грибы, но большая доза всегда принадлежит курандеро. Ритуал выполняется под аккомпанимет молитв и взываний, в то время как грибы быстро окуриваются над чашей, где варится копал (благовонная смола). В полной темноте, иногда при свечах, в то время как все присутствующие тихо лежат на циновках, курандеро, сидя или на коленях, молится и поёт перед своего рода алтарём с распятием, образом святого, или другим предметом поклонения. Под воздействием священного гриба курандеро даёт советы, находясь в состоянии провидения, в котором, в той или иной степени, могут находиться и пассивные наблюдатели. В монотонной песне курандеро, гриб теонанакатль даёт ответы на поставленные вопросы. Он рассказывает, будет ли больной жить или умрёт, какие травы следует употреблять при лечении; он раскрывает, кто убил какого-либо человека, или кто украл лошадь; или позволяет узнать, что происходит у далеко живущих родственников и так далее.

Грибная церемония не только является консультацией, подобной только что описанной, для индейцев она имеет значение, подобной Святому Причастию для верующих христиан. Из многих высказываний индейцев можно заключить, что они верят в то, что Бог дал им священный гриб, поскольку они бедны и не имеют врачей и лекарств; и, поскольку они не умеют читать, в данном случае Библию, Бог может напрямую разговаривать с ними через гриб. Миссионерка Юнис В. Пайк упоминает о сложностях, которые возникают при объяснении христианского учения, написанного в книгах, людям, которые верят, что обладают средством – конечно же, священным грибом – узнавать волю Бога непосредственно: да, гриб позволяет им видеть небеса и общаться с самим Богом.

О почтении индейцев к священному грибу свидетельствует также их вера в то, что грибы может есть только «чистый» человек. «Чистый» – означает здесь готовый для церемонии, и это подразумевает, среди прочего, сексуальное воздержание по

крайней мере в течение двух дней до и после употребления грибов. Определённые правила следует также соблюдать при сборе грибов. При несоблюдении этих заповедей, гриб может свести с ума человека, который его ест, или даже убить его.

Супруги Уоссон предприняли свою первую экспедицию к масатекам в 1953 году, но до 1955 им не удавалось преодолеть осторожность и скрытность масатеков, с которыми они сдружились, до такой степени, чтобы им позволили быть активными участниками грибной церемонии. В конце июня 1955 Р. Г. Уоссон и его компаньон, фотограф Аллан Ричардсон приняли грибы во время ночной грибной церемонии. Таким образом, они стали первыми посторонними, первыми белыми людьми, которым довелось принимать теонанакатль.

Во второй части книги «Грибы, Россия и История» Уоссон с восторгом описывает, как гриб полностью овладел им, несмотря на то, что он пытался сопротивляться его действию, пытаясь оставаться объективным наблюдателем. Сначала он видел геометрические цветные узоры, которые затем приняли архитектурные очертания. Затем последовали видения великолепных колоннад, дворцов сверхъестественной красоты и величия, украшенных драгоценными камнями; триумфальных колесниц, запряжённых сказочными существами, известными только из мифов; фантастических пейзажей. Отделённый от тела, его дух парил в безвременных фантазиях среди образов высшей реальности, наделённой более глубоким смыслом, чем обычный повседневный мир. Необъяснимый смысл жизни, казалось, был на грани раскрытия, но последнюю дверь так и не удалось открыть.

Этот опыт стал для Уоссона окончательным доказательством того, что волшебные свойства, приписываемые грибам, действительно существовали и не были пустыми предрассудками.

Чтобы предоставить грибы для научных исследований, Уоссон до этого установил контакт с микологом из Парижа профессором Роже Хаймом. Сопровождая Уоссона в следующих экспедициях к масатекам, Хайму удалось определить ботаническую принадлежность священных грибов. Он показал, что это были пластинчатые грибы из семейства Strophariaceae, и среди двенадцати видов, до этого не известных науке, большинство принадлежало к роду Psilocybe. Профессору Хайму также удалось вырастить эти виды в лаборатории. Гриб Psilocybe mexicana оказался наиболее пригодным для искусственного разведения.

Химические исследования волшебных грибов шли параллельно с ботаническими, их целью было выделение активных галлюциногенных веществ из тканей грибов и

приготовления их в химически чистой форме. Эти исследования проводились по просьбе профессора Хайма в химической лаборатории при Национальном Музее Естественной Истории в Париже, а также этой проблемой занимались в США команды исследователей в лабораториях двух крупных фармацевтических компаниях: «Мерк» и «Смит, Кляйн энд Френч». Часть грибов американские лаборатории получили от Р. Г. Уоссона, другую часть собрали сами в горах Сьерра Масатека.

Поскольку химические исследования в Париже и Соединённых Штатах оказались безуспешными, профессор Хайм отправил этот материал в нашу фирму, как упоминалось в начале этой главы, потому что он чувствовал, что наш опыт относительно ЛСД, родственного грибами по своему действию, может оказаться полезным при попытках изоляции. Таким образом, именно ЛСД показал теонанакатлю дорогу в нашу лабораторию.

Будучи в то время директором отдела естественных продуктов химико-фармацевтических лабораторий Сандоз, я хотел поручить исследование волшебных грибов одному из своих сотрудников. Однако никто не изъявил большого желания взяться за эту проблему, поскольку было известно, что ЛСД и все с ним связанное, едва ли были популярной темой для высшего руководства. Поскольку энтузиазм, необходимый для успешных опытов, нельзя вызвать по приказу, и поскольку энтузиазм, относящийся к этой проблеме, у меня присутствовал, я решил провести эти исследования самостоятельно.

Для начала химического анализа я располагал около 100 г сушёных грибов вида Psilocybe mexicana, выращенных в лаборатории профессора Хайма. Мой лабораторный ассистент, Ханс Чертер, который на протяжении десятилетнего сотрудничества стал очень умелым помощником, в совершенстве знакомый с моей манерой работать, помог мне в опытах по экстракции и изоляции. Поскольку не существовало никаких сведений относительно действующего вещества, которое мы искали, опыты по изоляции следовало проводить, основываясь на свойствах фракций экстракта. Но не один из различных экстрактов не проявил чётких эффектов, которые могли бы указать на присутствие галлюциногенных веществ, ни у мышей, ни у собак. Поэтому возникло сомнение, что грибы, выращенные и высушенные в Париже, все ещё действовали. Это можно было установить только путём испытания грибов на человеке. Как и в случае с ЛСД, я самостоятельно осуществил главный эксперимент, так как для исследователя неприемлемо просить кого-то другого провести эксперимент на себе, необходимый для

его собственных исследований, особенно, если он влечёт за собой, как в данном случае, определённый риск.

В этом эксперименте я съел 32 сушёных гриба Psilocybe mexicana, что составило 2.4 г. Это количество считалось средней дозой, используемой курандеро, согласно сообщениям Уоссона и Хайма. Как показывает следующий отрывок из отчёта об эксперименте, грибы проявили сильное психотропное действие:

Спустя 30 минут после того, как я принял грибы, внешний мир претерпел странную трансформацию. Все приняло мексиканские черты. Поскольку я совершенно чётко осознавал, что именно моё знание о мексиканском происхождении гриба привело меня к мексиканским сюжетам в моем воображении, я умышленно пытался увидеть окружавшее меня таким, каким я знал его в нормальном состоянии. Но все сознательные усилия увидеть вещи в их привычных формах и цветах оказались напрасными. С закрытыми или открытыми глазами я видел только мексиканские мотивы и цвета. Когда врач, наблюдавший за экспериментом, наклонился надо мной, чтобы измерить давление, он превратился в ацтекского жреца, и я не удивился, если бы он вытащил обсидиановый нож. Несмотря на серьёзность ситуации, мне было смешно видеть, как германское лицо моего коллеги приобрело чисто индейское выражение. На самом пике интоксикации, примерно спустя 1.5 часа после приёма грибов, натиск внутренних картин, состоявших в основном из абстрактных узоров, быстро менявших форму и цвет, достиг такой угрожающей степени, что я боялся, что меня засосёт в этот водоворот цветов и форм, и я растворюсь в нем. После примерно шести часов этот сон закончился. Субъективно, я не имел понятия, сколько длилось это состояние. Я чувствовал, что моё возвращение к повседневной реальности было возвращением домой из странного фантастического, но в то же время реального, мира, в старый и знакомый мир. Этот эксперимент показал, что человек реагирует более чувствительно на психоактивные вещества, чем животные. Мы уже пришли к такому выводу после экспериментов с ЛСД над животными, как описывается в одной из предыдущих глав этой книги. То, что наши экстракты не действовали на мышей и собак, объяснялось не неактивностью грибов, а недостаточной реакцией лабораторных животных на этот вид активных соединений.

Поскольку испытание на людях было единственным методом, которым мы располагали, чтобы определить активные фракции экстракта, у нас не осталось другого выбора, как провести эти испытания на самих себе, чтобы продолжить нашу работу и довести её до успешного завершения. В только что описанном

эксперименте сильная реакция, длящаяся несколько часов, вызывалась 2.4 г сухих грибов. Поэтому, впоследствии мы использовали образцы, соответствующие только одной трети этого количества, а именно 0.8 г сушёных грибов. Если эти образцы содержали активное вещество, они производили только слабый эффект, который прерывал работу на небольшое время, но этот эффект был достаточно определённым, чтобы недвусмысленно отличать друг от друга фракции, содержащие активные вещества и неактивные фракции. Несколько сотрудников и коллег добровольно стали подопытными кроликами для этой серии тестов.

Псилоцибин и псилоцин Благодаря этим достоверным испытаниям на людях мы смогли изолировать активные вещества, сконцентрировать их и превратить в химически чистую форму при помощи новейших методов сепарации. Два новых вещества, которые я назвал псилоцибин и псилоцин, были получены в форме бесцветных кристаллов.

Эти результаты были опубликованы в марте 1958 в журнале Experientia, в сотрудничестве с профессором Хаймом и моими коллегами доктором А. Браком и доктором Х. Кобелём, которые предоставили большое количество грибов для этих исследований после того, как они существенно улучшили методику выращивания грибов в лаборатории.

Некоторые из моих сотрудников – А. Й. Фрей, Х. Отт, Т. Петржилка и Ф. Трокслер – в дальнейшем участвовали в следующем этапе этих исследований, определении химического строения псилоцибина и псилоцина и последующем синтезе этих соединений, результаты которого были опубликованы в 1958 году в ноябрьском выпуске журнала Experientia. Химическое строение этих соединений заслуживает особого внимания в нескольких отношениях. Псилоцибин и псилоцин, как и ЛСД, принадлежат к индольным соединениям, биологически важному классу веществ, встречающихся в растительном и животном мире. Отдельные химические свойства, общие как для веществ, содержащихся в грибах, так и для ЛСД, указывают на то, что псилоцибин и псилоцин находятся в близком родстве с ЛСД, не только по своему психическому действию, но и по своей химической структуре. Псилоцибин является сложным эфиром фосфорной кислоты от псилоцибина; таким образом, это первое и до сих пор единственное найденное в природе индольное соединение, содержащее фосфорную кислоту. Остаток фосфорной кислоты никак не влияет на его активность, поскольку не содержащий фосфорной кислоты псилоцин проявляет такую же активность, как и псилоцибин, но этот остаток делает молекулу более

стабильной. В то время как псилоцин легко разрушается кислородом воздуха, псилоцибин достаточно устойчив.

Псилоцибин и псилоцин обладают химическим строением, очень сходным с нейромедиатором серотонином. Как уже упоминалось в главе об опытах над животными и биологических исследованиях, серотонин играет важную роль в химическом регулировании функций мозга. Оба вещества, содержащиеся в грибах, так же как и ЛСД, в фармакологических экспериментах с различными органами блокируют эффекты серотонина. Другие фармакологические свойства псилоцибина и псилоцина тоже сходны с ЛСД. Основное различие состоит в количественной активности в экспериментах с человеком и животными. Средняя действующая доза псилоцибина или псилоцина для человека составляет 10 мг (0.01 г); соответственно эти вещества в 100 с лишним раз менее активны, чем ЛСД, для которого 0.1 мг считается высокой дозой. Более того, эффекты этих веществ длятся лишь от четырех до шести часов, что намного короче, чем эффекты ЛСД (восемь-двенадцать часов).

Полный синтез псилоцибина и псилоцина, без использования грибов, мог бы стать методом, позволяющим производить эти вещества в больших количествах. Синтетическое производство дешевле и целесообразнее, чем экстракция из грибов.

Поэтому и были осуществлены изоляция и синтез этих веществ, а с ними и разоблачение волшебных грибов. Было выяснено химическое строение и стало возможным синтетическое производство в пробирке тех соединений, чьи удивительные эффекты заставляли индейцев на протяжении тысячелетий верить, что в этих грибах пребывал бог.

Какой же прогресс в научных знаниях был достигнут этими исследованиями? По существу, когда все, что можно, уже сказано и сделано, мы лишь можем утверждать, что тайна удивительных эффектов теонанакатля была сведена к тайне эффектов двух кристаллических веществ – поскольку эти эффекты наука не в силах объяснить, она может только их описывать.

Псилоцибиновые путешествия во вселенную души

Взаимосвязь между психическими эффектами псилоцибина и ЛСД, их способность вызывать визуальные галлюцинации, становиться очевидной в следующем отчёте об эксперименте с псилоцибином из книги «Антайос» доктора Рудольфа Гелпке. Он называл пережитое под ЛСД и псилоцибином, как уже упомянуто в предыдущей главе, «путешествиями во вселенной души».

Там, где время остановилось (10 мг псилоцибина, 6 апреля 1961, 10:20)

Эффекты начались после примерно 20 минут: безмятежность, безмолвие, лёгкое приятное головокружение, и «приятно глубокое дыхание».

10:50 Сильное головокружение, не могу сконцентрироваться.

10:55 Возбуждение, интенсивные цвета: все розовое и красное.

11:05 Мир сконцентрировался посередине стола. Очень яркие цвета.

11:10 Беспрецедентное разделение существа, – как я могу описать ощущения от подобного состояния? Меня контролируют волны других «Я».

Сразу же после этой записи я вышел из-за стола, где я, доктор Х. и наши жены завтракали, на улицу, и прилёг на газоне. Опьянение быстро достигло высшей точки. Хотя я твёрдо решил постоянно записывать, теперь бесконечно медленные движения записывания казались мне пустой тратой времени, а возможность словесного выражения ничтожно жалкой по сравнению с наплывом внутренних восприятий, которыми я был переполнен, и которые угрожали взорвать меня. Мне казалось, что полноту восприятия одной минуты следует приравнять к 100 годам. Вначале преобладали визуальные образы: я с восторгом наблюдал бесконечные последовательные ряды деревьев в соседнем лесу. Затем рваные облака быстро заполонили солнечное небо, безмолвно, с захватывающи дух величием, наложились друг на друга тысячами слоёв – небо на небе – и я замер, ожидая, что вот-вот, в следующий миг нечто великое, неслыханное, доселе не существующее должно появиться или произойти – может я увижу бога? Но осталось лишь ожидание, нависшее предчувствие, «на пороге предельного ощущения»… Потом я ушёл подальше (близость других тревожила меня) и лёг в укромном уголке сада на нагретую солнцем колоду дров – мои пальцы поглаживали дерево с переполнившей меня животной чувственной привязанностью. В то же время это был апогей: меня охватило чувство блаженства, полного счастья – с закрытыми глазами я оказался в неком углублении с узором из красного кирпича, и, в то же время, в «центре вселенной, полной тишины». Я знал, что все было добро – причиной и началом всего было

добро. Но в тот же миг я осознал страдание и отвращение, подавленность и непонимание обычной жизни: той, что никогда не бывает «целостной», а всегда разрезанной на кусочки, разбитой на крошечные фрагменты секунд, минут, часов, дней, недель: в той, где мы находимся в рабстве у времени Молоха, который постепенно пожирает нас; мы обречены на запинание, ошибки и обрывочность; каждый из нас должен нести с собой совершенство и абсолют, единство всех вещей; неизменный момент золотой эры, этой первоначальной основы бытия – который, несмотря ни на что, длился и будет длиться вечно – нести в наше повседневное существование, как болезненную рану в глубине нашей души, как напоминание о никогда не выполненном обещании, как Фата Моргану потерянного и завещанного рая; сквозь лихорадочный сон «сегодня», сквозь приговорённое «вчера» в заоблачное «завтра». Я понял это. Это стало космическим полётом, но не обычного, а внутреннего человека, и на мгновение я воспринял реальность из места, которое находиться за пределами гравитации и времени.

И когда я снова почувствовал силу притяжения, я достаточно наивно попытался оттянуть возвращение, приняв новую дозу, 6 мг псилоцибина в 11:45, и 4 мг в 14:30. Эффект был ничтожным и в любом случае не стоит упоминания.

Г-жа Ли Гелпке, художница, также участвовала в этой серии экспериментов, три раза принимав ЛСД и псилоцибин. Вот, что она написала о рисунке, который она сделала во время эксперимента:

> Ничто в этом рисунке не выдумано нарочно. Когда я работала над ним, воспоминания (о пережитом под псилоцибином) снова стали реальностью, и направляли каждый мои штрих. Поэтому эта картина также многослойна, как и это воспоминание, и тот образ в нижнем правом углу действительно взят из этого сна… Когда, тремя неделями позже, в мои руки попали книги по мексиканскому искусству, я с испугом увидела там мотивы из моих видений…

Я также упоминал о присутствии мексиканских мотивов во время воздействия псилоцибина в моем первом эксперименте с сушёными грибами Psilocybe mexicana, как было описано в

разделе о химических исследованиях этих грибов. Точно такой же феномен произошёл с Р. Гордоном Уоссоном. Исходя из этих наблюдений, он выдвинул предположение, что искусство древней Мексики находилось под влиянием образов из видений, вызываемых грибами.

«Волшебное утреннее сияние» – ололиуки

После того, как нам удалось за относительно короткое время разгадать загадку священного гриба теонанакатля, я заинтересовался проблемой другого мексиканского снадобья неустановленного химического сотава, ололиуки. Ололиуки – это ацтекское название семян одного вьющегося растения (семейства Convolvulaceae), которые, как мескалиновый кактус пейотль и гриб теонанакатль, использовались в доколумбовые времена ацтеками и соседними народами в религиозных церемониях и магических целительских практиках. Ололиуки до сих пор используется некоторыми индейскими племенами, такими как сапотеки, чинантеки, масатеки и миштеки, которые до самого недавнего времени жили в отдалённых горах южной Мексики в настоящей изоляции, почти не подвергшиеся христианскому влиянию.

В 1941 Ричардом Эвансом Шултсом, директором Гарвардского Ботанического Музея в Кембридже, штат Массачусетс, была опубликована великолепная работа, касающаяся исторических, этнологических и ботанических аспектов ололиуки. Она называется «Вклад в наши знания о Rivea corymbosa, ацтекском снотворном снадобье ололиуки». Следующие факты из истории ололиуки взяты в основном из монографии Шултса. (Примечание переводчика: Как указывал Р. Гордон Уоссон, «ололиуки» более точное написание, чем более распространённое написание, которое использует Шултс. См. Botanical Museum Leaflets Harvard University 20: 161—212, 1963.)

Первые записи об этом снадобье написаны испанскими летописцами шестнадцатого века, которые также упоминают пейотль и теонанакатль. Так, монах ордена Св Франциска Бернандино де Саагун, в его уже цитировавшейся хронике Общая История Событий Новой Испании, пишет о чудесном действии ололиуки:

> «Есть трава, которая называется коатль шошоуки (зелёный змей), которая приносит семена, называемые

ололиуки. Эти семена притупляют чувства и лишают рассудка: его принимают как зелье».

Дальнейшие сведения об этих семенах мы получаем от Франсиско Эрнандеса, врача, которого с 1570 по 1575 Филипп II послал из Испании в Мексику, чтобы изучать местные лекарства. В главе «Об Ололиуки» его монументального труда Rerum Medicarum Novae Hispaniae Thesaurus seu Plantarum, Animalium Mineralium Mexicanorum Historia, опубликованного в Риме в 1651, он даёт подробное описание и первую иллюстрацию ололиуки. Вот перевод отрывка из латинского текста, сопровождавшего иллюстрацию: «Ололиуки, которое другие зовут коашиуитль, или трава змея, вьющееся растение с зелёными листочками в форме сердца… Цветы белые, довольно большие… Семена округлые… Когда индейские жрецы хотят посетить богов, чтобы получить от них знания, они едят это растение, чтобы опьянеть. Тысячи сказочных образов и демонов предстают перед ними…» Несмотря на это, относительно хорошее описание, ботаническая принадлежность ололиуки как семян растения Rivea corymbosa (L.) Hall. f. вызывала много споров в кругах специалистов. Недавно предпочтение было отдано синониму Turbina corymbosa (L.) Raf.

Когда в 1959 я решил попытаться выделить действующие вещества ололиуки, был доступен только единственный отчёт по химии семян Turbina corymbosa. Это была работа 1937 года фармаколога из Стокгольма С. Г. Сантессона. Однако Сантессону не удалось выделить действующее вещество в чистом виде.

Об активности семян ололиуки были опубликованы противоречивые сведения. Психиатр Х. Осмонд в 1955 провёл личный эксперимент с семенами Turbina corymbosa. После приёма 60-100 семян у него появилось чувство апатии и пустоты, сопровождавшееся увеличением зрительной чувствительности. После четырех часов последовал период расслабления и чувства благополучия, который продлился долгое время. Противоположный отчёт опубликован в Англии в 1958 В. Дж. Кинросс-Райтом, в котором восемь добровольцев, которые принимали до 125 семян, не ощутили вообще никакого действия.

При посредничестве Р. Гордона Уоссона, я получил два образца семян ололиуки. В приложенном письме из Мехико, от 6 августа 1959, он писал:… Посылка для вас содержит следующее…

Небольшой пакет семян, которые я определил как Rivea corymbosa, так же известные как ололиуки, известный наркотик ацтеков, который в Уаутла зовут «семена Св. Девы». Этот пакет, как вы найдёте, состоит из двух бутылочек, которые содержат

семена, полученные нами в Уаутла, и из большого свёртка семян, полученных нами от Франциско Ортего «Чико», сапотекского проводника, который сам собрал эти семена с растений в сапотекском городке Сан Бартоло Яутепек… Первые из упомянутых, округлые, светло-коричневые семена из деревни Уаутла в ботаническом отношении оказались действительно Rivea (Turbina) corymbosa, чёрные же, угловатые семена из Сан Бартало Яутепек были определены как Ipomoea violacea L.

Turbina corymbosa растёт только в тропическом и субтропическом климате, Ipomoea violacea встречается как декоративное растение по всему свету в умеренных зонах. Именно «утреннее сияние» в различных своих разновидностях радует взгляд в наших садах голубыми или сине-красными полосатыми цветами.

Сапотеки, помимо подлинного ололиуки (то есть семян Turbina corymbosa, которые они называют бадо), также используют бадо негро, семена Ipomoea violacea. Это наблюдение сделал Т. МакДугалл, который отправил нам вторую, ещё большую посылку, этих семян.

Мой одарённый лабораторный ассистент Ханс Чертер, с которым я уже осуществил изоляцию действующих веществ грибов, принял участие в химическом исследовании снадобья ололиуки. Мы выдвинули рабочую гипотезу, что активные вещества семян ололиуки могли представлять тот же самый класс химических веществ – индольные соединения – к которому относятся ЛСД, псилоцибин и псилоцин. Учитывая очень большое число других групп веществ, которые, как и индолы, могли быть действующими веществами ололиуки, было бы действительно невероятно, если бы это предположение подтвердилось. Это можно было легко проверить. Наличие индольных соединений, разумеется, можно просто и быстро установить колориметрическими реакциями. В этом случае с помощью определённого реактива даже следы индольных соединений дают интенсивную синюю окраску раствора.

Нам повезло с нашей гипотезой. Экстракты семян ололиуки дали характерную для индольных соединений синюю окраску с нужным реактивом. С помощью этого колориметрического теста нам удалось в короткие сроки выделить индольные вещества из семян и получить их в химически чистой форме. Их определение привело к удивительному результату. То, что мы обнаружили вначале, казалось просто невероятным. Только после повторного опыта и самой тщательной проверки исчезло наше подозрение относительно этого открытия: действующие вещества древнего мексиканского снадобья ололиуки оказались идентичны

веществам, ранее полученным в моей лаборатории. Они оказались идентичны алкалоидам, полученным в ходе многолетних исследований спорыньи, частично изолированным в чистом виде из спорыньи, частично полученным путём химического преобразования веществ спорыньи.

Основными действующими веществами ололиуки оказались амид лизергиновой кислоты, гидроксиэтиламид лизергиновой кислоты, и химически родственные им алкалоиды. Также присутствовал алкалоид эргобазин, синтез которого послужил отправной точкой моих исследований алкалоидов спорыньи. Амид лизергиновой кислоты и гидроксиэтиламид лизергиновой кислоты, действующие вещества ололиуки, находятся в близком родстве с диэтиламидом лизергиновой кислоты, что ясно из их названий даже для не химика.

Амид лизергиновой кислоты был описан впервые английскими химиками С. Смитом и Г. М. Тиммисом, как продукты распада алкалоидов спорыньи, и я также получил это вещество синтетически, в ходе исследований, в которых родился ЛСД. Определённо, никто тогда не мог предположить, что это синтезированное в пробирке вещество будет двадцать лет спустя найдено в естественной форме, как действующее начало древнего мексиканского снадобья.

После открытия психических эффектов ЛСД, я испытал амид лизергиновой кислоты в эксперименте над собой и установил, что он также вызывает похожее на сон состояние, но только в десяти-, двадцатикратных дозах по сравнению с ЛСД. Его действие отличалось чувством внутренней пустоты и нереальности, бессмысленности внешнего мира, возросшей чувствительностью слуха, и довольно приятным чувством физической усталости, которая, в конце концов, приводила ко сну. Эта картина действия LA-111, как амид лизергиновой кислоты назывался в программе исследований, была подтверждена систематическими исследованиями психиатра доктора Х. Солмса.

Когда я представил открытия, сделанные в ходе наших исследований ололиуки, на Конгрессе по Натуральным Продуктам Международного Союза Теоретической и Прикладной Химии (IUPAC) в Сиднее, Австралия, осенью 1960, мои коллеги приняли мои слова со скептицизмом. В дискуссии, последовавшей за моей лекцией, некоторые высказали подозрение, что в экстракты ололиуки могли попасть следы производных лизергиновой кислоты, с которыми проводилось так много работ в моей лаборатории.

В кругах специалистов существовала и другая причина сомнений относительно наших открытий. Присутствие в высших

растениях (т е. в семействе «утреннего сияния») алкалоидов спорыньи, до сих пор найденных только в низших грибах, противоречило знанию о том, что определённые вещества типичны и исключительны для соответствующих растительных семейств. Действительно, считается очень редким исключением, когда характерные группы веществ, в данном случае алкалоиды спорыньи, встречаются в двух классах растительного мира, давно разделённых в ходе эволюционной истории.

Тем не менее, наши результаты подтвердились, когда различные лаборатории в США, Германии и Голландии в последствии перепроверили наши исследования семян ололиуки. Но скептицизм зашёл так далеко, что некоторые предполагали возможность того, что семена были заражены производящими алкалоиды грибами. Однако, и это подозрение было исключено экспериментально.

Несмотря на то, что результаты исследования активных веществ семян ололиуки, были опубликованы только в профессиональных журналах, это имело неожиданные последствия. Мы узнали от двух голландских компаний, торгующих семенами, что их продажи семян Ipomoea violacea, декоративного голубого цветка «утреннее сияние», достигли в последнее время необычайных масштабов. Они слышали, что высокий спрос был связан с исследованиями этих семян в нашей лаборатории, и хотели узнать подробности. Оказалось, что новый спрос возник в кругах хиппи и других слоях общества, заинтересованных в галлюциногенах. Они считали, что нашли в семенах ололиуки заменитель ЛСД, который становился все менее и менее доступным.

Бум на семена утреннего сияния продолжался лишь относительно недолгое время, очевидно из-за нежелательных ощущений, которые возникали у желающих экспериментировать с этим «новым» древним наркотиком. Семена ололиуки, которые принимают перемолотыми с водой или другим лёгким напитком, обладают неприятным вкусом и тяжело перевариваются желудком. Более того, психические эффекты ололиуки, по сути, отличаются от ЛСД тем, что эйфорические и галлюциногенные составляющие проявляются в меньшей степени, тогда как преобладают ощущение внутренней пустоты, а зачастую тревога и депрессия. Кроме того, усталость и апатия навряд ли могут быть желаемыми чертами для наркотика. Возможно, это стало причиной того, что интерес к семенам утреннего сияния в наркотической субкультуре снизился.

Только несколько исследований касались вопроса о том, могут ли действующие вещества ололиуки найти какое-либо

полезное применение в медицине. По-моему, стоило бы прежде всего выяснить, может ли применяться в медицине сильный снотворный, седативный эффект некоторых компонентов ололиуки, или их химических производных.

Мои исследования в области галлюциногенных веществ достигли в исследованиях ололиуки своего рода логического завершения. Теперь они сделали круг, можно даже сказать магический круг: начальной точкой был синтез амидов лизергиновой кислоты, и среди них, синтез встречающегося в природе алкалоида спорыньи эргобазина. Это привело к синтезу диэтиламида лизергиновой кислоты, ЛСД. Галлюциногенные свойства ЛСД стали причиной того, что галлюциногенный волшебный гриб теонанакатль нашёл дорогу в мою лабораторию. За работой с теонанакатлем, из которого были выделены псилоцибин и псилоцин, последовали исследования другого мексиканского волшебного снадобья, ололиуки, в котором снова были обнаружены галлюциногенные вещества в форме амидов лизергиновой кислоты, включая и эргобазин, которым и закрывается магический круг.

В поисках волшебного растения «Ска Мария Пастора» на землях масатеков Р. Гордон Уоссон, с которым я установил дружеские отношения во время исследований мексиканских волшебных грибов, пригласил меня и мою жену принять участие в экспедиции в Мексику осенью 1962 года. Целью этого путешествия были поиски ещё одного мексиканского волшебного растения. Уоссон узнал во время своих путешествий в горах южной Мексики, что выжатый сок листьев некого растения, которое называлось hojas de la Pastora или hojas de Maria Pastora, на языке масатек ска Пастора или ска Мария Пастора (листья пастушки или листья пастушки Марии), использовался среди масатеков в медицинских и религиозных целях, точно так же, как и гриб теонанакатль и семена ололиуки.

Проблема заключалась в том, чтобы установить из какого же растения получают «листья пастушки Марии», и определить его ботаническую принадлежность. Мы также надеялись, если повезёт, набрать достаточно растительного сырья, чтобы провести химическое исследование галлюциногенных веществ, содержащихся в нем.

Поездка по горам Сьерра Масатека 26 сентября 1962, моя жена и я прилетели в Мехико, где нас встречал Гордон Уоссон. Он сделал все необходимые приготовления к экспедиции, и через два дня мы уже отправились в путешествие на юг. К нам присоединилась миссис Ирмгард Вайтланер Джонсон (вдова Джина Б. Джонсона, первопроходца этнографических

исследований мексиканских волшебных грибов, убитого при высадке союзников в Северной Африке). Её отец, Роберт Й. Вайтланер, эмигрировал в Мексику из Австрии и, в неком смысле, поспособствовал открытию заново культа грибов. Миссис Джонсон работала в Национальном Музее Антропологии в Мехико экспертом по индейским тканям.

После двухдневной поездки в просторном Лэндровере, который перевёз нас через плато перед покрытой снегом вершиной Попокатепетль, мимо Пуеблы, в долину Орисаба, с её великолепной тропической растительностью, мы пересекли на пароме Пополоапан (реку-бабочку), и, минуя бывшую ацтекскую крепость Туштепек, прибыли к начальной точке нашей экспедиции – лежащей на склоне горы масатекской деревне Халапа де Диас.

И вот мы оказались в той местности и среди тех людей, с которыми нам предстояло познакомиться в течение следующих 2.5 недель.

Когда мы приехали, на рынке, центре деревни лежащей посреди джунглей, стоял шум. Старые и молодые мужчины стоявшие и сидевшие на корточках вокруг полуоткрытых прилавков, подозрительно, и, в тоже время, с любопытством, столпились вокруг нашего Лендровера, почти все они были босые, но все носили сомбреро. Женщин и девочек нигде не было видно. Один из мужчин дал нам понять, что мы должны следовать за ним. Он привёл нас к местному начальнику, толстому метису, чей офис располагался в одноэтажном доме с крышей из рифлёного железа. Гордон показал ему доверительные письма гражданских властей и военного губернатора Оахаки, в которых разъяснялось, что мы прибыли сюда для проведения научных исследований. Председатель, который, возможно, вовсе не умел читать, был заметно впечатлен большими документами с официальными печатями. Он выделил нам помещение под просторным навесом, где мы могли расположить свои надувные матрасы и спальные мешки.

Я оглядел окрестности. Руины большой церкви колониальных времён, которая когда-то, наверное, была красивой, почти призрачно возвышались на крутом склоне в стороне от деревенской пощади. Теперь я увидел и женщин, выглядывавших из своих хижин, решившихся взглянуть на чужаков. В своих длинных, белых одеждах, украшенных красной каймой, со своими длинными косами иссиня-чёрных волос, они выглядели весьма колоритно.

Нас накормила старая масатекская женщина, которая руководила молодым поваром и двумя помощниками. Она жила в

типичной масатекской хижине. Это простые прямоугольные строения с соломенной двускатной крышей и стенами из деревянных столбов, соединённых вместе, без окон, так как щелей между деревянными шестами достаточно, чтобы смотреть наружу. Посередине хижины, на глиняном полу, возвышался открытый очаг, сделанный из высушенной глины или из камней. Дым выходил через два больших отверстия в стенах под двумя концами крыши. Постелью служили циновки из рогожи, лежавшие в углу вдоль стены. В хижинах жили и домашние животные, чёрные свиньи, индейки и куры. На обед была жареная курица, чёрные бобы, и, вместо хлеба, тортильи, что-то вроде оладий из кукурузной муки, которые пекутся на каменной плите очага. Подали пиво и текилу – водку из агавы.

На следующее утро наша группа была готова к поездке по горам Сьерра Масатека. В деревне наняли лошадей и проводников. Гуаделупе, масатек, знавший дорогу, взялся вести первое животное. Гордон, Ирмгард, моя жена и я, на своих мулах, заняли место в середине. Теодосьо и Педро, по прозвищу Чико, двое молодых парней, которые босиком шагали рядом с двумя нагруженными багажом мулами, замыкали колонну.

Прошло некоторое время, прежде чем мы привыкли к жёстким деревянным сёдлам. И, тем не менее, этот средство передвижения оказалось самым идеальным из тех, что я знал. Мулы строем следовали за ведущим ровным шагом. Они не требуют никакого управления наездником. С удивительной ловкостью они находили наилучшую дорогу по почти непроходимой, местами скалистой, местами болотистой местности, проходили через чащи и ручьи, или по отвесным склонам. Освобождённые от дорожных забот, мы могли посвятить все своё внимание красотам ландшафта и тропической растительности. Попадались тропические леса с гигантскими деревьями, заросшими лианами, за ними банановые рощи или кофейные плантации, где посреди негустых насаждений по краям дороги цвели цветы, над которыми порхали удивительные бабочки… Мы продвигались вверх вдоль широкого русла реки Рио Санто-Доминго, среди тягостной жары и влажных испарений, то усиливавшихся, то ослабевавших. Во время короткого, жестокого тропического ливня весьма пригодились длинные и широкие клеёнчатые пончо, которыми нас снабдил Гордон. Наши проводники-индейцы укрылись от дождя гигантскими листьями в форме сердца, которые они ловко нарвали по краям дороги. Теодосьо и Чико производили впечатление высоких зелёных стогов сена, когда они, прикрывшись этими листьями, бежали вслед за мулами.

Незадолго до наступления ночи мы прибыли на место первой стоянки, ранчо Ла Провиденсиа. Хозяин, Дон Хоакин Гарсиа, глава большой семьи, радушно и с достоинством поприветствовал нас. Трудно было определить, сколько детей, а также взрослых и домашних животных, присутствовало в большой комнате, слабо освещённой лишь светом очага.

Гордон и я расположили свои спальные мешки на улице под навесом. Утром я проснулся от свиньи, хрюкавшей у меня над лицом.

После ещё одного дня путешествия на спинах выносливых мулов, мы прибыли в Аяутла, масатекское селение на склоне горы. По дороге, среди кустов, я обнаружил голубые чашечки волшебного утреннего сияния Ipomoea violacea, растения, чьи семена называют ололиуки. Оно росло там в диком виде, тогда как у нас оно встречается только в садах, как декоративное растение.

Мы остались в Аяутла на несколько дней. Мы жили в доме Доньи Донаты Соса де Гарсиа. Донья Доната заботилась о большой семье, включая своего больного супруга. Кроме этого, она руководила выращиванием кофе в этой местности. Склад свежесобранных кофейных бобов находился в соседнем строении. Было приятно наблюдать, как молодая индейская женщина и девочки ближе к вечеру возвращались с собранным урожаем домой, в своих ярких одеждах, украшенных цветными лентами, неся на спине мешки с кофе при помощи головной повязки. Донья Доната также управляла бакалейной лавкой, где её муж, Дон Эдуардо, стоял за прилавком.

Вечером, при свечах, Донья Доната, которая помимо масатекского говорила по-испански, рассказывала нам о жизни в деревне; то или иное несчастье случилось когда-либо почти с каждым из обитателей мирных на вид хижин, расположенных в этой райской местности. В соседней хижине, которая теперь пустовала, жил мужчина, убивший свою жену, который сейчас пожизненно сидел в тюрьме. Муж дочери Доньи Донаты был убит из ревности после романа с другой женщиной. Председатель Аяутлы, молодой метис, к которому в полдень мы нанесли формальный визит, никогда не делал шагу из своей хижины в свой «офис» (в доме с крышей из рифлёного железа) без сопровождения двух вооружённых мужчин. Поскольку он вымогал нелегальные налоги, он боялся, что его застрелят. В этой отдалённой местности нет высших властей, чтобы осуществлять правосудие, и поэтому люди прибегают к таким методам самозащиты.

Благодаря хорошим связям Доньи Донаты, мы получили от

одной старухи первый образец растения, которое мы искали, несколько «листьев пастушки». Поскольку отсутствовали цветы и корень, нельзя было определить ботаническую принадлежность этого растения. Наши усилия получить более точную информацию о местах, где оно растёт, и как используется, оказались безрезультатны.

Продолжение нашего путешествия дальше, из Аяутлы, откладывалось: нам пришлось подождать, пока наши ребята приведут обратно мулов, которых они отвели пастись на другую сторону реки Рио Санто-Доминго, разлившуюся после сильных ливней.

После двухдневной поездки, во время которой мы провели ночь в высокогорной деревушке Сан Мигель Уаутла, мы прибыли в Рио Сантьяго. Там к нам присоединилась Донья Эрлинда Мартинес Сид, учительница из Уаутла де Хименес. Она поехала с нами в качестве нашего переводчика с масатекского и испанского по приглашению Гордона Уоссона, которого она знала со времён его экспедиций в поисках грибов. Кроме того, она могла помочь нам наладить контакты с курандеро и курандерами, которые использовали листья пастушки в своей практике, благодаря её многочисленным родственникам, проживавшим повсюду в этой местности. Из-за задержки нашего приезда в Рио Сантьяго Донья Эрлинда, знакомая с опасностями этих мест, очень волновалась за нас, она боялась, что мы могли свалиться с горной дороги, или на нас могли напасть грабители.

Нашей следующей остановкой было Сан Хосе Тенанго, селение, лежавшее на дне долины, посреди тропической растительности, апельсиновых и лимонных деревьев и банановых плантаций. Здесь снова была типичная картина деревни: в центре – рыночная площадь с полуразрушенной церковью колониальных времён, два-три ларька, магазин, и навесы для лошадей и мулов. Мы нашли пристанище в сарае с железной крышей, с особой роскошью в виде бетонного пола, на котором мы расстелили свои спальные мешки.

В густых джунглях на склоне горы мы обнаружили источник, чья великолепная свежая вода в естественном водоёме из скал, так и манила нас искупаться. После нескольких дней без возможности как следует помыться, это стало незабываемым удовольствием. В этом гроте я впервые увидел колибри, которая порхала над большими цветками лиан – переливающуюся, словно драгоценный камень, синим и зелёным с металлическим оттенком.

Первым, случившимся благодаря родственным связям Доньи Эрлинды, желанным знакомством с человеком, разбирающимся в

целительстве, стал курандеро Дон Сабино. Но он отказался, по каким-то причинам, проконсультировать нас по поводу листьев. Мы получили целую связку цветущих образцов растения, которое искали, от старой курандеры, почтённой женщины в великолепном масатекском одеянии, с красивым именем Нативидад Роса; но и её не удалось уговорить совершить для нас церемонию с листьями. Она извинилась, что была слишком стара для трудностей волшебного путешествия; она говорила, что не сможет преодолеть путь к нужным местам: к источнику, где знающие женщины черпают свою силу, к озеру, где поёт воробей, и где предметы получают свои имена. Также Нативидад Роса не захотела сказать нам, где она собрала эти листья. Они росли в далёкой, далёкой лесной долине. Каждый раз, когда она выкапывала растение, она клала в землю кофейное зёрнышко, чтобы поблагодарить богов.

Теперь у нас было достаточно растений с цветами и корнями, чтобы определить их ботаническую принадлежность. Они, очевидно, принадлежали к роду Salvia, родственному известному шалфею. У растений были синие цветки, с белым венчиком, собранные метёлкой 20-30 см длинной, с синеватым стеблем.

Через несколько дней Нативидад Роса принесла нам целую корзину листьев, за которые получила пятьдесят песо. Об этом бизнесе, видимо, узнали, потому что две другие женщины принесли нам ещё листьев. Поскольку было известно, что во время церемонии пьют выжатый сок из листьев, и, следовательно, он должен содержать действующие вещества, свежие листья растёрли на каменной плите, выжали через ткань сок, и разлили его, разведя спиртом в качестве консерванта, по флаконам для дальнейшего исследования в лаборатории в Базеле. В этой работе мне помогала индейская девочка, которая была знакома с каменной плитой, на которой индейцы с древних времён вручную перемалывали зерно.

За день до того, как мы хотели продолжить путешествие, оставив последнюю надежду посетить церемонию, мы неожиданно познакомились с курандерой, которая была готова «услужить нам». Наперсница Эрлинды, которая устроила это знакомство, отвела нас после захода солнца по тайной тропинке к хижине курандеры, стоявшей в одиночестве на слоне горы, над посёлком. Никто из деревни не должен был видеть нас или узнать, что мы идём туда. Разрешить чужакам, белым, участвовать в этом – явно считалось изменой священным обычаям, достойной наказания. Это, в действительности, и было той причиной, по которой другие целители, которых мы просили, отказали нам в присутствии на церемонии. Во время подъёма нас

сопровождали странные крики птиц из темноты, и лай собак слышался отовсюду. Собаки учуяли чужих. Курандера Консуэла Гарсиа, женщина лет сорока, босая, как и все индейские женщины в этих местах, застенчиво впустила нас в свою хижину и сразу же закрыла дверь на тяжёлый засов. Она попросила нас лечь на циновках, на грязном затоптанном полу. Консуэла говорила только по-масатекски, и Эрлинда переводила нам её указания на испанский. Курандера зажгла свечу на столе, где стояли иконки со святыми, и валялся какой-то хлам. Потом она молча деловито засуетилась. Мы слышали странные звуки и копошение в комнате – не скрывался ли в хижине кто-то, чьи очертания нельзя было увидеть при свечах? Явно обеспокоенная, Консуэла искала что-то в комнате с зажжённой свечей. Скорее всего, проказниками были крысы. Теперь курандера зажгла в чаше копал, ароматическую смолу, чей аромат вскоре заполнил всю хижину. Затем по всем правилам было приготовлено волшебное зелье. Консуэла спросила, кто из нас хотел бы выпить его вместе с ней. Гордон сказал, что он. Поскольку у меня тогда было сильное расстройство желудка, я не смог присоединиться. За меня была моя жена. Курандера отложила шесть пар листьев для себя. Она определила такое же количество для Гордона. Анита получила три пары. Как и грибы, листья всегда отсчитываются парами, такое правило, разумеется, имеет магический смысл. Консуэла растёрла листья пестиком, потом выжала через тонкое сито в чашку, и сполоснула пестик и содержимое сита водой. В конце концов, наполненные чашки были окурены согласно традиции над сосудом с копалом. Перед тем как передать чашки Аните и Гордону, Консуэла спросила их, верят ли они в истинность и святость церемонии. После того, как они ответили утвердительно и торжественно выпили очень горькое зелье, свечи погасили, и, лёжа на циновках, мы стали ждать эффекта.

Минут через двадцать, Анита прошептала мне, что видит поразительные, с яркими границами образы. Гордон тоже ощущал действие зелья. Голос курандеры звучал из темноты наполовину говорящий, наполовину поющий. Эрлинда перевела: «Верите ли вы в кровь Христа и святость обрядов?» После нашего «creemos» (верим), церемония продолжилась. Курандера зажгла свечи, переставив их с «алтаря» на пол, а потом, напевая и приговаривая молитвы или магические заклинания, поставила свечи обратно под образа святых – снова стало темно и тихо. После этого началась сама консультация. Консуэла попросила нас задавать вопросы. Гордон спросил о здоровье его дочери, которая непосредственно перед его отъездом из Нью-Йорка вынуждена была раньше срока лечь в больницу, ожидая рождения ребёнка.

Он получил успокаивающий ответ, что мать и дитя здоровы. Потом снова были пение, молитвы и манипуляции со свечой над «алтарём», на полу и над курительной чашей.

Когда церемония заканчивалась, курандера попросила нас немного полежать на циновках и помолиться. Вдруг началась гроза. Через щели в стенных шестах, молния озаряла темноту хижины, сопровождаясь яростными раскатами грома; тропический ливень неистовствовал, стуча по крыше. Консуэла опасалась, что нам не удастся уйти из её дома незамеченными в темноте. Но гроза ослабла до рассвета, и мы пошли по склону горы к нашему сараю с железной крышей, настолько тихо, насколько могли при свете зарниц, незамеченные жителями, однако собаки опять лаяли со всех сторон.

Участие в этой церемонии было высшей точкой нашей экспедиции. Это дало подтверждение тому, что листья пастушки используются индейцами в тех же целях и в тех же церемониальных действиях, что и священный гриб теонанакатль. Теперь у нас были настоящие растения, достаточные не только для ботанического определения, но и для запланированного химического анализа. Состояние опьянения, которое Гордон Уоссон и моя жена испытали при помощи листьев, было неглубоким и длилось недолго, однако оно проявило явный галлюциногенный характер.

После этой богатой событиями ночи, утром мы отбыли из Сан Хосе Тенанго. Проводник, Гуаделупе, и двое парней, Теодосьо и Педро, появились перед нашим сараем с мулами в назначенное время. Быстро собравшись и уложившись, наша маленькая группа снова двигалась в гору, по заросшей местности, блестевшей на солнце после ночной бури. Возвращаясь вдоль Сантьяго, к вечеру мы добрались к месту нашей последней стоянки на земле масатеков, их столице Уаутла де Хименес.

Отсюда мы возвращались в Мехико на автомобиле. Последний раз, поужинав в Посада Росаура, в то время единственной гостинице в Уаутла, мы попрощались с нашими индейскими проводниками и мулами, которые доставили нам немало удовольствий, уверенно пронеся нас на своих ногах через горы Сьерра Масатек. Индейцам заплатили, а Теодосьо, которые брал оплату для своего начальника в Халапа де Диас (куда нужно было вернуть животных) дал расписку с отпечатком его большого пальца, окрашенного шариковой ручкой. Мы остановились в доме Доньи Эрлинды.

На следующий день мы сделали официальный визит к курандере Марии Сабине, женщине, известной по публикациям Гордона. Я побывал в той хижине, где Гордон Уоссон стал первым

белым человеком, которому довелось попробовать священные грибы во время ночной церемонии летом 1955. Гордон и Мария Сабина сердечно поприветствовали друг друга, как старые друзья. Курандера жила в отдалении, на склоне горы над Уаутла. Дом, в котором произошёл исторический сеанс с Гордоном Уоссоном, сожгли, предположительно разгневанные местные жители или завистливый шаман, из-за того, что она разгласила секреты теонанакатля чужакам. В новой хижине, где мы теперь были, царил невероятный беспорядок, наверное, такой же, как и в старой, посреди которого вертелись полуголые дети, куры и свиньи. У старой курандеры было умное, необычайно выразительное, лицо. Она была явно удивлена, когда мы рассказали, что нам удалось заключить дух грибов в капсулы таблеток, и она сразу заявила о своей готовности «услужить нам», то есть, дать нам консультацию. Мы договорились, что это должно произойти этой ночью в доме Доньи Эрлинды.

Днём я прогулялся по Уаутла де Хименес, которая вытянулась вдоль главной улице на горном склоне. Потом я сопровождал Гордона во время его посещения Национального Института Аборигенов. Эта правительственная организация занималась исследованиями и помогала решать проблемы аборигенного населения, то есть индейцев. Её глава рассказал нам о сложностях, которые вызвала «кофейная политика» в те времена в этой местности. Председатель Уаутлы, в сотрудничестве с Национальным Институтом Аборигенов, пытались исключить посредников, чтобы формировать цены на кофе так, как удобно производящим его индейцам. Его искалеченное тело обнаружили прошлым июнем.

Наша прогулка привела нас к собору, из которого доносились григорианские песнопения. Пожилой Отец Арагон, которого Гордон хорошо знал по своим прошлым визитам, пригласил нас в ризницу на стаканчик текилы.

Грибная церемония

Когда мы вечером вернулись в дом Эрлинды, Мария Сабина уже была там с большой компанией, состоявшей из её двух очаровательных дочерей, Аполонии и Ауроры (двух будущих курандер), и её племянницы, каждая из женщин привела с собой детей. Как только её ребёнок начинал плакать, Аполония предлагала ему свою грудь. Присутствовал также старый курандеро Дон Аурелио, громадный одноглазый мужчина, в

украшенном черно-белым орнаментом серапе (одежда вроде плаща). На веранде подали какао и пирожные. Это напомнило мне отрывок из старой хроники, где описывалось, как пили чоколатль перед употреблением теонанакатля.

После наступления темноты мы все отправились в комнату, где должна была произойти церемония. Её закрыли: загородили дверь единственной кроватью. Только запасной выход в сад позади дома остался открытым на случай крайней необходимости. Когда церемония началась, было около полуночи. До этого вся компания лежала в темноте на полу на циновках, кто спал, кто дожидался ночной церемонии. Время от времени Мария Сабина подбрасывала кусочки копала на угольки очага, и душный воздух переполненной комнаты становился чуть более терпимым. Я объяснил курандере через Эрлинду, которая опять была переводчиком, что одна таблетка содержала дух двух пар грибов. (Таблетки содержали по 5.0 мг синтетического псилоцибина).

Когда все были готовы, Мария Сабина распределила таблетки попарно среди всех присутствующих взрослых. После окуривания, согласно правилам, она приняла две пары (соответственно 20 мг псилоцибина). Она дала такую же дозу Дону Аурелио и своей дочери Аполонии, которая также была этой ночью курандерой. Аурора получила одну пару, как и Гордон, тогда как моя жена и Ирмгард получили только по одной.

Одна из девочек, лет десяти, под руководством Марии Сабины, приготовила для меня сок из пяти пар листьев пастушки. Я хотел попробовать это снадобье, который мне не удалось принять в Сан Хосе Тенанго. Говорили, что зелье становиться особенно сильным, когда его готовит невинный ребёнок. Перед тем как передать мне чашку с выжатым соком, Мария Сабина и Дон Аурелио так же окурили её и произнесли заклинания.

Все приготовления и последующая церемония происходили в основном так же, как и консультация курандеры Консуэлы в Сан Хосе Тенанго.

После того, как таблетки распределили и погасили свечу на «алтаре», мы стали ждать в темноте, когда они подействуют.

Не прошло и получаса, как курандера что-то пробормотала; её дочь, и Дон Аурелио тоже забеспокоились. Эрлинда перевела и объяснила, что же было не так. Мария Сабина сказала, что в таблетках не было духа грибов. Я обсудил положение с Гордоном, который лежал рядом со мной. Нам было ясно, что поглощение действующих веществ из таблеток, которые сначала должны раствориться в желудке, происходит медленнее, в случае грибов, во время пережёвывания которых, часть активных веществ поглощается через слизистую оболочку. Но как мы могли дать

научное объяснение в подобных условиях? Вместо того чтобы объяснять, мы решили действовать. Мы раздали ещё немного таблеток. Обе курандеры и курандеро получили ещё по одной паре. Теперь, каждый из них принял в совокупности по 30 мг псилоцибина.

После ещё четверти часа дух таблеток начал таки проявлять своё действие, которое продлилось до наступления рассвета. Дочери, и Дон Аурелио, с его глубоким басом, в пылу отвечали на молитвы и пение курандеры. Блаженные, томные стоны Аполонии и Ауроры, в перерывах между пением и молитвами, создавали впечатление, что религиозные переживания девушек сочетались с чувственно-сексуальными ощущениями.

В середине церемонии Мария Сабина спросила о нашей просьбе. Гордон снова спросил о здоровье его дочери и её ребёнка. Он получил такие же хорошие сведения, как и от курандеры Консуэлы. Мать и ребёнок действительно были здоровы, когда он вернулся домой в Нью-Йорк. Однако, разумеется, это не доказывает пророческих способностей обеих курандер.

Как следствие действия листьев, я ощутил себя на некоторое время в состоянии повышенной умственной чувствительности и расширенного восприятия, которое, правда, не сопровождалось галлюцинациями. Анита, Ирмгард и Гордон переживали эйфорическое опьянение, которое находилось под влиянием странной мистической атмосферы. Мою жену поразило видение странных отдалённых узоров из линий.

Она была удивлена и сбита с толку, когда позже, обнаружила в точности те же образы в богатом оформлении алтаря в старой церкви недалеко от Пуэблы. Это произошло по дороге назад в Мехико, когда мы посещали церкви колониальных времён. Эти замечательные церкви представляют собой большой культурный и исторический интерес, поскольку индейские художники и рабочие, которые участвовали в их строительстве, тайно привнесли в них элементы индейского стиля. Клаус Томас, в своей книге Die kunstlich gesteuerte Seele (Искусственно управляемая душа) (Ferdinand Enke Verlag, Stuttgart, 1970), пишет о возможном влиянии видений под воздействием псилоцибина на мезо-американское индейское искусство: «Конечно, культурно-историческое сравнение старых и новых творений индейского искусства… убеждает беспристрастного наблюдателя в их созвучности в образах, формах и цветах с псилоцибиновым опьянением». Мексиканский характер видений моего первого опыта с сушёными грибами Psilocybe mexicana и зарисовки Ли Гелпке, после принятия псилоцибина, также могут указывать на

такую связь.

Когда мы прощались с Марией Сабиной и её роднёй на рассвете, курандера сказала, что таблетки обладают той же силой, что и грибы, что между ними не было разницы. Это было подтверждением от самого компетентного авторитета, что синтетический псилоцибин идентичен с естественным продуктом. В качестве подарка на прощание я оставил Марии Сабине пузырёк с таблетками псилоцибина. Она лучезарно заметила нашей переводчице Эрлинде, что теперь она могла давать консультации даже в сезон, когда грибы не растут.

Как же мы должны судить о поступке Марии Сабины; о том, что она позволила чужакам, белым людям, присутствовать на грибной церемонии и дала им попробовать священные грибы?

В её честь можно сказать, что этим она открыла дверь для исследования мексиканского культа грибов в его нынешней форме, а также для научных, ботанических и химических исследований священных грибов. Результатом этого стали два ценных действующих вещества: псилоцибин и псилоцин. Без её помощи, древнее знание и опыт, хранящиеся в этих тайных практиках, возможно, и даже наверняка, исчезли бы без следа, без какого-либо вклада в развитие Западной цивилизации.

С другой точки зрения, поступок этой курандеры можно рассматривать как профанацию священных обрядов и даже как предательство. Некоторые её соплеменники придерживались этого мнения, что нашло выражение в акте мести, поджоге её дома.

Профанация культа грибов не остановилась на научных исследованиях. Публикации о волшебных грибах открыли дорогу вторжению хиппи и искателей наркотиков на земли масатеков, многие из которых вели себя не лучшим образом, некоторые просто были преступниками. Другим нежелательным последствием стал настоящий туризм в Уаутла де Хименес, уничтоживший самобытность этого места.

Такие утверждения и соображения представляют, по большей части, интерес для этнографических исследований. Когда учёные и исследователи находят и объясняют остатки древних исчезающих обычаев, их первозданность теряется. Эта потеря несколько уравновешивается, если результаты этих исследований дают определённую культурную отдачу.

Из Уаутла де Хименес мы отправились на грузовике, нёсшимся сломя голову по наполовину заасфальтированной дороге, сначала в Теотитлан, а оттуда, в удобном автомобиле в Мехико, исходную точку нашей экспедиции. Хотя я и потерял несколько килограммов веса, это с излишком компенсировалось

удивительными воспоминаниями.

Гербарий образцов листьев пастушки, который мы привезли с собой, был передан для ботанического определения Карлу Эплингу и Карлосу Д. Хатива в Ботанический Институт Гарвардского Университета в Кембридже. Они установили, что это растение является до сих пор неописанных видом рода Salvia, который они назвали Salvia divinorum. Химические исследования сока этого волшебного шалфея в лаборатории в Базеле были безуспешны. Психоактивное вещество этого снадобья оказалось весьма неустойчивым, поскольку сок, приготовленный в Мексике и консервированный спиртом, в моих личных экспериментах больше не действовал. Что же касается химической природы активных веществ, то эта проблема волшебного растения ска Мария Пастора все ещё ждёт решения. (Альфредо Ортега впервые выделил «сальвинорин А» в 1982 году. Это вещество уникально тем, что на сегодня оно является самым сильным психоактивным веществом, встречающимся в естественном виде. Его пороговая доза составляет около 250 микрограмм; полностью, он проявляет свои эффекты при дозе около 1 миллиграмма.)

До сих пор в этой книге я, в основном, описывал свою научную работу и факты, относящиеся к моей профессиональной деятельности. Но моя работа, по самой своей природе, отразилась на моей жизни и личности, не в последнюю очередь и потому, что познакомила меня с интересными и важными современниками. Я уже упоминал некоторых из них – Тимоти Лири, Рудольф Гелпке, Гордон Уоссон. Теперь, на следующих страницах, я хотел бы выйти за рамки науки, чтобы описать встречи, которые стали значительными для меня лично и, которые помогли мне решить проблемы, возникшие в связи с открытыми мной веществами.

Глава 7. Сияние Эрнста Юнгера

Сияние – это самое точное слово, чтобы выразить то влияние, которое оказали на меня литературные работы Эрнста Юнгера и его личность. И в свете этого сияния, которое, стереоскопически, охватывает вещи снаружи и изнутри, мир, который я знал, открылся мне в новом прозрачном величии. Это случилось задолго до открытия ЛСД и до того, как я лично познакомился с этим автором в связи с галлюциногенами.

Моё увлечение Эрнстом Юнгером началось с его книги Das Abenteuerliche Herz (Смелое сердце). Вновь и вновь, на протяжении сорока лет, я беру в руки эту книгу. Здесь, больше чем когда-либо, в темах, которые мне ближе и значат для меня больше, чем война и новый тип человека (темы ранних книг Юнгера), красота и магия прозы Юнгера открылись для меня в описаниях цветов, снов, одиноких прогулок; мыслях о случайностях, будущем, цвете и других темах, имеющих непосредственное отношение к нашей личной жизни. Всюду в его прозе, в точных описаниях внешней и внутренней стороны вещей, становятся очевидным чудеса мироздания; всюду затрагивается то уникальное и вечное, что есть в каждом человеке. Ни один из писателей так не раскрыл мне глаза, как он.

Наркотики тоже упоминались в «Смелом сердце». Но прошло много лет, прежде чем я сам заинтересовался этой проблемой, после открытия психических эффектов ЛСД.

Моё первое письмо Эрнсту Юнгеру не имело ничего общего с наркотиками; я просто однажды поздравил его с днём рождения, как благодарный читатель.

Боттмигнен, 29 марта 1947

Уважаемый г-н Юнгер,

Как ваш многолетний почитатель, я хотел послать вам баночку мёда на ваш день рождения. Но мне не это удалось, потому что в Берне мне отказали в разрешении на вывоз.

Я задумывал этот подарок скорее как привет из страны, где до сих пор в изобилии есть молоко и мёд, чем как напоминание об очаровательном высказывании из вашей книги Auf den Marmorklippen (На Мраморном Утёсе), где вы говорите о «золотых пчёлах». Упомянутая здесь книга вышла в 1939, незадолго до начала Второй Мировой Войны. «На мраморном утёсе» – не только шедевр немецкой прозы, но и весьма важная работа, поскольку в

этой книге пророчески, с поэтической проницательностью, описаны образы тиранов, ужасов войны и ночных бомбардировок.

В нашей переписке Эрнст Юнгер также спрашивал о моих исследованиях ЛСД, о которых он узнал через друзей. По этому поводу я послал ему подходящую литературу, которую он с благодарностью принял и сделал следующие комментарии:

Кирххорст 3.3.1948 …*вместе с обоими приложениями, касающимися вашего нового фантастикума. Кажется, что вы затронули ту область, которая содержит много тайн.*

Ваша посылка пришла вместе с книгой «Исповедь англичанина, употребляющего опиум», которая только что вышла в новом переводе. Переводчик написал мне, что он решился на эту работу, прочитав мою книгу «Смелое сердце».

Что касается меня, то мои практические опыты в этой сфере остались позади. Это такие эксперименты, в которых любой рано или поздно вступает на действительно опасный путь, и может радоваться, если ему удастся сбежать с одним только подбитым глазом.

В этих веществах меня больше всего интересовала их взаимосвязь с продуктивностью творчества. Я на своём опыте убедился, что творческие достижения требуют подвижности сознания, а она уменьшается под влиянием наркотиков. С другой стороны, важна концептуализация, а под влиянием наркотиков можно получать прозрения, которых действительно нельзя достичь другим путём. Мне вспомнилось прекрасное эссе Мопассана об эфире, который он описывал как средство для их достижения. Более того, у меня создалось впечатление, что в этой горячке можно также открыть новые ландшафты, новые архипелаги, и новую музыку, которая становиться столь ясной, когда достигаешь «таможни» («An der Zollstation» (На таможне) – так называется вторая глава из книги «Смелое сердце», в которой говориться о переходе от жизни к смерти). Но, с другой стороны, для географического описания нужно быть полностью сознательным. Продуктивность творчества для художника значит то же, что исцеление для врача. Соответственно, для него может быть достаточно, время от времени входить в эти сотканные из материи наших чувств области. Кроме того, у меня возникает

ощущение, что в наше время существует большая потребность в энергетикумах-амфетаминах, которые выдавали даже лётчикам и другим военным в армии, нежели в фантастикумах. По-моему, чай является фантастикумом, кофе – энергетикумом, поэтому чай имеет несоизмеримо большую ценность для художника. Я заметил, что кофе разрушает тонкую картину светотеней тех сомнений, что возникают при записывании мыслей. При этом становишься несдержанным. От чая, напротив, мысль действительно двигается вперёд.

Что касается моих «исследований», у меня имелась рукопись книги на эту тему, но я сжёг её. Мои экскурсии закончились гашишем, который вызывал у меня очень приятные, но, в то же время, маниакальные состояния, азиатскую жестокость… Вскоре после этого, из письма от Эрнста Юнгера я узнал, что он дополнил размышлениями о наркотиках свой роман Гелиополис, над которым тогда работал. Он написал мне об исследователе наркотиков, который фигурирует в этом романе: Среди путешествий в географическом и метафизическом мире, которые я пытаюсь описать там, есть и путешествия совершенно оседлого человека, который исследует архипелаги, не встречающиеся в обычных морях, при помощи такого транспортного средства как наркотики. Я даю отрывки из его журнала. Определённо, я не могу позволить этому Колумбу внутреннего мира хорошо кончить – он умирает от отравления. Avis au lecteur. У книги, которая появилась на следующий год, был подзаголовок Rueckblick auf eine Stadt (Взгляд на один город), ретроспектива города будущего, в котором приборы и оружие настоящего усовершенствовались при помощи магии, и в котором боролись между собой демоническая технократия и консерватизм. В образе Антонио Пери, Юнгер запечатлел упомянутого исследователя наркотиков, жившего в древнем городе Гелиополисе. Он ловил сны, как другие ловят бабочек сачком. Он не отправлялся на острова по воскресеньям и праздникам и не часто бывал в тавернах на пляже Пагос. Он запирался в своей студии, чтобы путешествовать в область снов. Он говорил, что все страны и неизвестные острова нанесены на эту карту. Наркотики служили ему ключом, чтобы входить в комнаты и пещеры этого мира. На протяжении лет он приобрёл большие знания, и он вёл журнал своих экскурсий. Небольшая библиотека, по соседству со студией, состояла частично из травников и медицинских книг, частично из работ поэтов и чародеев. В ней Антонио обычно читал, пока наркотик

не начинал действовать… Он отправлялся в путешествия, полные открытий, во вселенную своего разума. В центре этой библиотеки, которая, после ареста Антонио, была разорена наёмниками губернатора провинции, стояли книги:… величайших вдохновителей девятнадцатого столетия: Де Кинси, Э.Т.А. Хоффманна, По и Бодлера. Ещё там были книги, написанные в древности: травники, средневековые тексты по некромантии и демонологии. Среди имён там были Альберт Великий, Раймунд Луллий, Агриппа Неттесгеймский… Кроме того, там был большой том De Praestigiis Daemonum, и уникальный сборник Medicus Weckerus, изданный в 1582 в Базеле… В другой части своей коллекции Антонио Пери собирал в основном «древние книги по фармакологии, сборники формул и фармакопеи, и охотился за репринтными изданиями журналов и хроник. Среди прочих там нашёлся тяжёлый том психолога Хайдельберга об экстракте из бутонов мескаля, и доклад Хофманна-Боттмингена о фантастикуме из спорыньи…»

В тот год, когда был издан Гелиополис, мне удалось лично познакомиться с автором. Во время пребывания Эрнста Юнгера в Швейцарии, я встретился с ним в Равенсбурге. Во время чудесной осенней поездки по южной Швейцарии вместе с нашими общими друзьями, я испытал на себе сияющую силу этой личности.

Двумя годами позже, в начале февраля 1951, случилось важное событие моей жизни, ЛСД путешествие вместе с Эрнстом Юнгером. Поскольку, до этого времени, существовали только отчёты об ЛСД экспериментах в области психиатрии, этот опыт особенно интересовал меня, потому что это была хорошая возможность увидеть, в немедицинской обстановке, как ЛСД действует на творческую личность. Это произошло незадолго до того, как Олдос Хаксли начал экспериментировать в этом же ключе с мескалином, и о чем он в последствии рассказал в двух своих книгах «Двери восприятия» и «Рай и Ад».

Чтобы на всякий случай у нас была медицинская помощь, я пригласил моего друга, врача и фармаколога профессора Хериберта Концетта. Путешествие состоялось в 10:00 утра, в комнате нашего дома в Боттмингене. Поскольку невозможно было предвидеть реакцию такого сверхчувствительного человека, как Эрнст Юнгер, для первого эксперимента из предосторожности была выбрана небольшая доза, всего 0.05 мг. По этой причине эксперимент не оказался очень глубоким.

Начальная стадия отличалась усилением эстетического восприятия. Возникли красно-фиолетовые розы немыслимой яркости и излучавшие удивительное свечение. Концерт Моцарта для флейты и арфы звучал в своей небесной красоте как райская

музыка. С взаимным восхищением мы созерцали таявший дым, который с лёгкостью поднимался от палочки, японского благовония. Когда опьянение стало глубже, и разговор прекратился, мы окунулись в фантастические грёзы, лёжа в удобных креслах с закрытыми глазами. Эрнст Юнгер наслаждался зрелищем пёстрых восточных образов – я путешествовал вместе с племенем берберов по Северной Африке, видел пёстрые караваны и пышные оазисы. Хериберт Концетт, чьи черты казались мне преобразившимися, словно Будда испытывал дыхание безвременья, свободу от прошлого и будущего, блаженство совершенного бытия здесь и сейчас.

Возвращение из изменённого состояния сознания сопровождалось сильной чувствительностью к холоду. Как замёрзшие путники, мы укутались в одежды. Мы отпраздновали возвращение в повседневную реальность хорошим обедом, во время которого Бургунди лилось рекой.

Это путешествие отличалось взаимностью и параллельностью наших переживаний, которые воспринимались чрезвычайно радостно. Все трое из нас оказались у ворот восприятия мистического бытия; однако, эти ворота не открылись. Доза, которую мы выбрали, оказалась слишком маленькой. Не понимая этого, Эрнст Юнгер, который до этого проникал в более глубокие области при помощи высокой дозы мескалина, заметил: «По сравнению с тигром мескалином, этот ваш ЛСД – просто домашняя кошка». После дальнейших опытов с более высокими дозами ЛСД, он пересмотрел это мнение.

Юнгер включил упомянутую сцену с курительной палочкой в свой рассказ «Besuch auf Gotenholm» («Визит в Готенхольм»), в котором глубокие переживания под воздействием наркотика также играют определённую роль: Шварценберг зажёг курительную палочку, как он иногда поступал, чтобы очистить воздух. С кончика палочки заструился голубой дымок. Мольтнер взглянул на это сначала с изумлением, потом с восторгом, как будто сила его взгляда увеличилась. Это проявилось в игре ароматного дыма, который поднимался от курительной палочки и потом разветвлялся тонкой кроной. Словно созданная воображением, в глубине возникла мягкая паутина морских лилий, которая слегка дрожали от ударов прибоя. В этом творении текло время – оно кружилось, вращалось, извивалось, словно дождь из монет. Богатство пространства открылось в этой ткани, бесчисленные волокна, словно нервы, распростёрлись ввысь.

Теперь на видение подействовало движение воздуха, оно слегка покачнулось вокруг палочки, как танцор. Мольтнер

удивлённо воскликнул. Решётчатые лучи чудесного цветка вращались в новой плоскости, в новом измерении. Мириады молекул танцевали в единой гармонии. Здесь законы больше не скрывались за внешностью; это было столь тонким и невесомым, что чётко отражало их. Как все оказалось просто и убедительно. Числа, масса и вес ничего не значили. Они сбросили свои одежды. Ни одна из богинь не могла рассказать этого вновь посвящённому так смело и открыто. Пирамиды с их весом не достигли этого откровения. Это стало славой Пифагора. Никакое зрелище до этого не воздействовало на него с такой магической силой. Такое, как в описанном примере созерцания голубого дыма, углубление эстетического восприятия весьма типично для начальной стадии воздействия ЛСД, до того как начинаются более глубокие изменения сознания.

В последующие годы время от времени я встречался с Эрнстом Юнгером в немецком городке Вильфинген, куда он переехал из Равенсбурга; или же мы встречались в Швейцарии, в моем доме в Боттмингене, или в Бунднерланде на юго-востоке Швейцарии. После совместного ЛСД экспириенса наши отношения стали более близкими. Наркотики и проблемы, связанные с ними были главной темой наших бесед и переписки, хотя в то время мы не проводили дальнейших практических опытов.

Мы обменялись литературой о наркотиках. Эрнст Юнгер передал в мою библиотеку редкую, ценную монографию доктора Эрнста Фрайхеррн фон Бибра, «Die Narkotischen Genussmittel und der Mensch» («Удовольствие от наркотиков и человек») изданную в Нюрембурге в 1955. Эта книга – классический труд о наркотиках, имеет ценность в первую очередь, как источник сведений из истории наркотиков. Фон Бибра под понятием «наркотические средства» охватывает не только такие вещества, как опиум и дурман, но также кофе, табак, кат, которые не попадают под современное определение наркотиков, в отличие от коки, мухомора и гашиша, которые он также описывает.

Достойны упоминания, актуальные и поныне, общие заключения фон Бибры о наркотиках, сделанные больше ста лет назад:

> Отдельный человек, принявший слишком много гашиша, и бегающий в безумии по улицам, нападающий на первого встречного, теряет значимость по сравнению с большим числом тех, кто проводит время спокойно и счастливо, приняв после обеда умеренную дозу; число тех, кому удалось избежать мучений благодаря коке и

тех, кто, возможно, был спасён от голодной смерти благодаря коке, значительно больше нескольких «кокерос», которые подорвали своё здоровье неумеренным потреблением. Также, только лживый лицемер может порицать винную чашу библейского Ноя только потому, что отдельные пьяницы не знают, как соблюдать меру и ограничивать себя.

Время от времени я сообщал Эрнсту Юнгеру об интересных, актуальных открытиях из области наркотиков, как, например, в моем письме, написанном в сентябре 1955:… На прошлой неделе к нам прибыло 200 грамм нового снадобья, которое я взялся исследовать. Оно состояло из семян растения рода мимоза (Piptadenia peregrina Benth), которое используется индейцами, живущими возле реки Ориноко, как стимулирующее и опьяняющее средство. Семена перемалываются, сбраживаются и смешиваются с порошком из сожжённой скорлупы улитки. Этот порошок индейцы вдыхают при помощи пустотелой раздвоенной птичьей кости, как же сообщал Александр фон Хумбольдт в 8-ой главе книги «Reise nach den Aequinoctiat-Gegenden des Neuen Kontinents» («Путешествие в экваториальную Америку»). Воинственное племя отомако и в наши дни весьма широко использует это снадобье, которое называется ньопо, юпа, нопо или кохоба. Как сообщается в своей монографии П. Х. Гумилья (Et Orinoco Itustrado, 1741):

> «Отомаки нюхали этот порошок пред сражением с карибами, когда в прежние времена между ними велись жестокие войны… Это снадобье совершенно лишает их разума, и они в ярости хватаются за оружие. И, если бы женщины не знали, как их сдерживать, крепко связывая, они бы ежедневно причиняли ужасные разорения. У них жуткий нрав… Другие доброжелательные и покорные племена, которые также нюхают юпу, не приходят в такую ярость, как отомаки, которые самобичеванием при помощи этого вещества доводят себя перед сражением до необычайной свирепости и отправляются в бой полные дикой ярости».

Мне любопытно, как ньопо может действовать на таких людей, как мы. Если когда-то и произойдёт сессия с использованием ньопо, то нам ни в коем случае нельзя отсылать наших жён, как во время весеннего путешествия (имеется в виду ЛСД путешествие в феврале 1951), чтобы в случае необходимости, они могли нас крепко связать… Химический

анализ этого снадобья привёл к выделению действующего вещества, которое, как алкалоиды спорыньи и псилоцибин, принадлежит к группе индольных алкалоидов, но которое уже было описано в научной литературе, и поэтому не исследовалось в дальнейшем в лаборатории Сандоз. (Активными веществами ньопо являются ДМТ (N,N диметилтриптамин) и родственные соединения. ДМТ был впервые синтезирован Манске в 1931.) Фантастические эффекты, описанные выше, проявляются только в особой манере использования этого нюхательного порошка, и, скорее всего, относятся к особенностям психики этих индейских племён.

Противоречия применения наркотиков

Фундаментальные вопросы о проблемах, связанных с наркотиками были затронуты в следующей переписке.

Боттминген, 16 декабря 1961

Дорогой г-н Юнгер,

С одной стороны, у меня имеется большое желание, помимо естественнонаучных и химико-фармакологических исследований галлюциногенных веществ, изучать также их использование в качестве волшебных снадобий в других странах… С другой стороны, я должен признать, что меня весьма занимает фундаментальный вопрос: может ли использование этого типа препаратов, то есть веществ, столь глубоко воздействующих на наш разум, действительно считаться запретным нарушением законов. Пока мы используем любые средства и методы, которые дают нам представление о новых аспектах реальности, в этих средствах, разумеется, нет ничего предосудительного; даже напротив, опыт и знания новых граней реальности делают её ещё более реальной для нас. Однако возникает вопрос, раскрывают ли эти сильнодействующие вещества всего лишь дополнительное окно для наших чувств и восприятия, или же сам наблюдатель, само его существо, подвергается изменению. Последнее означает, что меняется то, что, по-моему, всегда должно оставаться нетронутым. Меня волнует вопрос, безупречна ли самая глубинная суть нашего бытия. Или она не может быть повреждена чем-то, происходящим в её материальной, физико-химической, биологической и психической

оболочке, или же материя в форме этих препаратов имеет возможность вторгаться в духовный центр нашей личности, в наше «Я». Последнее объясняется тем, что действие волшебных снадобий происходит на границе, где сливаются разум и материя – эти магические вещества сами по себе являются трещинами в бесконечном пространстве материи, в которых её глубина, её взаимосвязь с разумом, становятся очевидными. Это можно выразить, переделав известные слова Гёте:

«Если бы глаза не были освещены солнцем, они никогда бы не увидели его; Если бы сила разума не была материальна, как бы материя могла воздействовать на него».

Это соответствует тем «трещинам», которые радиоактивные вещества представляют в периодической системе элементов. На самом деле, можно задаться вопросом, не является ли подобным образом получение атомной энергии выходом за запретные рамки.

Другой волнующий вопрос, который возникает из возможности влиять на высшие функции разума микродозами определённых веществ, касается свободы воли.

Такие высокоактивные психотропные вещества, как ЛСД и псилоцибин, обладают очень тесной структурной взаимосвязь с веществами, присутствующими в организме, которые встречаются в центральной нервной системе и играют важную роль в регуляции её функций. Поэтому возможно, что при нарушении метаболизма обычных нейротрансмиттеров образуется вещество, подобное ЛСД или псилоцибину, которое может определять и изменять характер человека, его видение мира и поведение. Мизерное количество вещества, образование которого мы не можем контролировать по своей воле, способно определять нашу судьбу. Возможно, подобные размышления о биохимии, нашли своё выражение во фразе Готтфрида Бенна из его эссе «Provoziertes Leben» (Искусственная жизнь): «Бог есть вещество, наркотик!»

С другой стороны, хорошо известно, что такие вещества, как, например, адреналин образуются в нашем организме вследствие мыслей и эмоций, которые, в свою очередь, определяют функции нервной системы. Можно предположить, что наше физическое тело восприимчиво

по отношению к разуму, и оно формируется им, так же, как наша интеллектуальная сущность формируется нашей биохимией. Определить, что изначально, не легче, чем ответить на вопрос, что было в начале: курица или яйцо.

Несмотря на свою неуверенность относительно существенных опасностей, которые могут возникать при использовании галлюциногенных веществ, я продолжил исследования действующих веществ мексиканского волшебного «утреннего сияния», о которых я вкратце вам писал. В семенах этого растения мы обнаружили в качестве действующего вещества производные лизергиновой кислоты, химически родственные ЛСД. Это было практически невероятным открытием. Я всегда питал особенную любовь к «утреннему сиянию». Это были первые цветы, которые я в детстве самостоятельно вырастил в саду. Их голубые и красные чашечки – одно из первых воспоминаний моего детства.

Недавно я прочитал в книге Д. Т. Судзуки «Дзен и японская культура», что «утренне сияние» играло важную роль в Японии, среди любителей цветов, в литературе, и в изобразительном искусстве. Его великолепие сильно повлияло на творческую фантазию японцев. Среди прочего, Судзуки цитирует трехстишие поэтессы Чийо (1702-75), которая однажды утром пошла за водой к соседнему дому, потому что…

«Моё ведро очаровано цветами утреннего сияния, и я попрошу воды».

Таким образом, «утреннее сияние» демонстрирует два возможных способа влиять на разум и тело человека: в Мексике оно оказывает воздействие как волшебное снадобье, тогда как в Японии оно действует с духовной точки зрения, посредством красоты своих чашечек.

Вильфинген, 17 декабря 1961

Уважаемый г-н Хофманн,

Я благодарен вам за подробное письмо от 16 декабря. Я задумался над вашим главным вопросом, и в определённом смысле стал одержим им по случаю пересмотра An der Zeitmauer (На стене времени). Там я упоминаю, что в области физики и биологии, мы начинаем разрабатывать технологии, которые больше нельзя понимать, как прогресс в установленном смысле, которые вмешиваются в эволюцию и участвуют в

развитии вида. Конечно, я выворачиваю все наизнанку, так как полагаю, что именно новая мировая эпоха действует эволюционно на прототип. Поэтому, наша наука с её теориями и открытиями, не причина, скорее, одно из следствий эволюции. Это одновременно коснётся животных, растений, атмосферы и поверхности планеты. Мы не развиваемся от точки до точки, скорее мы пересекаем некую линию.

Стоит задуматься над риском, на который вы указали. Тем не менее, он существует во всех аспектах нашего существования. Общий знаменатель появляется то здесь, то там.

Говоря о радиоактивности, вы используете слово «трещина». Эти трещины не просто вопрос открытий, но и вопрос разрушений. По сравнению с эффектами радиации, действие магических снадобий более подлинное и менее жёсткое. К классическом понимании они выводят нас за пределы человеческого. Гурджиев в какой-то мере видел это. Вино уже изменило многое, оно принесло с собой новых богов и новую природу человека. Но вино является для новых веществ тем же, чем классическая физика для современной. Эти вещества следует пробовать только в узком кругу. Я не могу согласиться с мыслью Хаксли, что трансцендентные возможности можно нести массам. В действительности, это не утешительная выдумка, это реальность, если быть искренним. Здесь достаточно нескольких контактов, чтобы определить направление и руководство. Это выходит за рамки теологии и попадает под раздел теогонии, так как обязательно входит в новый дом, в астрологическом смысле. В начале следует удовлетвориться пониманием этого и превыше всего быть осторожным в своих целях.

Также сердечно благодарю за прекрасную картину голубого «утреннего сияния». Похоже, что это как раз то, что я год за годом выращиваю у себя в саду. Я не знал, что оно обладает особой силой; однако, так, наверное, случается с любым растением. У нас нет ключа к большинству из них. Кроме этого, должна существовать главная точка зрения, с которой не только химия, строение, цвет, но все свойства становятся важными…

Эта теоретическая дискуссия о волшебных снадобьях была дополнена практическими экспериментами. Один из таких экспериментов, послуживший сравнением ЛСД и псилоцибина, имел место весной 1962. Случилось так, что это произошло в принадлежавшем семье Юнгер бывшем доме главного лесничего замка Штауфенберг в Вильфингене. Мои друзья, фармаколог профессор Хериберт Концетт и учёный-исламист доктор Рудольф Гелпке, также приняли участи в этом симпозиуме по грибам.

Старые хроники описывали, как Ацтеки пили чоколатль перед тем, как съесть теонанакатль. Поэтому г-жа Лизелотта Юнгер тоже подала нам горячий шоколад для поднятия настроения. Затем она покинула четырех мужчин, предоставив их судьбе.

Мы собрались в стильной комнате с тёмным деревянным потолком, выложенной плиткой печью, старинной мебелью, французскими гравюрами на стенах и пышным букетом тюльпанов на столе. Эрнст Юнгер был одет в длинный, широкий восточный халат с темно-синими полосками, который он привёз из Египта; Хериберт Концетт был великолепен в ярко вышитой мантии мандарина; Рудольф Гелпке и я надели домашние халаты. Повседневную реальность следовало отложить в сторону, вместе с повседневной одеждой.

Вскоре после захода солнца мы приняли наркотик, не грибы, а только их действующее начало, по 20 мг псилоцибина каждый. Это соответствовало примерно двум третьим от очень сильной дозы, которую принимала курандера Мария Сабина в форме грибов рода псилоцибе.

Спустя час, я все ещё не замечал никакого действия, в то время как мои товарищи уже глубоко погрузились в путешествие. Я надеялся, что во время действия грибов мне удастся воскресить некоторые образы, эйфорические моменты из моего детства, которые остались в моей памяти переживаниями счастья: луг, покрытый хризантемами, слегка колыхавшимися под ветром раннего лета; розовый куст в вечернем свете после грозы; голубые ирисы, свисавшие со стены виноградника. Но, когда вещество гриба, наконец, начало действовать, вместо этих ярких образов дома моего детства, появились странные сцены. Наполовину ошеломлённый, я погрузился глубже, проходя через совсем опустевшие города с какой-то мексиканской экзотикой и мертвенным великолепием. Испуганный, я попытался удержаться на поверхности, сконцентрироваться на внешнем мире, на окружении. На какое-то время мне это удалось. Затем я

посмотрел на громадного Эрнста Юнгера, ходившего взад-вперёд, могущественного волшебника. Хериберт Концетт в блестящем шёлковом халате казался коварным китайским шутом. Даже Рудольф Гелпке казался мне зловещим; длинный, худой, таинственный.

С углублением опьянения, все становилось ещё более странным. Я сам чувствовал себя странным. Когда я закрывал глаза, я попадал в чудные, холодные, глупые и пустынные местности, освещённые тусклым светом. Окружающая среда тоже казалась призрачной и лишённой всякого смысла, когда я открывал глаза и пытался зацепиться за внешний мир. Совершенная пустота угрожала затянуть меня в абсолютное небытие. Я помню, как я схватил за руку Рудольфа Гелпке, когда он проходил мимо моего кресла, и держался за него, чтобы не погрузиться в тёмное небытие. Мной овладел страх смерти и бесконечное желание вернуться в обычный мир, в реальность мира людей. После вечного страха я медленно возвращался в комнату. Я видел и слышал великого волшебника, рассказывавшего ясным, громким голосом про Шопенгауэра, Канта, Гегеля, и говорившего о старой Гаа, любимой мамочке. Хериберт Концетт и Рудольф Гелпке уже совсем спустились на землю, в то время как я только-только с большим трудом обретал опору.

Для меня этот визит в мир гриба был испытанием, столкновением с миром смерти и пустоты. Эксперимент протекал не так, как я того ожидал. Тем не менее, встречу с пустотой тоже можно расценивать как пользу. После этого существование мироздания кажется гораздо более удивительным.

Полночь миновала, и мы собрались за столом, который хозяйка дома накрыла на верхнем этаже. Мы отпраздновали возвращение изысканным ужином и музыкой Моцарта. Беседа, во время которой мы обменивались своими впечатлениями, продолжалась почти до утра.

Эрнст Юнгер описал то, что он пережил в этом путешествии, в своей книге Annaherndrogen und Rausch (Подходящие наркотики и интоксикация) (Ernst Klett Verlag, Stuttgart, 1970), в главе «Ein Pilz-Symposium» (Симпозиум по грибам). Далее следует отрывок из этой работы: Как обычно, полчаса или чуть больше прошли в тишине. Потом возникли первые признаки: цветы на столе вспыхнули и засверкали. Было время, когда уходят с работы; снаружи подметали улицы, как обычно по выходным. Шарканье метлы болезненно проникало в тишину. Этот звук, снова и снова, как и лязг, грохот, тряска и удары случайным образом являлся симптомом, вроде тех признаков, что обозначают начало болезни.

Снова и снова это играет определённую роль в истории магических практик.

К этому времени гриб начал действовать; весенний букет отсвечивал темнотой. Это не был естественный свет. Тени зашевелились в углах, как будто обретая форму. Я стал беспокойным, даже озябшим, несмотря на тепло, исходившее от плиток. Я растянулся на диване и натянул покрывало на голову.

Все стало кожей, к которой прикасались, даже сетчаткой, контактировавшей со светом. Это свет был многоцветным; он проявлялся в виде струн, которые качались взад-вперёд; вроде стеклянных бус, которые на востоке вешают в дверном проёме. Они образовывали двери, словно проходы во сне, занавеси желания и опасности. Ветер качал их, словно одежду. Они также падали с пояса танцовщицы, раскрывались и свёртывались с движением бёдер, и от этих бус в обострённое сознание струились волны самых нежных звуков. Звон серебряных колец на лодыжках и запястьях стал слишком громок. Пахнет потом, кровью, табаком, стриженым конским волосом, дешёвыми розовыми духами. Кто знает, что происходит в конюшне?

Это, должно быть, огромный мавританский дворец, нехорошее место. Ряд комнат ведёт от этого танцевального зала на нижний этаж. Повсюду были занавески, сверкающие, сияющие радиоактивным свечением. И ещё звон стеклянных инструментов с их манящим, завлекающим домогательством: «Пойдёшь со мной, красавчик?» Он то угасал, то снова появлялся, ещё более назойливо, более навязчиво, почти уже уверенный в согласии.

Теперь появились исторические коллажи, vox humana, крик кукушки. Или это была шлюха из Санта Лючии, которая выставила свои груди в окно? Потом игра разрушилась. Она танцевала; янтарное ожерелье излучало искры и заставляло соски набухать. Что только не делают ради чьего-то Йоханнеса? (в данном случае Йоханнес означает пенис, как в английском Дик или Питер). Черт возьми, это отвратительная пошлость исходила не от меня, она нашёптывалась мне через занавес.

Змеи были грязными, едва живыми, они валялись на полу на ковриках. Они были украшены бриллиантовыми чешуйками. Некоторые глядели с пола красными и зелёными глазами. Они сверкали и шептались, шипели и искрились, словно маленькие серпы перед священной жатвой. Затем все стихло, затем снова возникло, бледнее, ближе. Я был в их руках. «Затем мы тотчас же поняли друг друга».

Мадам пришла из-за занавески: она была занята, и прошла мимо меня, не заметив. Я увидел ботинки с рыжими каблуками. Подвязки стягивали толстую середину, там, где выпячивалась

плоть. Огромные груди, тёмная дельта Амазонки, попугаи, пираньи, полудрагоценные камни повсюду. Вот она пошла на кухню – или, может, тут ещё есть погреб? Сверкание и шёпот, шипение и мерцание больше не различались; все как будто сконцентрировалось, в полном надежды величественном веселье.

Стало жарко и невыносимо; я сбросил покрывало. Комната была слабо освещена; фармаколог стоял у окна в белом платье мандарина, которое послужило мне незадолго до этого на карнавале в Ротвайле. Востоковед сидел рядом с выложенной плиткой печью; он стонал, как будто видел кошмар. Я понял; это был первый раунд, и скоро это начнётся снова. Время ещё не вышло. Я уже видел любимую мамочку при других обстоятельствах. Но даже экскременты являются землёй, и как золото, принадлежат к изменённой до неузнаваемости материи. С этим надо согласиться, не вдаваясь в подробности.

Грибы были земными. Больше света сокрыто в тёмных зёрнышках, что произрастают на злаках, ещё больше в зеленом соке кактуса на горячих склонах Мексики… (Юнгер имеет в виду ЛСД, производное спорыньи, и мескалин, получаемый из мексиканского кактуса пейотля.)

Путешествие пошло неудачно – наверное, мне стоит обратиться к грибам ещё раз. И действительно, шёпот вернулся, вспышки, искры – рыба клюнула на наживку. Как только задаётся мотив, он запечатляется, как на пластинке, каждый новый оборот повторяет мелодию. Игра не вышла за пределы этой мрачности.

Я не знаю, сколько раз это повторилось, и не хочу задерживаться на этом. К тому же есть вещи, которые лучше держать при себе. В любом случае полночь миновала…

Мы поднялись вверх по лестнице; стол был накрыт. Сознание все ещё было обострённым и Двери Восприятия открыты. Свет волнами исходил от красного вина в графине; по краям вздымалась пена. Мы слушали концерт для флейты. Для остальных тоже не было ничего лучше: «Как прекрасно снова быть среди людей» – сказал Альберт Хофманн.

Востоковед, с другой стороны, побывал в Самарканде, где Тимур покоится в нефритовом гробу. Он проследил победные вступления в города, где данью служил котёл наполненный глазами. Потом он долго стоял перед пирамидами черепов, которые возвёл ужасный Тимур, и во множестве отрубленных голов увидел и свою. Она была инкрустирована самоцветами.

Фармаколог озарился светом, когда об этом услышал: Теперь я знаю, почему вы сидели в кресле без головы – Я был поражён; Я знал, что это не сон.

Я не знаю, стоит ли вдаваться в детали, поскольку это

граничит с областью историй о призраках. Вещество гриба переместило всех нас четверых не на сияющие высоты, а скорее в темнеющие глубины. Кажется, действие псилоцибина окрашено более мрачно, чем большинство случаев воздействия ЛСД. Влияние этих двух активных веществ, конечно, различается у разных людей. Лично для меня в опытах с ЛСД было больше света, чем в экспериментах с более земным грибом, как в предыдущем отчёте уже отметил Эрнст Юнгер.

Ещё одна ЛСД сессия

Следующая и последняя вылазка во внутреннюю вселенную вместе с Эрнстом Юнгером, на этот раз снова при помощи ЛСД, завела нас очень далеко от повседневного сознания. Мы оказались близки к последней двери. Конечно же, эта дверь, согласно Эрнсту Юнгеру, откроется для нас по настоящему только во время великого перехода от жизни к небытию.

Этот последний совместный эксперимент произошёл в Феврале 1970, снова в доме главного лесничего в Вильфингене. На этот раз нас было только двое. Эрнст Юнгер принял 0.15 мг ЛСД, я принял 0.10 мг. Эрнст Юнгер опубликовал без комментариев свой журнал, который он вёл во время эксперимента, в главе «Nochmals LSD» (Снова ЛСД). Они скудны и мало что говорят читателю, впрочем, как и мои собственные записи.

Эксперимент начался утром, сразу после завтрака и длился до наступления темноты. В начале путешествия мы опять слушали концерт Моцарта для флейты и арфы, который всегда делал меня особенно счастливым, но в этот раз, как ни странно, он казался мне игрой фарфоровых статуэток. Затем интоксикация быстро завела нас в неописуемые глубины. Когда я попытался описать сложные изменения сознания Эрнсту Юнгеру, наружу вырвалось не более двух-трёх слов, поскольку они звучали так нелепо, так были не в состоянии описать экспириенс; они как будто происходили из бесконечно далёкого мира, который стал чужим; я бросил эти попытки и безнадёжно рассмеялся. Очевидно, Эрнст Юнгер переживал то же самое, но нам не нужна была речь; беглого взгляда было достаточно для самого глубокого понимания. Тем не менее, я смог записать на бумаге какие-то обрывки предложений, вроде этого в начале: «Нашу лодку нещадно бросает». И позднее, относительно богатого переплёта книг в библиотеке: «Как будто золотой блеск проступает наружу на фоне красного золота». На улице пошёл снег. Дети в масках

шагали по улицам за праздничными карнавальными повозками. Глядя через окно в сад, покрытый клочьями снега, многоцветные маски появлялись над высокой стеной и врезались в память бесконечно радостным оттенком синего: «Сад – я живу вместе с предметами и внутри них». Позже: «Сейчас – никакой связи с повседневным миром». Ближе к концу глубокое успокаивающее прозрение выразилось в словах: «До сих пор уверен в своём пути». В этот раз ЛСД привёл к счастливому путешествию.

Глава 8. Встреча с Олдосом Хаксли

В середине 50-х появились две книги Олдоса Хаксли, «Двери Восприятия» и «Рай и Ад», в которых рассказывалось о состояниях, которые производят галлюциногены. Изменения восприятия и сознания, которые автор испытал в личных экспериментах с мескалином, мастерски описаны в этих книгах. Эксперимент с мескалином стал визионерским переживанием для Хаксли. Он увидел вещи в новом свете; они открыли своё изначальное, глубинное, извечное существование, которое сокрыто от повседневного видения.

Эти две книги содержат важные наблюдения над природой визионерского опыта и его значением в истории мировой культуры, в создании мифов, в истоках религии, в творческом процессе и в искусстве. Хаксли видел ценность галлюциногенов в том, что они дают возможность тем, кто не обладает даром произвольного визионерского восприятия, который имеют мистики, святые и великие художники, испытать эти необычайные состояния сознания и, таким образом, заглянуть в духовный мир этих великих творцов. Галлюциногены могут привести к более глубокому пониманию в религиозной и мистической сфере, и к новому, свежему восприятию великих творений искусства. Для Хаксли эти препараты были ключами, способными открывать новые двери восприятия; химическими ключами, в добавление к проверенным, но трудоёмким «отмычкам» от дверей в визионерские миры, такими как медитация, изоляция, пост, или некоторые практики из йоги.

В то время я уже был знаком с ранними работами этого великого писателя и мыслителя, с такими много для меня значившими книгами, как «Контрапункт», «Прекрасный новый мир», «После многих лет», «Слепой из Газы» и некоторыми другими. Когда вышли книги «Двери восприятия» и «Рай и ад», я обнаружил там серьёзные описания переживаний, вызываемых галлюциногенными веществами, и, таким образом, приобрёл более глубокое понимание своих собственных экспериментов с ЛСД.

Поэтому я был очень рад, когда однажды утором в апреле 1961 Олдос Хаксли позвонил мне в лабораторию. Он проезжал мимо Цюриха со своей женой. Он пригласил меня и мою жену пообедать в отёле Зонненберг.

От первой встречи с Хаксли у меня остался образ добродушного высокого и благородного джентльмена с жёлтым цветком в петлице. Разговор за столом в основном вращался

вокруг вопроса волшебных снадобий. И Хаксли, и его жена Лаура Арчера Хаксли уже имели собственный опыт с ЛСД и псилоцибином. Хаксли предпочитал не называть эти вещества и мескалин «наркотиками», поскольку английское слово drug, так же, как и немецкое Droge, имеет уничижительный оттенок, и поскольку даже лингвистически важно отличать галлюциногены от других наркотиков. Он верил в огромное значение веществ, вызывающих визионерские переживания, для современной стадии человеческой эволюции.

Он считал важными эксперименты в лабораторных условиях, поскольку, в условиях необычайно усиливающейся чувствительности и восприимчивости к внешним раздражителям, окружающая обстановка имеет решающее значение. Он порекомендовал моей супруге, когда мы заговорили о её родном местечке в горах, принять ЛСД на альпийском лугу и затем взглянуть на синий бутон генцианы, чтобы увидеть одно из чудес мира.

Когда мы расставались, Олдос Хаксли подарил мне, как напоминание об этой встрече, ленту с записью его лекции «Визионерский опыт», которую он прочёл неделей раньше на международном конгрессе по прикладной психологии в Копенгагене. В этой лекции Олдос Хаксли говорил о значении и сущности визионерского опыта и сравнивал этот тип видения мира со словесным и интеллектуальным пониманием реальности. Он считал его существенным дополнением к реальности.

На следующий год появилась новая и последняя книга Олдоса Хаксли, роман «Остров». Эта история, происходившая на вымышленном острове Пала, является попыткой соединить достижения современной науки и технической цивилизации с мудростью восточной мысли, достигнуть новой культуры, в которой рационализм и мистицизм слились бы воедино. Мокша, волшебное снадобье, приготовляемое из гриба, играет важную роль в жизни населения Палы (на санскрите «мокша» означает «избавление», «освобождение»). Этот наркотик мог использоваться только в критические моменты жизни. Молодёжь Палы получала его во время обряда посвящения. Его принимал главный герой романа, когда переживал жизненный кризис, во время психотерапевтической беседы со своим другом-священником, и при помощи этого наркотика умирающий оставил смертное тело и перешёл в иное существование.

В нашей беседе в Цюрихе я уже узнал от Олдоса Хаксли, что он хотел бы снова коснуться проблемы психоделиков в своём будущем романе. И он прислал мне копию «Острова», подписанную «Доктору Альберту Хофманну, истинному

изобретателю мокши, от Олдоса Хаксли».

Темами его письма от 29 февраля 1962 были надежды, которые Олдос Хаксли возлагал на психоделики, как на средства пробуждения визионерских переживаний, и использование этих веществ в повседневной жизни. Он писал мне:

> … Я очень надеюсь, что результатом этой и других подобных работ будет развитие настоящей Естественной Истории визионерского опыта, во всех его разновидностях, определяемых телесными различиями, темпераментом и профессией, и, в то же время, развитие Прикладного Мистицизма – методики, помогающей человеку получить все возможное от его трансцендентного опыта и использовать прозрения «Другого Мира» в делах «Этого Мира». Майстер Экхарт (немецкий мыслитель и философ позднего средневековья) писал «то, что получаешь во время созерцания нужно отдавать с любовью». По сути, это то, в чем следует совершенствоваться – искусство отдавать с любовью и пониманием то, что берётся из видений, трансцендентного опыта и единства с Вселенной…

Олдос Хаксли и я часто встречались во время ежегодного съезда Мировой Академии Искусства и Науки (WAAS) в Стокгольме в начале лета 1963. Его советы и предложения во время дискуссий на заседаниях академии оказывали большое влияние на ход работы.

WAAS была задумана, чтобы дать возможность компетентным специалистам рассматривать мировые проблемы на форуме, свободном от идеологических и религиозных ограничений, с интернациональной точки зрения, охватывающей весь мир. Результатом были предложения и мысли в виде соответствующих публикаций, которые передавались в распоряжение правительств и исполнительных организаций.

В 1963 собрание WAAS обсуждало проблемы резкого роста популяции, запасов сырья и продовольственных ресурсов на земле. Соответствующие исследования и предложения были собраны во Втором Томе WAAS под заголовком «Кризис перенаселения и использование мировых ресурсов». За десятилетие до того, как контроль за рождаемостью, защита окружающей среды, энергетический кризис стали модными терминами, эти мировые проблемы обсуждались там с самой серьёзной точки зрения, и правительствам и ответственным организациям были даны предложения по их решению. Катастрофические события, произошедшие с тех времён в

упомянутых областях, свидетельствуют о трагической разнице между признанием, желанием и осуществлением.

Олдос Хаксли сделал предложение, в дополнение к теме стокгольмского съезда «Мировые ресурсы» обратиться к проблеме «Человеческие ресурсы», к исследованию и применению скрытых, ещё не используемых человеческих возможностей. Человечество с высокоразвитыми духовными способностями, с расширенным осознанием глубины непостижимого чуда бытия, проявляло бы большее понимание и заботу о биологических и материальных основах жизни на земле. Кроме того, для людей Запада, с их гипертрофированной рациональностью, имело бы эволюционное значение развитие и расширение непосредственного, эмоционального восприятия реальности, свободного от слов и понятий. Хаксли считал психоделики средствами достигнуть развития в этом направлении. Психиатр доктор Хамфри Осмонд, который изобрёл термин «психоделический» (расширяющий сознание), также присутствовавший на этом конгрессе, помогал ему делать доклад о широких возможностях применения галлюциногенов.

Съезд в Стокгольме в 1963 был моей последней встречей с Олдосом Хаксли. Его внешний вид уже нёс печать тяжёлой болезни; однако, его интеллект все ещё имел неослабевающие признаки всестороннего знания высот и глубин внутреннего и внешнего мира человека, которое он проявил с гениальностью, любовью, добротой и юмором в своих литературных трудах.

Олдос Хаксли умер 22 ноября того же года, в тот же день, когда был убит президент Кеннеди. От Лауры Хаксли я получил копию её письма к Джулиану и Джульетте Хаксли, в котором она рассказывала брату и сестре своего муже о его последнем дне. Врачи подготовили её к драматическому концу, поскольку финальная стадия рака горла, которым страдал Олдос Хаксли, обычно сопровождается судорогами и приступами удушья. Но он умер мирно и спокойно.

Утром, когда он уже так ослаб, что не мог больше говорить, он написал на листке бумаги: «ЛСД – попробуй – внутримышечно – 100 мкг». Г-жа Хаксли поняла, что это означало, и, несмотря на опасения присутствовавшего врача, она сделала ему своей собственной рукой желанную инъекцию – она позволила ему принять «мокшу».

Глава 9. Переписка с поэтом и врачом Вальтером Фогтом

Моя дружба с врачом, психиатром и писателем Вальтером Фогтом – один из примеров тех знакомств, которым я обязан ЛСД. Как видно в следующем отрывке из нашей переписки, её темой были не столько медицинские аспекты ЛСД, важные для врача, сколько затрагивающая глубины души способность изменять сознание, интересная для писателя.

Мури/Берн, 22 ноября 1970

Уважаемый г-н Хофманн,

Этой ночью мне приснилось, что в Риме меня пригласила в кафе на чашку чая семья моего друга. Эта семья была знакома с Римским папой, и поэтому папа сидел за одним столом с нами. Он был весь в белом, и на голове у него была белая митра. Он статно сидел и молчал.

А днём мне пришла в голову идея послать вам птицу с моего стола – как визитную карточку, если вам угодно – книгу, которая оставалась апокрифической, о чем я, если вдуматься, и не жалею, хотя итальянский переводчик твёрдо уверен, что она у меня лучшая. (Да-да, папа тоже итальянец. Вот так. .)

Возможна, эта маленькая работа вас заинтересует. Она была написана в 1966 автором, который в то время не имел ни малейшего опыта относительно психоделических средств и который читал лишённые смысла отчёты о медицинских экспериментах с этими препаратами. С тех пор, однако, мало что изменилось, за исключением того, что опасения приходят теперь с другой стороны.

Я полагаю, что ваше открытие сделало брешь (не буквально, как в диалоге Сауля с Паулем, как говорит Роланд Фишер) в моей работе (тоже ёмкое слово) – и, действительно, то, что я написал после, стало более реалистичным, или, по крайней мере, менее многозначительным. В любом случае без него, я не смог бы создать холодный реализм моего телефильма «Spiele der Macht» (Игры власти). Разные наброски только подтверждают это, если только они ещё где-нибудь валяются.

Если у вас есть интерес и время для встречи, я был бы очень рад заглянуть к вам как-нибудь для беседы.

В. Ф.

Бург, 28 ноября 1970

Уважаемый г-н Фогт,

Если бы птица, которая приземлилась у меня на столе, могла бы найти дорогу ко мне, это было бы ещё одним событием, которому я обязан волшебному действию ЛСД. Я бы вскоре смог написать книгу обо всех последствиях моих экспериментов в 1943…

А. Х.

Мури/Берн, 13 марта 1971

Уважаемый г-н Хофманн,

Присылаю вам критическую статью из газеты о «Приближениях» Юнгера, которая, по-видимому, вас заинтересует…

Мне кажется, что галлюцинации, сны и работа писателя противоположны повседневному сознанию, и их функции взаимно дополняют друг друга. Здесь я могу говорить только за себя самого. Это может оказать иначе у других – с другими тяжело говорить о таких вещах, поскольку люди зачастую говорят на разных языках…

Тем не менее, поскольку вы теперь собираете автографы, и делаете мне честь, включая некоторые из моих писем в вашу коллекцию, я посылаю вам рукопись моего «завещания» – в котором ваше открытие играет роль «единственного радостного изобретения двадцатого века»…

В. Ф.

самое последнее завещание доктора вольфганга фогта 1969 я не желаю никаких особых похоронных церемоний только дорогие и неприличные орхидеи маленькие птички с весёлыми именами никаких голых танцоров но психоделические одежды колонки на каждом углу и ничего кроме последней записи битлз (Abbey Road) сто тысяч миллионов раз и делайте что хотите («Blind Faith») на зацикленной ленте ничего кроме популярного Христа с нимбом из настоящего золота и возлюбленных прихожан накачивающих себя кислотой (ЛДС) пока не отправятся в рай (вторая сторона Abbey Road) один два три четыре пять шесть семь возможно мы там встретим друг друга

посвящается доктору Альберту Хофманну

Начало Весны 1971

Бург 29 марта 1971

Уважаемый г-н Фогт,

Вы снова прислали мне замечательное письмо и ценный автограф, завещание 1969…

В последнее время мне снятся удивительные сны, и это подтолкнуло меня проверить влияние химического состава ужина на красочность снов. Ведь и ЛСД тоже едят…

А. Х.

Мури/Берн 5 сентября 1971

Уважаемый г-н Хофманн,

После выходных на озере Муртен (в ту субботу я пролетал над озером Муртен в воздушном шаре моего друга Э. И., который взял меня в качестве пассажира А. Х.), я часто думал о Вас – это был самый светлый осенний день. Вчера, в субботу, благодаря одной таблетке аспирина (из-за головной боли и простуды), я испытал очень смешной флэшбак, похожий на мескалин (с которым я мало имел дело, а если точнее, то лишь однажды)…

Я читал великолепное эссе Уоссона о грибах; он делит человечество на микофобов и микофилов… В вашем лесу, наверное, сейчас растут чудные мухоморы. Может, как-нибудь, пособираем?

В. Ф.

Мури/Берн 7 сентября 1971

Уважаемый г-н Хофманн,

Мне кажется, я должен вам вкратце рассказать, что же я делал, стоя под солнцем на пристани, под вашим воздушным шаром: я наконец-то делал заметки о нашем визите в Villars-sur-Ollons (с доктором Лири), потом по озеру проплыл корабль каких-то хиппи, самодельный, как в фильме Феллини, я сделал его зарисовки, а над ним я нарисовал Ваш воздушный шар.

В. Ф.

Бург 15 апреля 1972

Уважаемый г-н Фогт,

Меня необычайно потряс Ваш телефильм «Игры власти».

Я поздравляю Вас с этой великолепной постановкой,

которая доводит до сознания душевную жестокость человека, и поэтому определённым образом «расширяет сознание», и может считаться терапевтической в самом высоком смысле, как античная трагедия.

А. Х.

Бург 19 мая 1973

Уважаемый г-н Фогт,

Теперь я уже три раза прочёл Вашу светскую проповедь – описание и толкование Вашего Синайское Путешествия. (Walter Vogt: Mein Sinai Trip. Eine Laienpredigt (Моё Синайское Путешествие: светская проповедь) (Verlag der Arche, Zurich, 1972). Эта публикация содержит текст светской проповеди, которую Вальтер Фогт дал 14 ноября 1971 по приглашению пастора Кристофа Моля в протестантской церкви в Вадуце (Лихтенштейн), в ходе серии писательских светских проповедей, и, кроме того, содержит послесловие автора и пригласившего священника. Она включает описание и толкование экстатического религиозного переживания, вызванного ЛСД, которое автор считает «далёкой, если хотите, поверхностной, аналогией великому синайскому путешествию Моисея». В этом описании прослеживается не только «патриархальная атмосфера», в которой и заключается аналогия, но и более глубокая связь, которая находится скорее между строк этого текста.) Что же есть в действительности ЛСД путешествие?… Это было смелым поступком – избрать в качестве темы проповеди, пусть даже светской, такую неблагонадёжную вещь, как наркотический экспириенс. Но вопрос галлюциногенов действительно имеет непосредственное отношение к церкви, поскольку эти снадобья священны (пейотль, теонанакатль, ололиуки, с которыми ЛСД связан химическим строением и активностью).

Я полностью согласен с тем, о чем Вы говорите во введении о современной церковной религиозности: о трёх предусмотренных состояния сознания (бодрствующее состояние непрерывного труда и выполнения долга, алкогольное опьянение и сон), о разнице между двумя стадиями психоделического состояния (первая стадия, пик путешествия, во время которого переживается связь с космосом, или же погружение в собственное тело, во время которого все

существующее оказывается внутри; и вторая стадия, которая характеризуется как стадия расширенного понимания символов); и о том намёке на искренность, которую галлюциногены привносят в эти состояния сознания. Все эти наблюдения чрезвычайно важны для того, чтобы судить о галлюциногенном опьянении.

Наибольшей пользой в духовном плане от экспериментов с ЛСД было переживание неразрывной связи физического и духовного. «Христос в материи» (Teilhard de Chardin). Уж, не во время ли наркотического экпириенса к Вам впервые пришло понимание того, что мы спускаемся «во плоть, которая и есть мы», чтобы получить новые пророчества?

Немного критики вашей проповеди: вы приписываете Тимоти Лири выражение «самое глубокое переживание, которое существует» – «Царствие небесное внутри нас». Эта фраза, без указания её истинного источника, может интерпретироваться как незнание такового, или даже как незнание основ христианской веры.

Одно из Ваших высказываний достойно всемирного признания: «Не существует не-экстатического религиозного опыта». .

В следующий понедельник вечером у меня будет интервью на швейцарском телевидении (об ЛСД и мексиканских волшебных снадобьях, в программе «Из первых рук»). Интересно, что за вопросы мне зададут. .

А. Х.

Мури/Берн, 24 мая 1973

Уважаемый г-н Хофманн,

Конечно, это был ЛСД – я просто не хотел открыто писать о нем, я и сам не знаю, почему… Тот акцент, который я сделал на добродушном Лири, который теперь мне кажется далеко не самым первым свидетелем, может объясняться только особым контекстом разговора или проповеди.

Я должен признаться, что понимание того, что мы спускаемся «во плоть, которая и есть мы», действительно пришло ко мне впервые под ЛСД. Я все ещё обдумываю это, возможно, оно пришло ко мне «слишком поздно», хотя я все больше становлюсь сторонником Вашего мнения, что ЛСД должен быть табу для молодёжи (табу, а не запретом, вот в чем разница)…

Фраза, которая Вам понравилась, «не существует неэкстатического религиозного опыта», по-видимому, не так нравится другим, например, моему (почти единственному) литературному другу и религиозному поэту Курту Марти… Но, в любом случае, мы практически никогда не сходимся во мнениях о чем-либо, и, несмотря на это, мы представляем собой малюсенькую швейцарскую минимафию, когда случайно общаемся по телефону и затеваем что-либо совместно.

В. Ф.

Бург, 13 апреля 1974

Уважаемый г-н Фогт,

Вчера вечером мы в напряжении смотрели Ваш телефильм «Пилат перед молчащим Христом».

…как представление основного взаимоотношения человек-Бог: человек, приходящий к Богу с самыми тяжёлыми своими вопросами, на которые, в конце концов, ему приходится отвечать самому, поскольку Бог молчит. Он не отвечает ему словами. Ответы заключаются в его книге творения (к которой принадлежит и спрашивающий человек). Подлинно научная расшифровка этого текста.

А. Х.

Мури/Берн, 11 мая 1974

Уважаемый г-н Хофманн,

Я сочинил в полусумерках «поэму», которую осмелился Вам послать. Сначала, я хотел послать её Лири, но это имело бы смысла.

Лири в тюрьме Гелпке мёртв Лечение в сумасшедшем доме это и есть ваша психоделическая революция? Может, мы воспринимали всерьёз то, с чем можно лишь играть или наоборот…

В. Ф.

Глава 10. Разные посетители

Разносторонность и многогранность ЛСД нашли выражение в различных культурных кругах, с которыми я соприкасался благодаря этому веществу. В плане науки, это были коллеги химики, фармакологи, врачи и микологи, с которыми я встречался в университетах, на конгрессах, лекциях, или с которыми я сблизился благодаря публикациям. В литературно-философском плане это были контакты с писателями. В предыдущих главах я рассказал о наиболее важных для меня подобных знакомствах. Благодаря ЛСД у меня также было множество личных встреч с хиппи и просто людьми, так или иначе связанными с наркотиками, которые я вкратце опишу здесь.

Большинство из подобных посетителей были молодые люди из США, зачастую следующие проездом на Восток в поисках восточной мудрости и гуру; или же надеющиеся, что там можно легче достать наркотики. Иногда их целью была Прага, поскольку тогда там можно было легко раздобыть ЛСД хорошего качества. (Когда в 1963 кончился срок патента Сандоз на ЛСД, этот препарат начала производить чешская фармакологическая фирма Спофа.) По прибытии в Европу они хотели воспользоваться возможностью увидеть отца ЛСД, «человека, который совершил знаменитое ЛСД путешествие на велосипеде». Но иногда у этих визитов были и более серьёзные причины. Это было желание обсудить их личный ЛСД экспириенс и его значение, так сказать, с его первоисточником. И только изредка целью этих визитов было получение ЛСД, тогда посетители намекали, что они хотят поэкспериментировать с гарантированно чистым веществом, с настоящим ЛСД.

Были также и самые разные посетители с самыми разными желаниями из Швейцарии и других европейских стран. В последнее время такие встречи стали редкими, наверное, потому, что ЛСД потерял своё значение как наркотик. Когда это было возможно, я принимал таких посетителей или соглашался где-нибудь встретиться. Я считал это своей обязанностью, связанной с моей ролью в истории ЛСД, и старался помочь советом.

Иногда даже не было настоящего разговора, как, например, со стеснительным молодым человеком, который приехал на мотоцикле. Я так и не выяснил цели его визита. Он уставился на меня, как бы спрашивая себя: может ли человек, создавший такую чудную вещь, как ЛСД, выглядеть настолько обыкновенно? Относительно него, как, впрочем, и относительно других подобных визитёров, у меня было ощущение, что он надеется, что загадка

ЛСД каким-то образом разрешится лишь благодаря моему присутствию.

Другие встречи были совершенно иными, как, например, с молодым человеком из Торонто. Он пригласил меня на обед в первоклассном ресторане, произведя на меня впечатление своей внешностью – высокий, стройный, с блестящим интеллектом, бизнесмен и владелец крупной производственной фирмы в Канаде. Он поблагодарил меня за изобретение ЛСД, который придал его жизни новое направление. Он был на 100 процентов бизнесменом с чисто материалистическим мировоззрением. ЛСД открыл ему глаза на духовную сторону жизни. Теперь он обладал вкусом к искусству, литературе, философии и был глубоко обеспокоен вопросами религии и мистики. Он хотел открыть ЛСД экспириенс в подходящей обстановке своей молодой жене, и надеялся на такие же благополучные перемены в ней.

Не столь глубокими, но все же принёсшими внутреннюю свободу, были результаты экспериментов с ЛСД, о которых с юмором и выдумкой поведал мне молодой человек по имени Дэйн. Он приехал из Калифорнии, где он был слугой Генри Миллера. Он переехал во Францию с целью приобрести там пришедшую в упадок ферму, которую он, искусный плотник, хотел потом самостоятельно восстановить. Я попросил его раздобыть для моей коллекции автограф его бывшего работодателя, и, спустя некоторое время, я действительно получил настоящий образец почерка Генри Миллера.

Одна девушка отыскала меня, чтобы сообщить об ЛСД экспириенсе, который очень многое значил для её внутреннего развития. Будучи легкомысленным подростком, в погоне за любым развлечением, слегка забытая своими родителями, она стала принимать ЛСД из любопытства и любви к приключениям. На протяжении трёх лет она часто путешествовала при помощи ЛСД. Это привело к удивительному углублению её внутренней жизни. Она начала искать глубинный смысл своего существования, который со временем открылся ей. Затем, поняв, что ЛСД больше не в состоянии помочь ей, безо всяких сложностей и усилий воли она прекратила принимать препарат. После этого она была в состоянии развиваться дальше самостоятельно, без искусственных средств. Теперь она была счастливым и внутренне спокойным человеком – так она подытожила свой рассказ. Эта девушка решила рассказать мне свою историю, поскольку предполагала, что я подвергаюсь нападкам узкомыслящих личностей, которые видят в ЛСД только вред, принесённый молодёжи. Непосредственным поводом для её исповеди был разговор, который она случайно услышала во время путешествия в поезде. Некий мужчина

жаловался на меня, находя ужасным то, что я говорил о проблемах ЛСД в одном интервью, опубликованном в газете. По его мнению, я должен был объявить ЛСД изначально делом рук дьявола и должен был публично признать свою вину.

Люди, находящиеся в бреду под ЛСД, чьё состояние могло дать повод для таких обвинений, никогда мне лично на глаза не попадались. Такие случаи, приписываемые безответственному употреблению ЛСД в неподходящей обстановке, передозировкам, либо предрасположенности к психозам, всегда оканчивались больницей или полицейским участком. Их всегда сопровождала широкая огласка.

Визит одной американской девушки остался в моей памяти примером печальных эффектов ЛСД. Было обеденное время, которое я обычно провожу в своём офисе в заточении – никаких посетителей, приёмная секретаря закрыта. Раздался стук в дверь, короткий, но настойчиво повторявшийся, пока я не открыл. Я едва ли поверил своим глазам: передо мной стояла очень красивая девушка, светловолосая, с большими голубыми глазами, одетая в длинное платье хиппи, с повязкой на голове, в сандалиях. «Меня зовут Жанна, я приехала из Нью-Йорка – вы доктор Хофманн?» Прежде чем узнать у неё, зачем она ко мне приехала, я спросил, как она проникла через два поста, на главной проходной фабрики и у дверей в здание лаборатории, поскольку посетителей допускали только после расспроса по телефону, а это дитя цветов было особенно легко заметно. «Я – ангел, я могу пройти везде», ответила она. Затем она рассказала, что явилась с великой миссией. Она должна была спасти свою страну, США; прежде всего она должна была направить президента (в то время Л. Б. Джонсона) на правильный путь. Это могло случиться только, если бы он принял ЛСД. Тогда у него возникли бы правильные идеи, которые позволили бы ему вывести страну из войны и внутренних сложностей.

Жанна приехала ко мне в надежде, что я помогу ей выполнить её миссию, а именно дать ЛСД президенту. Её имя означало, что она была Жанной Д'Арк для США. Не знаю, могли ли мои аргументы, дополненные уважением к её праведным усилиям, убедить её в том, что её план не имел никаких шансов на успех ни в психологическом, ни в техническом смысле. Она ушла разочарованная и опечаленная. На следующий день Жанна позвонила мне по телефону. Она снова просила помочь ей, поскольку её финансовые ресурсы заканчивались. Я переправил её другу в Цюрихе, который дал ей работу, и у которого она могла жить. Жанна была учителем по профессии, а заодно пианисткой и певицей в ночных клубах. Некоторое время она играла и пела в

фешенебельном цюрихском ресторане. Добропорядочные буржуазные клиенты, разумеется, не имели понятия, что за ангел сидел за роялем в чёрном вечернем платье и развлекал их тонкой игрой и мягким, чувственным голосом. Не многие обращали внимание на слова песен; они большей частью были песнями хиппи, многие из них содержали скрытые намёки на наркотики. Представления в Цюрихе не продлились долго; через несколько недель я узнал от своего друга, что Жанна внезапно исчезла. Несколькими месяцами позже он получил от неё поздравительную открытку из Израиля. Там её поместили в психиатрическую лечебницу.

В завершение моей подборки посетителей, связанных с ЛСД, я хотел бы рассказать о встрече, где ЛСД фигурирует лишь косвенно. Госпожа Х. С., старший секретарь одной больницы, написала мне с просьбой о личной беседе. Она пришла на чашку чая. Она объяснила свой визит так: в одном отчёте об ЛСД экспириенсе она прочитала описание состояния, которое она испытывала, будучи молодой девушкой, и которое до сих пор её беспокоило; возможно, я мог бы помочь ей понять её ощущения.

Она совершала деловую поездку в качестве стажёра. Они ночевали в горном отёле. Х. С. проснулась очень рано и вышла из дому в одиночестве, чтобы посмотреть на восход солнца. Когда горы озарились морем лучей, её затопило небывалое чувство счастья, которое осталось и после того, как она присоединилась к остальным во время утренней службы в церкви. В течение мессы все казалось ей в сверхъестественном блеске, и ощущение счастья усилилось до такой степени, что она громко закричала. Её отвели обратно в отель и обращались как с умалишённой.

Это переживание во многом определило её дальнейшую личную жизнь. Х. С. опасалась, что она не совсем нормальна. С одной стороны, она боялась этого переживания, которое, как ей объяснили, было нервным срывом; с другой стороны, ей хотелось повторить это состояние. Из-за этого внутреннего раскола жизнь её стала неустойчивой. В беспрестанной смене профессий и личных отношений, сознательно или бессознательно, она снова искала этого экстатического ощущения, которое однажды сделало её поистине счастливой.

Мне удалось обнадёжить мою посетительницу. Тогда она испытала вовсе не психопатологический нервный срыв. Визионерский опыт новых глубин реальности – то, что многие люди ищут при помощи ЛСД – пришёл к ней спонтанно. Я порекомендовал ей книгу Олдоса Хаксли «Извечная философия» (Harper, New York & London, 1945) – собрание рассказов о произвольных видениях всех времён и культур. Хаксли писал, что

не только мистики и святые, но и, как ни странно, самые обыкновенные люди, испытывают такие блаженные моменты, но многие не понимают их значения, и, вместо того, чтобы относиться к ним, как к лучам надежды, подавляют их, поскольку они не вписываются в рациональность повседневного мира.

Глава 11. ЛСД экспириенс и реальность

Was kann ein Mensch im Leben mehr gewinnen Als dass sich Gott-Natur ihm offenbare? (Может ли человек достичь в жизни большего, чем то, что Бог-Природа открывается ему?)

Гёте

Меня часто спрашивают, что произвело на меня наибольшее впечатление в моих экспериментах с ЛСД, и достиг ли я нового понимания благодаря этим опытам.

Разные реальности

Самое большое значение для меня имело фундаментальное понимание, которое я вынес из всех своих опытов с ЛСД: то, что обычно принимают за «реальность», включая реальность собственной личности, ни в коем случае не является чем-то определённым, а скорее, наоборот, чем-то размытым – что существует не одна, а много реальностей, каждая из которых содержит в себе разное осознание собственного «Я».

К этому пониманию можно прийти и путём научных рассуждений. Проблема реальности с незапамятных времён была и остаётся главным вопросом философии. Тем не менее, есть существенная разница, подходить к этой проблеме рационально, логическими методами философии, или же эмоционально, через жизненный опыт. Первый запланированный эксперимент с ЛСД оказался столь глубоким и тревожным, потому что повседневная реальность, которую я до этого считал единственной реальностью, и «Я», воспринимающее её, растворились, и незнакомое «Я» начало воспринимать незнакомую реальность. Здесь возникает проблема нашей внутренней глубинной сути, которая, оставшись незатронутой, смогла зафиксировать эти внешние и внутренние изменения.

Реальность немыслима без воспринимающего субъекта, без эго. Она является производной внешнего мира, передатчика, в роли же приёмника выступает эго, в самой глубине которого становятся осознанными эманации внешнего мира,

зарегистрированные антеннами органов чувств. Если одно из двух отсутствует, то не возникает никакой реальности, музыка не играет и экран остаётся пустым.

Если развить концепцию реальности, как сочетания приёмника и передатчика, то вхождение в другую реальность при помощи воздействия ЛСД можно объяснить тем, что мозг, то место, где находится приёмник, изменяется биохимически. Таким образом, приёмник настраивается на другую длину волны, отличную от обычной, повседневной реальности. Поскольку бесконечное многообразие вселенной соответствует бесконечному множеству различных настроек приёмника, то в сознание вторгаются самые разнообразные реальности, каждая с соответствующим ей эго. Эти различные реальности, которые правильнее называть различными аспектами единой реальности, не взаимоисключают, а взаимодополняют друг друга, и все вместе составляют всеобъемлющую, вечную, трансцендентную реальность, в которой пребывает неизменная суть нашего самоосознания, способная запоминать различные эго.

Истинная ценность ЛСД и родственных галлюциногенов состоит в их способности изменять настройку длины волны приёмника «Я», и вызывать, таким образом, изменения в восприятии реальности. Исходя из способности вызывать к жизни различные новые картины реальности, этой истинно космогонической силы, становится понятным культовое поклонение галлюциногенным растениям, как священным.

В чем же заключается основное характерное различие между повседневной реальностью и видением мира под воздействием ЛСД? В нормальном состоянии сознания эго и внешний мир раздельны; мы находимся лицом к лицу с внешним миром; он стал объектом. Под воздействием ЛСД границы между воспринимающим «Я» и внешним миром более или менее исчезают в зависимости от глубины воздействия. Имеет место обратная связь между приёмником и передатчиком. Часть «Я» выходит за свои пределы во внешний мир, мир предметов, которые оживают и приобретают иное, более глубокое значение. Это может восприниматься как блаженство или как демонические изменения, пронизанные ужасом; в результате этого теряется уверенность в собственном «Я». В лучшем случае, новое эго чувствует блаженное единство с предметами внешнего мира, и, следовательно, с другими существами. Такое переживание полного единства с внешним миром может даже усилиться до ощущения единства с целой вселенной. Состояние космического сознания, которое в благоприятных условиях может быть вызвано ЛСД или другим галлюциногеном из группы мексиканских

священных снадобий, сходно с произвольными религиозными озарениями – unio mystica. В обоих состояниях, которые зачастую длятся лишь мгновение, воспринимается реальность, дающая мимолётный взгляд на трансцендентную реальность, в которой вселенная и «Я» едины.

Готтфрид Бенн, в своём эссе «Provoziertes Leben» (Искусственная жизнь) (Limes Ve rlag, Wiesbaden, 1949), определяет реальность, где эго и мир раздельны, как «шизоидную катастрофу, Западный невроз». Далее он пишет:… Эта концепция начала формироваться в южной части нашего континента. Мучительный греко-европейский принцип победы через усилия, коварство, зло, талант, силу и поздний европейский дарвинизм и его «сверхчеловек» были инструментами для её формирования. Эго возникло, преобладало, сражалось; для этого ему были необходимы инструменты, материалы, сила. Оно имело иное взаимоотношение с материей, более отдалённое в смысле чувств, но формально более близкое. Оно анализировало материю, испытывало и классифицировало: оружие, предметы обмена, деньги. Оно разъяснило материю путём изоляции, свело её к формулам, разделило её на кусочки. (Материя стала) концепцией, нависшей проклятием над Западом, с которой Запад боролся, не понимая её, которой он жертвовал огромные количества крови и счастья; концепцией, чья внутренняя натянутость и раздроблённость делали невозможным растворение в изначальном единстве и покое дологических форм бытия… вместо этого все яснее становился катастрофический характер этой идеи… государство, социальная структура, общественная мораль, для которой жизнь имеет экономическое значение и которое не признает мира искусственной жизни, не может остановить её разрушительную силу. Общество, гигиена и расовое воспроизводство которого, как современный ритуал основаны только на пустой биологической статистике, может представлять только внешнюю точку зрения масс; с этой точки зрения оно может вести войну непрерывно, поскольку реальность – это просто сырьё, но её метафизическая основа останется навсегда сокрытой. (Этот отрывок из эссе Бенна взят из перевода Ральфа Метцнера: «Искусственная жизнь: эссе по антропологии эго», который был опубликован в Psychedelic Review I (1): 47-54, 1963. Небольшие исправления в тексте Метцнера были сделаны А. Х.) Как сформулировал Готтфрид Бенн, концепция реальности, которая разделяет «Я» и внешний мир, решительно определила ход истории эволюции западного интеллекта. Восприятие мира как материи, объекта, которому противостоит человек, родило на свет современные естественные науки и технологии – создания

западного ума, изменившие мир. С их помощью человек покорил мир. Его богатства эксплуатировались и разграблялись, и грандиозные достижения технологической цивилизации, комфорт западного индустриального общества находится лицом к лицу с катастрофическим уничтожением окружающей среды. Предметный разум проник даже в сердце материи, в ядро атома, и его расщепление, и, таким образом, выпустил на волю энергию, которая угрожает жизни на нашей планете.

Злоупотребление знанием и пониманием, продуктами ищущего разума, не могли возникнуть из осознания реальности, в которой люди не отделены от окружающей среды, а существуют как часть живой природы и вселенной. Все сегодняшние попытки компенсировать ущерб посредством мер по защите окружающей среды так и останутся безнадёжными, поверхностными заплатками, если не вылечить «западный невроз», как назвал Бенн концепцию предметной реальности. Исцеление, в этом случае, означает осознание на собственном опыте глубинной, всеобъемлющей реальности.

Восприятие этой всеобъемлющей реальности не возможно в окружающей среде, уничтоженной руками человека, такой, как в наших крупных городах и промышленных районах. Здесь становиться особенно очевидным контраст между «Я» и окружающим миром. Возникает ощущение отчуждения, одиночества и угрозы. Эти ощущения отпечатались в повседневном сознании западного индустриального общества, они оставляют свой след везде, где продвигается технологическая цивилизация, и они во многом определят произведения современного искусства и литературы.

В естественной среде гораздо меньше опасность испытать отчуждение от реальности. В поле и лесу, и мире животных, сокрытом там, даже в любом саду, реальность воспринимается как более реальная, старая, глубокая и более удивительная, чем что-либо, созданное людьми, как нечто вечное, что останется после того, как безжизненный, механический конкретный мир снова исчезнет, придёт в упадок и разрушится. В побегах, ростках, цветах, плодах, отмирании и возрождении растений, в их взаимоотношении с солнцем, чей свет они превращают в химическую энергию в виде органических соединений, из которых построено все живое на земле; в растениях проявляется та самая таинственная, непрестанная, вечная жизненная энергия, которая порождает нас и снова забирает нас в своё лоно, где мы покоимся и соединяемся со всем живым.

Мы не подводим к сентиментальной восторженности природой, к девизу «назад к природе», в понимании Руссо. Это

романтическое движение, которое искало идиллию в природе, тоже можно объяснить человеческим чувством отстранения от природы. Сегодня же необходимо восприятие единства всего живого, осознание всеобъемлющей реальности, которое тем реже случается самопроизвольно, чем больше первобытная флора и фауна нашей матери земли уступает место мёртвой технологии.

Мистерия и Миф

Представление о реальности как о «Я», стоящем рядом с миром, противоположном внешнему миру, начало формироваться, как упоминалось в цитате из Бенна, в южной части европейского континента, в античной Греции. Несомненно, люди в то время знали о страданиях от такого расщепления сознания. Греки попробовали исцелить их, дополняя многообразное и пёстрое, чувственное и глубоко печальное видение мира Аполлона, созданное противоположностью субъект-объект, восприятием мира Диониса, в котором это противоречие уничтожается в экстазе опьянения. Нитцше пишет в «Рождении трагедии»: Либо под воздействием наркотических зелий, о которых первобытные народы и расы слагали гимны, либо под влиянием силы наступления весны, охватывающей радостью всю природу, возникли эти Дионисийские ритуалы, во время которых человек полностью забывал себя… Этот волшебный ритуал не только выковывал заново узы между людьми, но и отчуждённая, враждебная, и покорённая природа снова праздновала своё примирение с её блудным сыном – человеком. Элевсинские мистерии, которые праздновались ежегодно осенью, на протяжении примерно 2000 лет, с приблизительно 1500 года до нашей эры до четвёртого века нашей эры, были тесно связаны с церемониями и празднованиями в честь бога Диониса. Эти мистерии были установлены богиней сельского хозяйства Деметрой, в качестве благодарности за возвращение её дочери Персефоны, которую похитил бог подземного мира Аид. Другим подарком стал колос, который две богини подарили Триптолему, первому жрецу Элевсина. Они научили его выращивать хлеб, и это знание Триптолем распространил по всему земному шару. Персефоне, однако, не было позволено все время оставаться со своей матерью, потому что, вопреки указаниям высших богов, она отняла у Аида пищу. В качестве наказания, ей следовало возвращаться в подземное царство на определённый срок в году. В это время на земле царила зима, растения погибали, чтобы затем проснуться для новой жизни в начале весны, когда

Персефона возвращалась на землю.

Миф о Деметре, Персефоне и Аиде, который разыгрывали в виде спектакля, был, однако, лишь внешней стороной дела. Апогеем ежегодной церемонии, которая начиналась многодневным шествием из Афин в Элевсин, была заключительная церемония посвящения, которая происходила ночью. Посвящённым под страхом смерти было запрещено разглашать то, что они узнали, и видели в самой главной, священной комнате храма, тетестерионе. Ни один из множества тех, кто был посвящён в таинства Элевсина, не сделал этого. Павсиний, Платон, многие римские императоры, такие как Гардиан и Марк Аврелий, и много других известных античных личностей приняли это посвящение. Оно, вероятно, было похоже на озарение, визионерский взгляд на таинственную реальность, на истинную основу вселенной. Это можно понять из утверждений посвящённых о значимости и ценности этого видения. В одном из гимнов Гомера говорится об этом: «Блажен тот человек Земли, кто видел это! Тот, кто не был посвящён в эти святые мистерии, кто не был там, остаётся трупом во мраке и тьме». Пиндар говорит об Элевсинском таинстве следующими словами: «Блажен тот, кто, увидев это, ступает на путь в подземное царство. Он знает конец жизни, также как и её божественное начало». Цицерон, тоже один из знаменитых посвящённых, точно так же превозносит то величие, которое снизошло на него в Элевсине, он говорит: «Мы не только получили там повод для того, чтобы радостно жить, но, кроме этого, и повод для того, чтобы умереть с надеждой.»

Но как же могло мифологическое представление такого очевидного явления, происходящего перед нашими глазами ежегодно – зерно падает в землю, замирает там, чтобы весной новое растение, новая жизнь тянулась к свету – быть столь глубоким, экстатическим переживанием, как следует из упомянутых отрывков. Хорошо известно, что тем, кто принимал посвящение, во время заключительной церемонии подавали напиток кикеон. Также известно, что ингредиентами кикеона были экстракты ячменя и мяты. Религиоведы и мифологи, например Карл Керений, из книги которого «Элевсинские мистерии» (Rhein-Verlag, Zurich, 1962) были взяты вышеупомянутые цитаты, и с которым я сотрудничал во время исследований напитка этих мистерий, считают, что в составе кикеона был некий галлюциноген. (В книге «Дорога в Элевсин», которую написали Р. Гордон Уоссон, Альберт Хофманн и Карл А. П. Рак (Harcourt Brace Jovanovich, New York, 1978), обсуждается возможность того, что кикеон действовал благодаря ЛСД-

подобному препарату из спорыньи.) Тогда становиться понятным, откуда возникало экстатическое визионерское восприятие мифа о Деметре и Персефоне, как символа цикла жизни и смерти во всеобъемлющей и вечной реальности.

Когда король пришедших с севера готов Аларих, в 396 нашей эры захватил Грецию и разрушил святилище Элевсина, это стало не только концом религиозного центра, но и обозначило собой крах античного мира. Вместе с монахами, сопровождавшими Алариха, в страну, которую следует считать колыбелью европейской культуры, проникло христианство.

Культурно-историческое значение элевсинских мистерий, их влияние на европейскую историю, едва ли можно переоценить. В них, в восприятии мистического единства, в вере в бессмертие и вечное существование, страдающее человечество нашло лекарство от рационального, предметного, расщеплённого разума.

Эта вера выжила и во времена раннего христианства, хотя и в других символах. Она встречается как обещание, даже в некоторых местах Евангелий, наиболее отчётливо в Евангелии от Иоанна, глава 14. Иисус, покидающий своих учеников, говорит им: И я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек.

Духа истины, которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет.

Не оставлю вас сиротами; приду к вам. Ещё немного, и мир уже не увидит Меня; а вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить.

В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас. Это обещание представляет собой самое сердце моей христианской веры и моего призвания как учёного естествоиспытателя: через дух истины мы достигнем вселенского знания, и понимания нашего единства с самой тонкой, всеохватывающей реальностью, с Богом.

Церковное христианство, с его определением двойственности творца и создания, с его отчуждённой от природы религиозностью, во многом уничтожило Элевсинско-Дионисийское наследие античности. В христианской вере только отдельные счастливцы были свидетелями вечной, непрерывной реальности, воспринимая её в своих спонтанных видениях, тогда как в античные времена бесчисленные поколения избранных прикасались к ней через посвящение в Элевсине. Unio mystica католических святых, видения представителей христианского мистицизма, таких как Якоб Бёме, Майстер Экхарт, Ангелус Силезиус, Томас Траэрн, Уильям Блейк и других, описанные в их работах, очевидно по своей сути сходны с озарениями, которые

испытывали посвящённые в элевсинских мистериях.

Существенное значение мистического экспириенса для выздоровления человека западного индустриального общества, который страдает от одностороннего, рационального, материалистического видения мира, подчёркивается сегодня не только приверженцами восточных религиозных течений, таких как Дзен-буддизм, но и ведущими представителями академической психиатрии. Из соответствующей литературы мы упомянем здесь только книги Балтасара Штеелина, базельского психиатра, работающего в Цюрихе. (Haben und Sein «Иметь и быть» (1969), Die Welt als Du «Мир – Ты»(1970), Unvertrauen und zweite Wirklichkeit „Недоверие и вторая реальность“ (1973), и Der flnale Mensch „Последний человек“ (1976); все опубликованы издательством Theologischer Verlag, Zurich.) Они ссылаются на многих других авторов пишущих о подобных проблемах. В настоящее время „метамедицина“, „метапсихология“ и „метапсихиатрия“ начинают обращаться к метафизической основе человека, которая проявляется в восприятии глубинной, над-двойственной реальности, и эта основа становиться главным исцеляющим принципом в терапевтической практике.

В дополнение к этому, наиболее важно, что не только медицина, но другие сферы нашего общества считают преодоление двойственного, разделённого видения мира главной предпосылкой для исцеления и духовного обновления западной цивилизации и культуры. Это обновление могло бы привести к отказу от материалистической философии и развитию осознания новой реальности.

Медитация, в различных её формах, занимает в настоящее время видное место, как способ достижения глубинной, абсолютной реальности, в которой находит пристанище её воспринимающий. Существенное различие между медитацией и молитвой в обычном смысле слова, которая основывается на двойственности творец-создание, заключается в том, что медитация стремиться к разрушению барьера Я-Ты путём слияния объекта и субъекта, приёмника и передатчика, предметной реальности и «Я».

Предметная реальность, видение мира, порождаемое духом научного исследования, является мифом нашего времени. Она заменила собой церковно-христианское и мифическо-аполлоническое видение мира.

Но это вечно расширяющееся фактическое знание, которое и составляет предметную реальность, не следует профанировать. Наоборот, если только оно разовьётся достаточно вглубь, оно неминуемо приведёт к необъяснимой изначальной основе

вселенной: чуду, божественной тайне, заключённой в микрокосме атома, в макрокосме спиральных туманностей; в семенах растений, в теле и душе людей.

Медитация начинается на границе предметной реальности, в самой дальней точке, достигнутой рациональным знанием и восприятием. Таким образом, медитация не означает отказа от предметной реальности; напротив, она состоит в проникновении в глубинные слои реальности. Это не бегство в воображаемый мир снов; скорее это поиск абсолютной истины предметной реальности, при помощи одновременного стереоскопического созерцания её глубин и поверхностей.

Было бы более важным, чем преходящая мода, чтобы все больше и больше людей сегодня взяли бы себе в привычку каждый день посвящать час, или, хотя бы, несколько минут медитации. Результатом углубления и расширения естественнонаучного видения мира при помощи медитации стало бы развитие нового, более глубокого, осознания реальности, которое все больше становилось бы способностью каждого человека. Оно могло бы стать основой для новой религиозности, которая основывалась бы не на вере в догматы различных религий, а скорее на восприятии «духа истины». Здесь имеется в виду восприятие, чтение и непосредственное понимание текста «книги, которая писалась рукой Бога» (Парацельс).

Трансформацию предметного видения мира в более глубокое, и поэтому религиозное, осознание реальности, можно осуществить постепенно, практикую медитацию. Однако могут случаться и внезапные озарения; визионерский опыт. Тогда он бывает особенно глубоким, счастливым и важным. Тем не менее, такие мистические переживания могут «не возникать и после десятилетий медитации», как пишет Балтасар Штеелин. Это не случается с каждым, хотя способность к мистическому экспириенсу – неотъемлемая часть духовности человека.

Тем не менее, в Элевсине мистические видения, прозрения и исцеляющий опыт, могли происходить в установленном месте в назначенное время со всеми, кто принимал посвящение великих мистерий. Это можно объяснить тем, что там использовался галлюциноген; и это, как уже было сказано, подтверждают учёные религиоведы.

Благодаря отличительному свойству галлюциногенов с помощью экстатического, эмоционального переживания разрушать границы между воспринимающим «Я» и внешним миром, становиться возможным с их помощью, при надлежащей внутренней и внешней подготовке, запланированно вызывать мистический экспириенс так, как это происходило в Элевсине.

Медитация – это подготовка к той цели, к которой стремились, и которой достигали посвящённые в элевсинские мистерии. Соответственно, в будущем, возможно при помощи ЛСД, мистические видения, вершина медитации, станут доступными все большему числу практикующих медитацию.

Я вижу истинное значение ЛСД в возможности оказывать существенную помощь медитации, направленной на мистическое восприятие глубинной, абсолютной реальности. Такое его применение полностью соответствует сущности и характеру действия ЛСД, как священного снадобья.